

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 2 (50)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Тарева Е. Г.</i> главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
<i>Викулова Л. Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Смирнова А. И.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Алмазова Н. И.</i>	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Аминова В. Р.</i>	доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
<i>Афанасьева О. В.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Беляева И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Богданова Л. И.</i>	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
<i>Борботько Л. А.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Бубнова И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Геймбух Е. Ю.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Желтухина М. Р.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Журавлева Е. А.</i>	доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)
<i>Курдюмов В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Матвеева И. И.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Поршнева Е. Р.</i>	доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)
<i>Радченко О. А.</i>	доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)
<i>Романова Г. И.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Сагаэ Мицунори</i>	доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)
<i>Собянина В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Тивьяева И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Тышкова-Каспиак Эльзбета</i>	доктор филологических наук, доцент (Вроцлавский университет, Польша)
<i>Чернявская В. Е.</i>	доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Чупрына О. Г.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Шафранская Э. Ф.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Языкова Н. В.</i>	доктор педагогических наук, профессор
<i>Якушевич И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Полтавец Е. Ю.* Семь императоров на фоне истинного величия в «Войне и мире» Л. Н. Толстого 7
- Романова Г. И.* Восприятие художественной литературы как фактор культурной идентификации читателей 17
- Панова О. Б., Маругина Н. И.* Детство и социально-психологические проблемы взрослого мира в повести «Гюро» Анне-Катрине Вестли 25

Русистика. Германистика. Романистика

- Якушевич И. В.* Орнитологический код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 38
- Беляева М. В., Киров Е. Ф.* Креативный синтаксис через призму диалога культур (немецкий и русский языки)..... 55
- Иванова С. В., Медведева С. Н.* Функционально-семантический потенциал близкосинонимичных конструкций *on the verge / edge / brink / point of + NOUN* 69
- Сорокина Э. А., Балашова А. Ю.* Функционирование глагола в научных текстах по перфузиологии 83
- Макаревич А. В.* Устаревшие русизмы в современном белорусском литературном языке 94
- Сюй Лили.* Пространственные метафоры в русской поведенческой концептосфере: семантико-когнитивный анализ глаголов 105

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Карасик В. И.* Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса 118
- Аннушкин В. И., Вэнь С.* Классические достоинства и нововведения среди традиционных коммуникативных качеств речи 130
- Козловский Д. В.* Регулятивная эвиденциальность в пространстве рекламного медиадискурса 141

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Воронина Л. А. Структурно-содержательная концепция учебника по фонетике (сегментный уровень корейского языка) 155

Слово молодым ученым

Воронина Ю. В. Взаимодействие иллюзии и реальности в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» 168

Яковлева В. В. Типология комиксов в немецком образовательном дискурсе 176

Полянская А. И. Проблема классификации фэнтези-произведений 185

Научная жизнь

Меркулова М. Г., Герасимова С. А. Исследование современных проблем литературоведения в рамках научных школ России (на материале защит диссертаций, МГПУ, 2016–2022) 195

Требования к оформлению статей 211

CONTENTS

Literary Science

- Poltavets E. Yu.* Seven Emperors Against the Background of True Greatness in Leo Tolstoy's «War and Peace» 7
- Romanova G. I.* Fiction Perception as a Factor of Readers' Cultural Identification 17
- Panova O. B., Marugina N. I.* Childhood and Socio-psychological Problems of the Adult World in the Story «Gyuro» by Anna-Katrina Vestley 25

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Yakushevich I. V.* Ornithological Code in M. A. Bulgakov's Novel «The Master and Margarita» 38
- Belyaeva M. V., Kirov E. F.* Creative Syntax Through the Prism of the Dialogue of Cultures (German and Russian) 55
- Ivanova S. V., Medvedeva S. N.* Functional and Semantic Potential of the Near Synonymous Constructions *On the Verge / Edge / Brink / Point of + NOUN* 69
- Sorokina E. A., Balashova A. Yu.* The Functioning of the Verb in Scientific Texts on Perfusionology 83
- Makarevich A. V.* Obsolete Russisms in the Modern Belarusian Literary Language 94
- Xu Lili.* Spatial Metaphors in the Russian Behavioral Conceptosphere: Semantic and Cognitive Analysis of Verbs 105

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Karasik V. I.* Linguistic and Cultural Characteristics of Pedagogical Discourse 118
- Annushkin V. I., Wen S.* Classical Advantages and Innovations among the Traditional Communicative Qualities of Speech 130
- Kozlovsky D. V.* Regulatory Evidentiality in the Space of Advertising Media Discourse 141

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

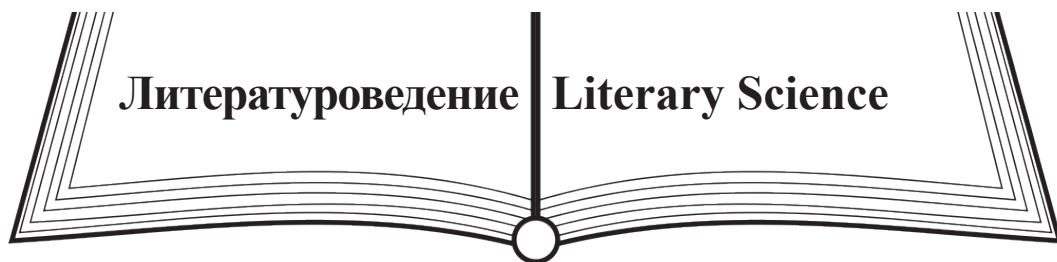
- Voronina L. A.* Structural and Content Concept of a Phonetics Textbook
(Segmental Level of the Korean Language) 155

Young Scientists' Platform

- Voronina Yu. V.* Interaction of Illusion and Reality in A. P. Chekhov's Play
«The Cherry Orchard» 168
- Iakovleva V. V.* Typology of Comics in German Educational Discourse 176
- Polyanskaya A. I.* Fantasy Works Classification Issue 185

Scholarly Events

- Merkulova M. G., Gerasimova S. A.* Research of Modern Problems
of Literary Criticism within the Framework of Scientific Schools of Russia
(on the Material of Theses Defenses, MCU, 2016–2022) 195
- Requirements for the Style of Articles 211

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.01

СЕМЬ ИМПЕРАТОРОВ НА ФОНЕ ИСТИННОГО ВЕЛИЧИЯ В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО

Полтавец Елена Юрьевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

nedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Аннотация. Статья посвящена актуальному, но недостаточно исследованному вопросу о корреляции историсофского и психологического смысла «Войны и мира» Л. Толстого. В связи с этим главное внимание уделяется выявлению приемов противопоставления Андрея Болконского целому ряду исторических персонажей — императоров. Ведущим методом данного исследования стал сравнительно-исторический метод, что позволило сопоставить князя Андрея с историческими персонажами (императорами) и установить, что они оцениваются по тем же нравственным критериям, что и вымышленные герои. В статье доказано, что автор противопоставляет князя Андрея семи императорам, чтобы показать истинное величие человека. Представленный в статье анализ раскрывает отношение автора «Войны и мира» к знаменитым в истории личностям, известным и прославленным. Все семь названных в «Войне и мире» императоров изображены так, как видит их Андрей Болконский, или получают его оценку. На примере антитезы «Андрей Болконский — известные в мировой истории властители» Толстой вырабатывает основные принципы своей историсофской концепции.

Ключевые слова: истинное величие, император, философия истории, историсофское и психологическое значение, исторические персонажи.

Для цитирования: Полтавец, Е. Ю. (2023). Семь императоров на фоне истинного величия в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 7–16. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.01>

Original article

UDC 821.161.1-31.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.01

**SEVEN EMPERORS AGAINST
THE BACKGROUND OF TRUE GREATNESS
IN LEO TOLSTOY'S «WAR AND PEACE»****Elena Yu. Poltavets**Moscow City University,
Moscow, Russianedzvetsky@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Abstract. The article considers a topical, though still insufficiently studied issue of correlating the historiosophical and psychological meanings of «War and Peace» by Leo Tolstoy. In this regard, the focus is on the methods aimed at contrasting Andrei Bolkonsky with a number of historical characters, emperors. The leading method of this study was the comparative historical one, which made it possible to compare Prince Andrew with historical characters (emperors) and to reveal that they are evaluated according to the same moral criteria as fictional characters. The article proves that the author opposes Prince Andrew to the seven emperors in order to show the true greatness of man. The analysis presented in the article reveals the attitude of the author of «War and Peace» to historical personalities, both famous and illustrious. All seven emperors named in «War and Peace» are either depicted through the eyes of Andrei Bolkonsky or receive his assessment. The antithesis «Andrei Bolkonsky — the rulers known in world history» enables Tolstoy to develop the basic principles of his personal historiosophical concept.

Keywords: true greatness, emperor, philosophy of history, historiosophical and psychological meaning, historical characters.

For citation: Poltavets, E. Yu. (2023). Seven Emperors against the background of True Greatness in Leo Tolstoy's «War and Peace». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 7–16. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.01>

Введение

В 1868 году, не дожидаясь выхода в свет всего романа Л. Н. Толстого «Война и мир», П. В. Анненков опубликовал в «Вестнике Европы» критическую статью «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”». На момент написания статьи критик был знаком только с первыми тремя томами (в первом и втором изданиях три первых тома соответствовали двум первым в принятом позже делении на четыре тома). То есть из исторических вопросов «Войны и мира» Анненкову было известно только изображение Шенграбена, Аустерлица, Тильзита, Сперанского, толков москвичей о европейской политике Наполеона в 1811 году. Других критических статей о «Войне и мире», даже по выходе в свет всего произведения, Анненков не написал, о толстовских Наполеоне, Кутузове, Ростопчине, Александре I, да и о многих других деятелях 1812 года как исторических персонажах «Войны и мира» не говорил; изображение Смоленска, Бородина, Москвы также оставил без своего критического внимания. Но Анненков, не добавив к своей статье, посвященной историческим вопросам, самого, казалось бы, главного — критического анализа всей толстовской картины 1812 года, — решал, по-видимому, какую-то

другую задачу, видел проблему исторического изображения в другом аспекте, поэтому счел свою цель достигнутой и без обращения к эпизодам 1812 года. Одно из самых интересных и нуждающихся в современном осмыслении утверждений Анненкова — это замечание, что «дух времени <...> воплощается на страницах романа, как индийский Вишну» (Анненков, 2000, с. 353). Более чем через 20 лет после этого К. Н. Леонтьев сравнил «Войну и мир» с Брамой и индийским идолом (Леонтьев, 2012, с. 148). Через 40 лет Р. Роллан написал, что в связи с «Войной и миром» уместнее всего вспоминать Кришну и индусские эпопеи (Роллан, 1985, с. 243).

Второе интереснейшее положение статьи Анненкова, также не нашедшее отклика в суждениях современников Анненкова и в литературоведении наших дней, — это наличие в «Войне и мире» системы оппозиций «вымышленный персонаж – образ исторического лица». Казалось бы, такие противопоставления не раз становились предметом исследований, однако изучались они большей частью в сюжетно-ситуационном ключе и — меньше — в идейных аспектах (например, Тушин и его батарея vs Наполеон, Николай Ростов и Александр I в Тильзите, Пьер на допросе у Даву). Чаще подчеркивались выстроенные автором «Войны и мира» параллели, указывалось на психологическое сходство (Наполеон и военные карьеристы, m-lle Georges и Элен и т. д.). Анненков же раскрыл именно систему противопоставлений и указал на ее смысл и центральную идею как на главнейший эстетический вопрос и вместе с тем один из особенно важных аспектов идейной структуры романа. Сосредоточившись на образах трех главных героев романа, критик подчеркнул: «...Самое важное лицо этой светской триады есть молодой князь Болконский <...>. Это именно то строгое, серьезное лицо, которое должно торжественно вынести на себе идею романа из хаоса его подробностей, оправдать автора за выбор места действия и за выбор содержания, дать всему смысл и значение» (Анненков, 2000, с. 356). Именно князь Андрей, оправдывая выбор содержания, наблюдает исторических лиц, дает им смысл и значение. Критик поясняет: «Всех более посчастливилось при этом молодому князю Болконскому, адъютанту Кутузова <...>. Перед ним развивается вся быстрая и несчастная наша заграничная кампания 1805–1807 годов со всеми трагическими и поэтическими своими сторонами; <...> он видит всю обстановку главнокомандующего и часть чопорного австрийского двора и гофкригсрата. К нему приходят *позироваться* император Франц, Кутузов, а несколько позднее — Сперанский, Аракчеев и проч., хотя портреты с них — и прибавим — чрезвычайно эффектные снимает уже сам автор» (здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам. — *Е. П.*) (Анненков, 2000, с. 352–353).

Итак, Анненков, знакомый еще только с половиной текста, уловил один из важных принципов репрезентации темы «Человек и история» в «Войне и мире». Это выстраивание системы оппозиций «Андрей Болконский — исторические деятели». Стоит ли говорить, что чтение второй половины произведения прибавило бы значительный материал к осмыслению этих оппозиций, но главное Анненковым уже сказано. Более туманно выразился на ту же тему Н. Н. Страхов в первой из своих статей 1869 года о «Войне и мире» (статья посвящена 1–4-му томам): «Князь Андрей внушает всем невольное уважение, играет в свете какую-то царственную роль. Его ласкают Кутузов и Сперанский, его боготворят солдаты» (Страхов, 1984, с. 431). Если вымышленный персонаж, частное лицо играет, по мнению критика, в свете (и не только в свете) царственную роль, уместно задаться вопросом: какую же роль играют в толстовской картине мира царственные исторические лица, правители и императоры?

В «Войне и мире» князь Андрей скрыто или явно, т. е. путем сравнений в авторском комментарии, сопоставляется с семью императорами. Из всех «позировавших», по выражению Анненкова, князю Андрею исторических лиц выберем подсистему «императоры» и кратко охарактеризуем функции системных сопоставлений. Аустерлицкий эпизод встречи Болконского с Наполеоном хрестоматийно известен, поэтому акцентируем самое главное, на наш взгляд, противопоставление, оно же и логическое основание всей системы оппозиций «князь Андрей — императоры». Это противопоставление истинного и ложного человеческого величия. Проблема слишком значимая для Толстого, причем не только в период «Войны и мира», но и на протяжении всего дальнейшего творчества. Аустерлицкий небесный пейзаж с облаками не только противопоставляется суетной толпе землян, но и — главное — задает космический масштаб проблемы. Инверсия осевого символа (Праценская гора) выражается в том, что Наполеон мнит себя одержавшим не только военную, но и моральную победу и пространственно возвышается над распростертым Болконским, тогда как истинное величие еще выше — на небе с облаками. Ключевое противопоставление на микроуровне текста — несколько раз повторяющиеся лексемы «величие» и «ничтожество». Оппозиция «Наполеон — князь Андрей» в «Войне и мире» гораздо более значима, чем «Наполеон — Кутузов», так как проблему истинного величия Толстой решает не столько на примере противопоставления исторических личностей, будь они признанными воплощениями добра и зла, «олицетворениями мировых сил» (Бочаров, 1963, с. 142), сколько с помощью противопоставления более глубокого, захватывающего оппозицию не только исторической роли и моральных качеств, но и статусов (социальных и, так сказать, персонажных): «император, исторический персонаж — частное лицо, вымышленный персонаж». На эту особенность системы персонажных оппозиций и указал Анненков.

В работе Л. Н. Гумилева «Бремя страстей» высказана мысль, что толстовский князь Андрей — пример «абсолютно гармонической личности» (Гумилев, 1996, с. 21). «Это вам не Наполеон, живший в его время, который так же, как Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной. И даже такие страны, которые он явно не мог удержать. Например, Испанию или Россию» (Там же). Гумилев понимает противопоставление князя Андрея Наполеону как противопоставление идеального героя пассионарному, причем находящемуся во власти собственных софизмов и собственного властолюбия (Там же). Современный философ В. В. Бибихин видит в противопоставлении Андрея Болконского Наполеону главную историософскую антитезу «Войны и мира»: «Недоразумение, что у Толстого герои не правят историей. <...> То же князь Андрей Болконский, чей Тулон состоялся, он спас Кутузова от плена или смерти под Аустерлицем — совершенно странным образом читатели и критики, замороженные общим мнением об отсутствии исторического героя у Толстого, не замечают этого *решающего* подвига, важнее Тулона, потому что Кутузов потом *решает* исход русской кампании Наполеона» (Бибихин, 2012, с. 194–195).

Если подвиг князя Андрея под Аустерлицем важнее наполеоновского Тулона, то это значит, что, по Толстому, не от императора Наполеона, а от частного лица — князя Андрея — зависел ход мировой истории. Недаром именно князь Андрей напоминает в салоне Шерер: «Надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 30). Таким образом, тема противостояния частного лица и властителя развивается автором

в качестве историософского парадокса, и эта тема заявлена уже на первых страницах «Войны и мира».

Результаты исследования и дискуссия

Российский император Александр I воплощает в романе серость. Напомним, что флигель-адъютантство не привлекало князя Андрея еще до отъезда в армию в 1805 году, хотя, по впечатлениям Лизы Болконской, «государь очень милостиво говорил с ним» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 36). Получается, что беседа Болконского с Александром, о которой упоминает маленькая княгиня, фабульно предшествует презрительному молчанию князя Андрея при аустерлицкой встрече с Наполеоном. В кампании 1805 года Болконский участвовал в качестве адъютанта Кутузова, а не Александра, и между императором Александром и князем Андреем, как и между императором и Кутузовым, установилась ощущаемая обоими антипатия. В связи с этим Толстой несколько отходит от своего принципа сопоставления Болконского с императорами и поручает восхищение Александром Николаю и Пете Ростовым, а недоумение по поводу этого императора и Тильзита — Николаю Ростову. Изображение же какого-то взаимодействия между Александром и Болконским (хотя бы по схеме «увлечение – разочарование», как в эпизодах, посвященных работе князя Андрея со Сперанским) автор сразу отвергает, потому что Болконский никогда и не был очарован государем. Как камергер, князь Андрей является ко двору, замечает неудовольствие государя, но остается снисходителен к безобидному недалекому самодержцу. «Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатиях и антипатиях», — думает князь Андрей об императоре (Толстой, 1978–1985, т. 5, с. 167).

Портретную галерею дополняет австрийский император Франц, из аудиенции при дворе которого князь Андрей выносит впечатление еще более тягостное: война и политика, вообще отвлеченные вопросы представляют для этого императора с «длинной головой» (Там же, т. 4, с. 202) слишком непосильное умственное напряжение (Франца Болконский видит и позже — перед Аустерлицким сражением, причем у императора столь же озадаченный вид).

Итак, фабульная последовательность, в которой князь Андрей наблюдает властителей-современников, такова: беседа с Александром, беседа с австрийским императором Францем, встреча с Наполеоном. Они олицетворяют ступени деградации власти — от безобидного (на первый взгляд) легкомыслия и кокетства Александра (которые так по сердцу Анне Шерер и Лизе Болконской) — к наивному убеждению Франца, что жизнь управляется диспозициями и аудиенциями, а от Франца — к самодовольному завоевателю и убийце Наполеону.

Австрийского императора Франца Болконский воспринимает так же, как немецких генералов. Это противопоставление находится в русле мотива ложной и настоящей жизни. «Причина не в том, что известная немецкая точность и дисциплинированность вступали в противоречие с качествами свободной русской природы (Толстой был к подобным сопоставлениям равнодушен), а в том, что реальная военная действительность не могла уложиться в заранее разработанные планы и диспозиции» (Романов, 2021, с. 268). Антитеза князь Андрей – Наполеон для Толстого еще более значительна, это антитеза Праведника и мирового зла. «Если жизнь свою князь Андрей проживает

как Воин и Герой, то смерть он встречает как Праведник — не только преодолевая ее разрушительность силой духа, но открывая в ней возможность обретения высшей мудрости, примирения всех противоречий: в отношениях с собой, с людьми, с Богом» (Ибатуллина, 2020, с. 143), — пишет Г. М. Ибатуллина, и это верно не только для финальных эпизодов сюжетной линии Болконского, но и для аустерлицкого эпизода нравственно-психологического противостояния Наполеону, потому что этот эпизод тоже смерть князя Андрея (его первая смерть, которая соответствует смерти-инициации мифологического или сказочного героя, впоследствии оживающего, например, с помощью волшебного помощника), что и подчеркивается его временным пребыванием как бы за пределами романного пространства.

В системе оппозиций присутствуют еще четыре правителя, чьи имена хорошо известны в мировой истории. Отец князя Андрея, видимо, неслучайно получил в обществе прозвище *le roi de Prusse*¹ (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 111), и отдельные черты его образа жизни (строгий распорядок дня, интерес к архитектуре, владение иностранными языками, признание важности музыкальных занятий, некоторое вольтерьянство, недоверие к женщинам) напоминают черты Фридриха II, не говоря уж о сосредоточенности на военной теме. В черновых вариантах «Войны и мира» сходство было разработано подробнее, но в аспекте противопоставлений важно подчеркнуть, что, получив воспитание в прусском духе, князь Андрей становится у Толстого главным противником всякой войны (вспомним его антивоенный манифест — обличение войны, высказанное Пьеру перед Бородинским сражением, и его буддийский жест во время самого сражения — абсолютизацию принципа ненасилия). Прусский король Фридрих, впрочем, не носил титула императора, по этому формальному критерию в число составляющих систему семи императоров он не входит. Другой весьма воинственный правитель, знакомство с наследием которого ознаменовало для князя Андрея годы учения, — Юлий Цезарь. (Термин «император» в связи с этим победоносным полководцем стал означать еще и носителя власти, а затем утвердился как титул главы государства.)

В кабинете князя Андрея Пьер как первую попавшуюся книгу читает «Записки Цезаря» (Там же, т. 4, с. 34). Это говорит о том, что данное издание у князя Андрея всегда под рукой. Ведь записки Цезаря о Галльской войне (*Commentarii de Bello Gallico*) считались еще и пособием по военному искусству, хотя и не вызывали уважения у некоторых полководцев, например у Наполеона. Однако сопоставление честолюбивых намерений князя Андрея с честолюбием и властолюбием Цезаря не столь уж прямолинейно, как иногда думают. «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь не по мне!» (Там же, т. 4, с. 35) — вот что отвечает князь Андрей Пьеру, единственному близкому человеку, которому он открывает душу, на вопрос, зачем он идет на войну. К честолюбию эта мотивировка не имеет никакого отношения.

Еще один римский император, по мнению М. С. Альтмана, служит для Болконского примером: князю Андрею, «мечтающему о своем Тулоне, собирающемуся стать новым Титом, слышен голос шутников: “Тит, ступай молотить”» (Альтман, 1966, с. 31). Остается соотнести пословичного Тита с римским императором Титом Флавием Веспасианом (39–81). В толстовском лабиринте сцеплений основания для этого находятся: императора Александра уподобляли и Агамемнону, и Титу, который заслужил

¹ *Фр.*: король Пруссии

репутацию идеального и очень щедрого правителя благодаря снижению налогов и помощи якобы из собственных средств жителям городов Помпеи, Стабии и Геркуланум, пострадавшим от извержения Везувия (ода Н. П. Николева, содержащая такое уподобление, цитируется в «Войне и мире»). На самом же деле идеальный образ императора Тита сконструировали придворные льстецы, что также было известно историкам. М. С. Альтман почему-то приписывает князю Андрею намерение стать новым Титом. (Николай Ростов тоже слышит эту шутку, но исследователи никогда не рассматривали данную деталь в качестве доказательства стремления Ростова подражать Титу.) Шутки денщиков, вряд ли начитанных в древней истории, для образованного Андрея Болконского (и автора) могут формировать тот контекст, в котором Тит ассоциируется с именем бесосновательно прославленного древнеримского императора. Поэтому князь Андрей не мечтает уподобиться Титу, а, наоборот, страшится этого, когда, услышав шутку, мысленно возражает концепции неверной славы: «И все-таки...» (Толстой, 1978–1985, т. 4, с. 334). В этом «И все-таки...» сказывается осознание героем (еще до Праценской горы и молчаливого противостояния Наполеону) призрачности славы и превратности человеческих представлений о величии исторических деятелей.

Участие князя Андрея в законотворческой деятельности роднит его с императорами-законотворцами (Юстинианом I и Наполеоном), но разочарование Болконского в этой деятельности как таковой является еще одним аспектом противопоставления. Упоминание о том, что князь Андрей, работая в комиссии по составлению законов, привлекал *Code Justiniani*², комментируется обычно как достоверная черта времени и автобиографическая деталь (Толстой в юности читал кодекс ради совершенствования своей латыни и юридической эрудиции). Но нас интересует ряд деталей биографии самого Юстиниана. Как ни странно, в судьбе князя Андрея присутствуют некоторые переключки с судьбой Юстиниана I (482 или 483–565 гг.), весьма причудливой даже для византийского императора. И это не только участие в войнах, увлеченное руководство комиссией по составлению законов или благотворительные начинания: Юстиниан строил храмы и больницы. (Болконский тоже проводил реформы в своих имениях, заботился о распространении грамотности и медицинской помощи, после чего и пришел к выводу о необходимости реформ всероссийского масштаба.) Удивительна история женитьбы Юстиниана, влюбившегося, когда он был еще только наследником своего дяди, императора Юстина, в циркачку-стриптизершу Феодору (позже канонизирована в лике благоверных, хотя некоторые свидетельства современников, например хрониста и памфлетиста Прокопия, характеризуют ее как сущую дьяволицу). По преданию, Юстиниан увидел занимавшуюся рукоделием Феодору в окне ее домика, влюбился в скромную девушку и отправился за благословением к дядюшке, императору Юстину, который пришел в ужас и, разумеется, запретил наследнику престола жениться на блуднице. Пришлось ждать смерти императора-дяди. Чувства влюбленных выдержали испытание временем, и Феодора стала, наконец, супругой Юстиниана, а в 527 году — императрицей, причем инициировала специальный указ, разрешающий падшим женщинам при условии их покаяния выходить замуж за вельмож и даже царственных особ.

После измены Наташи Пьер напоминает князю Андрею его суждение, высказанное в какой-то беседе в Петербурге, что падшую женщину надо простить, однако ни герои, ни автор не сообщают о том, что же послужило поводом к этому разговору.

² *Лат.*: Кодекс Юстиниана

Может быть, друзья когда-то говорили о несчастном браке Пьера с Элен, а может быть, обсуждали византийские императорские указы. «Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу» (Толстой, 1978–1985, т. 5, с. 384), — отвечает Пьеру князь Андрей.

Упоминание о том, что беседа, вспомнившаяся Пьеру, проходила в Петербурге, можно рассматривать как намек на пору петербургской работы князя Андрея над составлением законов в комиссии Сперанского, т. е. на переключку с историей Феодоры и Юстиниана. Размышляя над Code Justiniani, Болконский еще не знал, что история византийского императора содержит некоторое предсказание: женитьбу на Наташе придется отложить по настоянию отца.

Узнавший об измене Наташи и вовлеченный в спор гостей старого князя о ссылке и мнимой измене Сперанского, князь Андрей защищает Сперанского от обвинений и говорит: «Я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость» (Там же, с. 383). Справедливость, о которой напоминает Болконский, тоже вписывается в юстиниановский контекст спора не только потому, что работа со Сперанским была связана для князя Андрея с изучением статей римского свода, но и потому, что латинская *justitia* (справедливость, право, свод законов) и имя *Justinianus* этимологически объединены.

Юстиниановскому как законному и справедливому у Толстого противопоставляются любовь, прощение и самоотвержение. Княжна Марья, которая уговаривает князя Андрея простить, «никогда не думала об этом гордом слове: справедливость» (Там же, с. 240). Ключевое упоминание о княжне Марье и справедливости находится в начале главы, примыкающей к повествованию о жизни князя Андрея в Петербурге, стало быть, и о его увлечении юстицией. Стремление к любви и прощению побеждает в душе князя Андрея установку на справедливость, т. е. помогает преодолеть своеобразный юстиниановский комплекс. Прощение выше справедливости, неосуждение выше прощения — таковы этапы восхождения души героя к истинному величию (в личном плане спроецированные на драматическую историю его взаимоотношений с Ростовой). В 1903 году Толстой записал в дневнике: «Для того, чтобы в действительности была justice, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь. <...> Для того, чтобы попасть в цель, надо целить выше и дальше ее» (Там же, т. 22, с. 153). Юстиниановская тема, вбирающая в себя и важнейший в этике Толстого «вывод о недопустимости осуждения» (Шульц, 2019, с. 50), и критику законотворческой и юридической практики (важную идейную составляющую поздних произведений Толстого, особенно романа «Воскресение»), начинается уже в «Войне и мире» — в связи с образом князя Андрея. Рассматривая в концептуальной статье категории прощения и неосуждения в контексте соотношения философии Толстого с философией И. Канта и М. Бахтина, С. А. Шульц делает вывод, что недопустимость осуждения — «тезис Толстого — среди центральных в его художественно-философско-религиозном мире в целом» (Там же, с. 50). Поэтому нам представляется возможным соотносить с этим тезисом и «Войну и мир».

Седьмой император — китайский — единственный, кто заслужил безоговорочную похвалу Болконского: «Все цари, кроме китайского, носят военный мундир» (Толстой, 1978–1985, т. 6, с. 219).

Заключение

Создание «Войны и мира» Львом Толстым — один из впечатляющих примеров мирового противостояния: созидательное всеединство vs деструктивное разложение. Противопоставив «великим» властителям своего вымышленного героя, князя Андрея, Толстой дал в «Войне и мире» пример истинного человеческого величия. «Историософский замысел в точности соответствует замыслу психологическому» (Ильин, 2000, с. 126), — писал о романе русский религиозный мыслитель В. Н. Ильин. К историософскому замыслу «Войны и мира» можно также в полной мере отнести суждение С. М. Телегина: «Роман исполняет мифологическую функцию установления поведенческих моделей для подражания. <...> Историческое оказывается лишь проявлением трансцендентного» (Телегин, 2000, с. 151). Противопоставление Наполеону князя Андрея как «образа истинного небесно-земного величия» (Берман, 1992, с. 183) было для Толстого особенно важным потому, что в князе Андрее Толстой воплотил свое «идеальное Я автора» (Там же, с. 186). Для самого Толстого «Война и мир» — это поединок с Наполеоном, поединок мыслителя с властителем, и недаром «в “Войне и мире” находим <...> именную импликацию Napoleon – Leon Tolstoy» (Мароши, 2011, с. 224).

Нельзя не согласиться с Б. И. Берманом: «Толстой всегда знал себя великим, и потому его художественные исследования того, что велико в этом мире и что ничтожно, для него не литературная, философская или публицистическая тема, а глубоко личная проблема своей жизни. Эту личную задачу истинного величия человеческого Толстой и решал для себя в образе князя Андрея» (Берман, 1992, с. 183–184). Вместе с тем, как пишет исследователь, в религиозно-художественных сценах «Войны и мира» образ князя Андрея создается Толстым в том смысле, который мы имеем в виду, говоря «образ», т. е. «это не столько художественное, сколько религиозное творчество» (Там же, с. 133). Антитеза «образ Андрея Болконского — образы правителей, императоров» есть важнейшая составляющая религиозного творчества Л. Н. Толстого в «Войне и мире».

Список источников

1. Анненков, П. В. (2000). *Критические очерки*. РХГИ.
2. Леонтьев, К. Н. (2012). *О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Критический этюд*. Либроком.
3. Роллан, Р. (1985). *Жизни великих людей: Жизнь Бетховена; Жизнь Микеланджело; Жизнь Толстого*. Высшая школа.
4. Страхов, Н. Н. (1984). *Литературная критика*. Современник.
5. Бочаров, С. Г. (1963). *Роман Л. Толстого «Война и мир»*. ГИХЛ.
6. Гумилев, Л. Н. (1996). Бремя страстей. *Наука и религия*, 5, 16–21.
7. Бибихин, В. В. (2012). *Дневники Льва Толстого*. Издательство Ивана Лимбаха.
8. Толстой, Л. Н. (1978–1985). *Собр. соч.*: в 22 т. Художественная литература.
9. Романов, Д. А. (2021). Европейские культуры в интерпретации Льва Толстого: однозначное и неоднозначное (по страницам очерка «Севастополь в мае» и романа «Война и мир»). *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, L, 263–273.
10. Ибатуллина, Г. М. (2020). *Историософский миф в контекстах русской литературы XIX века*. Флинта.
11. Альтман, М. С. (1966). *Читая Толстого*. Приокское книжное издательство.

12. Шульц, С. А. (2019). Неосуждение и/или прощение: наблюдения о теологии Л. Н. Толстого на фоне философии И. Канта и М. М. Бахтина. *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, XLVIII, 48–57.
13. Ильин, В. Н. (2000). *Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого*. РХГИ.
14. Телегин, С. М. (2000). *Мифы, мифореставрация и трансцендентальная филология. Миф – литература – мифореставрация*. Узорочье, 133–154.
15. Берман, Б. И. (1992). *Сокровенный Толстой*. Гендальф.
16. Мароши, В. В. (2011). Проблемы референции имени автора в художественном тексте. *Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного*. Азбуковник, 219–225.

References

1. Annenkov, P. V. (2000). *Critical essays*. RHGI. (In Russ.).
2. Leont'ev, K. N. (2012). *About the novels of gr. L. N. Tolstoy. Analysis, style and trend. Critical study*. Librokom. (In Russ.).
3. Rollan, R. (1985). *Lives of Great Men: The Life of Beethoven; Life of Michelangelo; Life of Tolstoy*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Strahov, N. N. (1984). *Critical essays*. Sovremennik. (In Russ.).
5. Bocharov, S. G. (1963). *Tolstoy's novel «War and Peace»*. GIHL. (In Russ.).
6. Gumilev, L. N. (1996). The burden of passions. *Nauka i religiya*, 5, 16–21. (In Russ.).
7. Bibihin, V. V. (2012). *The diaries of Leo Tolstoy*. Izdatel'stvo I. Limbacha. (In Russ.).
8. Tolstoy, L. N. (1978–1985). *Collection: in 22 vol. Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.).
9. Romanov, D. A. (2021). European cultures in Leo Tolstoy's interpretation: the ambiguous and the unambiguous, on the basis of the sketch «Sevastopol in May» and the novel «War and Peace». *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, L, 263–273. (In Russ.).
10. Ibatullina, G. M. (2020). *Historiosophical myth in the contexts of Russian literature of the XIX century*. Flinta. (In Russ.).
11. Al'tman, M. S. (1966). *Reading Tolstoy*. Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.).
12. Shul'ts, S. A. (2019). Non-blame and/or Forgiveness: Observations about L. N. Tolstoy's Theology on the Background of the Philosophy of I. Kant and M. M. Bakhtin. *Slavica (Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis)*, XLVIII, 48–57. (In Russ.).
13. Il'in, V. N. (2000). *The worldview of Count Leo Tolstoy*. RHGI. (In Russ.).
14. Telegin, S. M. (2000). *Myth, mythorestavration and transcendental philology. Myth – literature – mythorestavration*. Uzoroch'e, 133–154. (In Russ.).
15. Berman, B. I. (1992). *The Hidden Tolstoy*. Gendal'f. (In Russ.).
16. Maroshi, V. V. (2011). Problems of reference of the author's name in a literary text. *Text and subtext: the Poetics of the explicit and implicit*. Azbukovnik, 219–225. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Юрьевна Полтавец — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Elena Yu. Poltavets — PhD (Philology), Associate Professor of Russian Literature Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 82.091:028.02

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.02

**ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧИТАТЕЛЕЙ****Романова Галина Ивановна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россияgalinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии литературы в процессе ее восприятия на культурную идентификацию читателей. Подчеркивается, что в историко-литературных исследованиях, традиционно ориентированных на личность писателя или имманентные свойства произведений, необходимо учитывать специфику адресата, читательской среды, а также методологию рецептивной эстетики. Констатируется, что процесс усвоения культурных, в том числе литературных явлений, признаваемых в обществе образцовыми, влиятельными, актуальными, становится фактом вовлечения читателей в социум и культуру, способствует самоидентификации читателей, проявляющейся в активизации позитивного отношения к жизни и культуре своего народа. Приведен пример влияния на творческую позицию Л. Толстого произведений Григоровича и Мопассана, изобразивших людей из простого народа.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, идентификация, читатель, адресат, конкретизация.

Для цитирования: Романова, Г. И. (2023). Восприятие художественной литературы как фактор культурной идентификации читателей. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 17–24. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.02>

Original article

UDC 82.091:028.02

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.02

**FICTION PERCEPTION
AS A FACTOR OF READERS' CULTURAL IDENTIFICATION****Galina I. Romanova**Moscow City University,
Moscow, Russiagalinroma@mail.ru, <https://orsid.org/0000-0002-6173-2411>

Abstract. The article considers the issue of literature dominating the cultural identification of readers in the process of its perception. It is emphasized that historical and literary studies, traditionally focused on the personality of the writer or the immanent properties of works, are to take into account the features of the addressee, the reading environment, as well as the theory and methodology of reader-response criticism. It is stated that the assimilation of cultural, including literary phenomena, recognized in the society as exemplary, influential, relevant, guarantees the readers are involved in the societal and cultural environment, contributes to their self-identification,

revealed through the positive attitude to life and culture of their people. The study presents example of the impact produced by the works by Grigorovich and Maupassant, depicting ordinary people on Leo Tolstoy's creative pattern.

Keywords: receptive aesthetics, identification, reader, addressee, concretization.

For citation: Romanova, G. I. (2023). Fiction perception as a factor of readers' cultural identification. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 17–24. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.02>

Введение

Важнейшей категорией, определяющей то, как человек видит себя и мир, является культурная и этническая (национальная) идентичность (Guettego et al., 2017). Это одно из актуальных понятий в современной гуманитаристике (Yuldasheva, 2018). Существенным способом фиксации культурно-национальных художественных ценностей всегда было и остается искусство, в частности литература. В ходе восприятия словесного творчества протекают разнообразные процессы, изучаемые представителями ряда смежных наук (психология, социология, философия, литературоведение и др.), что объясняет общность некоторых терминов, употребляемых учеными. Одним из подобных понятий является выражение *культурная идентификация*, обозначающее процесс усвоения культурных, в том числе литературных явлений, признаваемых в обществе образцовыми, влиятельными и актуальными, а также констатирующее факт вовлечения человека в социум и культуру в ходе изучения искусства слова. При этом современные исследователи считают, что «значение термина “идентичность” потеряло свою содержательную ценность, ибо его предметная сфера переместилась в область микросоциологии, где слилась с социально-психологическим понятием “self” (self-identity)» (Вьюник, 2020, с. 48). С этой точки зрения для литературоведения важно, что не только группа, но и каждый член социума осознает себя носителем определенной культуры, в частности наследником литературных традиций, имеющих национальное или мировое значение (Лисенкова, 2018). Осмысление общечеловеческого содержания литературы и конкретизация культурной традиции рассматриваются как предпосылки национальной самоидентификации читателя и вовлечения его в мировую культуру.

Так как словесное творчество остается одним из важнейших способов фиксации культурных, национальных художественных ценностей, то в литературном образовании подчеркивается его влияние на формирование национально-культурной идентичности в сочетании с толерантным отношением к другим культурам, что вызывает повышенное внимание к данному аспекту изучения литературы. Однако вопрос о влиянии литературы в процессе ее восприятия на национально-культурную идентификацию читателей остается практически неисследованным.

Методология исследования

Проблема изучения литературы как фактора культурной идентификации для своего решения требует использования различных методов: историко-генетического

и культурологического подходов, социологии и психологии чтения, а также междисциплинарных исследований, проведенных в русле *cultural studies*, которые направлены на изучение роли социальных институтов в формировании культуры (Монин, 2017).

Изменения в общественной жизни и литературном процессе XXI века заставляют искать новые подходы к изучению литературы. Акцентирование роли читателя в литературном диалоге представителями таких научных направлений, как феноменология и рецептивная эстетика, результаты их исследований создают предпосылки для того, чтобы взглянуть на функции и задачи художественного творчества с новой стороны, т. е. с точки зрения воздействия на читателей. Соответственно, в литературоведческие исследования, традиционно использовавшие социологическую терминологию (народность, национальная специфика литературы, элитарность и массовость и т. д.), включаются новые понятия, связанные, в частности, с культурной идентификацией (Ведерникова, 2017). Их применение к читательской деятельности, восприятию, интерпретации и оценке произведений словесности помогает уточнить некоторые аспекты литературного диалога, в котором реализуются интенции его участников и достигается творческое понимание (Бахтин, 1997, с. 319–320).

Дискуссия и результаты

Изучение художественной литературы традиционно связывается преимущественно с личностью писателя или имманентными свойствами произведений. *Биографические сведения* могут свидетельствовать о причастности писателя к жизни и культуре своего народа, об активной гражданской и эстетической позиции. Интерес читателей к жизни и судьбе писателя поддерживает популярность его книг. Рейтинг литературных произведений и их культурная значимость — явления разные, но в ряде случаев они могут совпадать. Успех сочинений, получивших отклик у обширных масс читателей-любителей, и подлинно художественных произведений, имеющих неоспоримый эстетический вес, но оцененных по достоинству только в узких кругах, в какой-то исторический момент может быть соразмерным.

В произведении как его *имманентные свойства* могут ощущаться культурно-национальные традиции: связь с фольклором, предшествующей отечественной словесностью, что проявляется в использовании традиционных сюжетов, фольклоризмов, в межтекстовых взаимодействиях. Важнейший признак — национальный язык как основа специфической художественной речи, его концептосфера, в которой реализуются основные концепты культуры. Как отмечают филологи, «слово есть ничто иное, как культура в ее специфическом выражении» (Винокур, 2010, с. 9), а история литературы с этой точки зрения — поэтическое языкознание.

Черты определенной культуры наиболее явно проявляются в *формальных аспектах* произведения, к которым можно отнести воссоздание в художественном мире географических, исторических особенностей, специфики традиционного быта и обычаев. В этом смысле «безусловная похвала всему, что свое» (Вяземский, 1878, с. 244), интерес к «описанию сарафана» (Гоголь, 1994, с. 261), т. е. воспроизведение местного колорита, также является знаком истинной народности, частью особого художественного видения, отражением определенного типа культуры.

Названные и другие аспекты формы выражают *смыслы*, связанные с авторскими интенциями, авторской позицией и оценкой, системой ценностей. Понятие культурной традиции сопряжено с *содержательными гранями* произведения, личностным началом и ценностными установками писателей. Значим выбор истории своего народа в качестве основной темы или исторического фона, на котором разворачиваются сюжетные действия. Как знак высокой культуры рассматривается не только художественное выражение уважения к достижениям, но и «горестное сокрушение по поводу губительных слабостей и недостатков своего народа» (Хализев, 2009, с. 382). Воссоздание картин современной жизни переплетено с осмыслением актуальных общественно-политических проблем, религиозно-философских и художественно-эстетических вопросов.

При изучении автора (адресанта) и его сочинения практически незатронутым остается еще один участник коммуникативной ситуации — читательская среда, *адресат*, значение которого для реализации художественного смысла стало предметом исследований начиная со второй половины XX века. Представители *теории восприятия* считают, что смысл художественного произведения возникает в результате взаимодействия автора и читателя, творческих усилий обеих сторон. Так, Р. Ингарден в своих «Исследованиях по эстетике» утверждал, что писатель оставляет пространство для домысливания, или некие пробелы в изображении, нуждающиеся в *конкретизации*. Она, в свою очередь, «является результатом взаимодействия двух различных факторов: самого произведения и читателя, в особенности творческой, воссоздающей деятельности последнего, которая проявляется в процессе чтения» (Ингарден, 1962, с. 73). Не только от авторских интенций зависит содержание произведения, но и от фантазии и вкуса читателей, которые дополняют, конкретизируют «места неполной определенности» (Там же, с. 82). Можно добавить, что конкретизация (как ее понимают в теории восприятия) во многом обусловлена возможностями реальных читателей. Так, О. Э. Мандельштам констатировал: «Легче провести в СССР электрификацию, чем научить всех грамотных читать Пушкина, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности» (Мандельштам, 1987, с. 46).

Исследователи роли читателя в литературном процессе предложили, кроме конкретизации, термин *идентификация*. Так, В. Изер в работе «Процесс чтения: феноменологический подход» писал: «Процесс усвоения чужого литературоведы называют *идентификацией* читателя с прочитанным. <...> Идентификация не есть самоцель, но стратегия, с помощью которой писатель подталкивает читателя занять определенную позицию» (Изер, 2004, с. 221). Соответственно, историческое значение произведений искусства заключается не только в изобразительной или экспрессивной функции, но и равным образом в их воздействии на читателей. Речь идет не только о непосредственно эмоциональном впечатлении (об очищающих душу переживаниях при восприятии художественных произведений писали еще античные философы). Формирование убеждений (в том числе представлений о принадлежности к определенной культуре) как отношения к жизни в ее пространственно-временных границах, к социуму в различных его формах, к людям — от ближайшего окружения до самого отдаленного — предполагает значительное интеллектуальное усилие.

Таким образом, представители теории восприятия вплотную подошли к вопросу о культурной самоидентификации читателей, хотя специально эту проблему не исследовали. Закономерности понимания и интерпретации литературного произведения

занимали и российских ученых XX века. Возникающий при прочтении художественного произведения вопрос: «Почему мне нравится или не нравится?», — правомерен, но недостаточен, потому что, как удачно выразился Г. Гуковский, необходимо понимать «не только мое отношение к данному действующему лицу, но и отношение к нему же автора, и, что, пожалуй, важнее всего, мое отношение к отношению автора» (Гуковский, 1966, с. 36). В этом случае восприятие и адекватное понимание художественного произведения становится фактором, способствующим культурной самоидентификации читателей.

Таким образом, позиция автора, имманентные особенности произведения, а также его художественный потенциал, воздействующий на читателей и способствующий их вовлечению в социум и культуру, становятся предпосылками *самоидентификации* личности, в том числе и национально-культурной. Имеющие непосредственное отношение к культуре выражения «дух народа», «манера понимать вещи», вошедшие в отечественный литературоведческий дискурс еще в XIX веке, — умозрительные и очень неопределенные понятия, когда относятся к произведению словесности в целом. Но примененные по отношению к читательской деятельности, восприятию, интерпретации и оценке произведения словесности, они становятся более конкретными и осязаемыми.

Отчетливое или неосознаваемое в полной мере причисление читателем себя к некоему сообществу определяет интерес к прошлому страны, деталям быта и традиций, в целом к культуре своего народа, формирует соответствующую *систему ценностей*. Аксиология литературы какого-либо периода, утверждаемая в творчестве конкретного писателя, в произведении, избранном для анализа, предстает как образцовая, общечеловеческая, и в этом качестве обогащает и корректирует индивидуальную систему ценностей. С этой точки зрения задача литературного образования заключается в сохранении, развитии и передаче культурного наследия.

Благодаря яркой творческой самобытности и глубокому профессионализму именно писатели являются, по выражению А. Л. Бема, гениальными читателями, способными оценить самые разные аспекты художественного творчества. При этом содействовать национально-культурной идентификации могут и произведения зарубежной литературы.

Приведем пример из истории русской литературы. В 1893 году Толстой признавался Д. В. Григоровичу, автору популярной в свое время повести «Антон-Горемыка» (1847): «Помню умиление и восторг, произведенные на меня, тогда 16-летнего мальчика, <...> Антоном-Горемыкой, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика <...> можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом» (Толстой, 1953, с. 409). Именно так — с чувством глубокого уважения — изображен косноязычный мужик, по авторской характеристике, невзрачный, богобоязненный Аким в пьесе «Власть тьмы» (1886), воспроизводящей русский крестьянский быт, темные стороны сознания работников, обусловленные отсутствием Бога в душе. Тем знаменательнее факт полемики русского классика с Г. де Мопассаном по поводу словесного изображения человека из народа. В «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» (1894) Толстой писал, что Мопассан «не только с равнодушием, но с презрением, как животных, описывал рабочий деревенский народ... над которым можно только смеяться. <...> Но несмотря на то, что я русский и не жил с французским

народом, я все-таки утверждаю, что, описывая так свой народ, французские авторы неправы и что французский народ не может быть таким, каким они его описывают» (Толстой, 1983, с. 227).

Такую резкую реакцию можно рассматривать как знак отторжения высокомерной позиции французского писателя и представляемой им традиции. В то же время Толстого отличало вполне трезвое отношение к русскому народу, что следует из многих его писем. Оно было результатом, в первую очередь, его жизненного опыта (в 1861 году он стал мировым посредником и отстаивал интересы крестьян Тульской губернии, тесно общался с крестьянами и работниками, помогая во время голода в 1890–1892 годах, и т. д.), давшего материал для художественного творчества. Однако многое, как видно из процитированных материалов, обусловлено и литературным влиянием. Восприятие гениальным писателем различных художественных фактов (повести Григоровича и полемика с рассказами Мопассана) направили его внимание на соответствующее явление в национальной культуре и повлияли на его идейные позиции, систему ценностей, художественно-эстетические принципы. Примеры, подтверждающие роль художественного творчества в восприятии своей культуры, можно умножить.

Заключение

Жизненная позиция автора как исторической личности, имманентные особенности произведения, а также его художественный потенциал, воздействующий на читателей и способствующий их вовлечению в социум и культуру, становятся предпосылками сложного процесса, одним из аспектов которого выступает национально-культурная *самоидентификация читателей*. В этом случае можно рассматривать и изучать восприятие литературных произведений как факт эстетического и художественного воздействия, заключающегося в активизации позитивного отношения к жизни и культуре своего народа. Будучи предпосылкой налаживания социокультурных связей между поколениями, разными социальными группами в обществе и т. д., культурная идентификация может содействовать снятию настроений отчуждения и враждебности, быть способом преодоления кризиса национально-культурной идентичности, проявляющегося в духовной отчужденности и изолированности личности от социума и культуры. С этой точки зрения целью изучения литературы, а также литературного образования служит сохранение, развитие и передача национального художественного наследия как основы всеобщего взаимопонимания.

Список источников

1. Guerrero, L. K., Andersen, P. A., & Afifi, W. A. (2020). *Close Encounters: Communication in Relationships* (6th ed.). SAGE Publishing.
2. Yuldasheva, F. (2018). Globalization, understanding self-identity, and formation of new personality. *European science review*, 396–398.
3. Вьюнник, Е. Д. (2000). Проблемы культуры и национальной идентичности. *Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения*: научно-информационный сборник РГБ. Вып. 2, 48–60.
4. Лисенкова, А. А. (2018). Особенности формирования российской культурной идентичности. *Ценности и смыслы*, 2(54), 69–82.

5. Монин, М. А. (2017). Культурология и/или Cultural studies. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 1, 78–84.
6. Ведерникова, Ю. В. (2017). Современная социология литературы: теория «поля литературы» Пьера Бурдьё. *Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы*: материалы Международной научно-практической конференции. Маркер, 120–125.
7. Бахтин, М. М. (1997). Проблема текста. *Собр. соч.*: в 7 т. Т. 5, 306–326.
8. Винокур, Г. О. (2010). *Культура языка*. Комкнига.
9. Вяземский, П. А. (1878). *Полн. собр. соч.*: в 12 т. Т. 1. Типография М. М. Стасюлевича.
10. Гоголь, Н. В. (1994). *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 7. Русская книга.
11. Хализев, В. Е. (2005). *Ценностные ориентации русской классики*. Гнозис.
12. Ингарден, Р. (1962). *Исследования по эстетике*. Издательство иностранной литературы.
13. Мандельштам, О. Э. (1987). *Слово и культура*. Советский писатель.
14. Изер, В. (2004). Процесс чтения: феноменологический подход. *Современная литературная теория: антология*. Флинта, 201–223.
15. Гуковский, Г. А. (1966). *Изучение литературного произведения в школе*. Просвещение.
16. Толстой, Л. Н. (1953). *Полн. собр. соч.*: в 90 т. Т. 66. Государственное издательство художественной литературы.
17. Толстой, Л. Н. (1983). *Собр. соч.*: в 22 т. Т. 15. Художественная литература.

References

1. Guerrero, L. K., Andersen, P. A., & Afifi, W. A. (2020). *Close Encounters: Communication in Relationships* (6th ed.). SAGE Publishing. (In English).
2. Yuldasheva, F. (2018). Globalization, understanding self-identity, and formation of new personality. *European science review*, 396–398. (In English).
3. Vyunnik, E. D. (2000). Problems of culture and national identity. *Culture in the modern world: experience, problems, solutions*: scientific and informational collection RSL, Issue 2, 48–60. (In Russ.).
4. Lisenkova, A. A. (2018). Features of the formation of Russian cultural identity. *Values and Meanings*, 2(54), 69–82. (In Russ.).
5. Monin, M. A. (2017). Culturology and/or Culture studies. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 1, 78–84. (In Russ.).
6. Vedernikova, Yu. V. (2017). Contemporary Sociology of Literature: Pierre Bourdieu's «Field of Literature» Theory. *Science today: facts, trends, forecasts*: materials of the International Scientific and Practical Conference. Marker, 120–125. (In Russ.).
7. Bakhtin, M. M. (1997). Text problem. *Collected works*: in 7 vols. Vol. 5, 306–326. (In Russ.).
8. Vinokur, G. O. (2010). *Language culture*. Komkniga. (In Russ.).
9. Vyazemsky, P. A. (1878). *Complete works*: in 12 vol. Vol. 1. Tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).
10. Gogol, N. V. (1994). *Collected works*: in 9 vol. Vol. 7. Russkaya kniga. (In Russ.).
11. Khalizev, V. E. (2005). *Value orientations of Russian classics*. Gnosis. (In Russ.).
12. Ingarden, R. (1962). *Research in Aesthetics*. Izdatel'stvo inostranoj literatury. (In Russ.).
13. Mandelstam, O. E. (1987). *Word and culture*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
14. Iser, V. (2004). The process of reading: a phenomenological approach. *Contemporary Literary Theory: An Anthology*. Flinta, 201–223. (In Russ.).
15. Gukovsky, G. A. (1966). *The study of literature in school*. Prosveshchenie. (In Russ.).
16. Tolstoy, L. N. (1953). *Complete works*: in 90 vol. Vol. 66. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury. (In Russ.).
17. Tolstoy, L. N. (1983). *Collected works*: in 22 vol. Vol. 15. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Информация об авторе

Галина Ивановна Романова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Galina I. Romanova — Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature Department, Institute of Humanities Sciences, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.113.5-053.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.03

**ДЕТСТВО И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ВЗРОСЛОГО МИРА
В ПОВЕСТИ «ГЮРО» АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ****Панова Ольга Борисовна¹ ✉,
Маругина Надежда Ивановна²**^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия¹ olga_panova_1973@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6695-7743>² marugina_nadya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6226-4552>

Аннотация. В статье рассматривается повесть норвежской писательницы Анне-Катрине Вестли «Гюро» в обширном контексте детской литературы Скандинавских стран. В центре исследования — поднятые в произведении социальные (гендерное неравенство, безработица, отчуждение) и психологические (одиночество, переживание смерти родителей, открытие старости) проблемы. При этом значительное внимание уделяется основополагающим философским вопросам бытия ребенка, трагическим событиям взросления, взаимосвязи жизни и смерти, подлинной человечности, времени и памяти. Анализируются педагогические проблемы: взросление, воспитание, семья и семейные ценности, уважение к личности ребенка. Показано, что повесть «Гюро» написана в лучших традициях гуманистической педагогики, в целом характерных для скандинавской детской литературы и приобретающих особую актуальность в современных контекстах педагогических концепций *понимания* ребенка, диалога и воспитания любовью. Акцентируется принципиально важная для А.-К. Вестли проблема статуса ребенка в обществе и его прав, которая обретает значимость на международном уровне в XX веке и по-прежнему активно обсуждается в современном мире. Особый интерес авторов вызывает вопрос о том, в чем отличие литературы, предназначенной для детей, от литературы, адресованной взрослым. Авторы приходят к выводу, что специфика скандинавской детской литературы на протяжении всей ее истории — в обращенности к детям и взрослым одновременно. В этом же направлении она развивается и в настоящее время. Книги писателей Скандинавских стран ориентированы на совместное творческое семейное чтение, утверждают и сохраняют традиционные семейные ценности.

Ключевые слова: скандинавская литература, детство, взрослость, воспитание, социальные проблемы, психологические проблемы, педагогические проблемы.

Для цитирования: Панова, О. Б., Маругина, Н. И. (2023). Детство и социально-психологические проблемы взрослого мира в повести «Гюро» Анне-Катрине Вестли. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 25–37. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.03>

Original article

UDC 821.113.5-053.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.03

CHILDHOOD AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE ADULT WORLD IN THE STORY «GYURO» BY ANNA-KATRINA WESTLEY

Olga B. Panova¹ ✉,
Nadezhda I. Marugina²

^{1,2} National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia

¹ olga_panova_1973@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-6695-7743>

² marugina_nadya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6226-4552>

Abstract. The article examines the story of the Norwegian writer Anna-Katrina Vestly «Guro» in the extensive context of children's literature of Scandinavian countries. The research provides a deep insight into a range of social and psychological issues (gender inequality, unemployment, alienation, loneliness, experiencing the death of parents, old age problems). At the same time, the principal focus is on the fundamental philosophical issues of children's lifestyle and attitudes to the world, as well as tragic events accompanying growing up, boundaries between life and death, true humanism, time and memory. The article emphasizes pedagogical problems such as growing up, upbringing, family and family values, respecting child's personality. It is shown that the story «Guro» was written in the best traditions of educational literature and humanistic pedagogy based on love. Children's status in the society and their rights are fundamentally important for Vestly. These issues got internationally acclaimed in the 20th century and are still discussed in the modern world. This research describes distinctive features of children's literature and shows how different it is from the literature for adults. The authors come to the conclusion that the Scandinavian children's literature has preserved its special attributes throughout its history which lie in it appealing both to children and adults. Children's literature is still advancing in the same direction today. Scandinavian children's literature is aimed for joint creative family reading, its purpose is to affirm and preserve traditional family values.

Keywords: Scandinavian literature, childhood, adulthood, education, social problems, psychological problems, pedagogical problems.

For citation: Panova, O. B., Marugina, N. I. (2023). Childhood and socio-psychological problems of the adult world in the story «Gyuro» by Anna-Katrina Westley. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 25–37. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.03>

Введение

Что суть литература для детей и где пролегают ее границы? Где кончается детская литература и начинается взрослая? Может ли литература для детей быть серьезной и насколько серьезной? Или ее предназначение в том, чтобы лишь развлекать и быть уютной, легко читаемой, сказочной и доброй, попутно деликатно и мягко наставляя, чтобы ненароком не ранить нежную душу ребенка, не травмировать его сложными взрослыми проблемами? Поиску ответов на эти вопросы в значительной мере способствует детская литература Скандинавских стран.

У скандинавской детской литературы в целом на протяжении всей ее истории прослеживается интересная особенность: произведения, написанные, на первый взгляд, *для детей*, изначально предназначены и *для взрослых*. Это книги для семейного чтения, ориентированные на полноценный диалог взрослого и ребенка, их близость и доверительное общение в процессе совместных размышлений над прочитанным. Такая тенденция связана с развитием детской литературы в общем контексте становления гуманистической педагогики: идеями *гуманного воспитания* А. С. Макаренко (Макаренко, 2016), Л. С. Выготского (Выготский, 2018), *воспитания любовью* Я. Корчака (Корчак, 1990), *воспитания сердцем* В. А. Сухомлинского (Сухомлинский, 2019), Ш. Амонашвили (Амонашвили, 2017), *понимания ребенка* Ф. Дольто (Дольто, 2018). Именно она актуальна сегодня и активно реализуется на современном этапе педагогических поисков, достаточно обратить внимание, например, на теорию привязанности (Ньюфелд, 2018), метод «путь дельфина» (Канг, 2015), обретение «солнечного ребенка» (Шталь, 2020), «внутреннего ребенка» (Уитфилд, 2022), в основе которых — воспитание свободной личности посредством понимания, доверия и эмпатии. Со второй половины XX века названные педагогические идеи доминируют в литературе, в скандинавских странах их сразу подхватывают писатели С. Лагерлеф, Т. Янссон, А. Линдгрэн, М. Грипе, А.-К. Вестли и др. Однако дело в том, что в художественной литературе многие из перечисленных педагогических открытий были сделаны, возможно, гораздо раньше. Творчество скандинавских писателей — яркое тому подтверждение.

Скандинавская детская литература поднимает серьезные, касающиеся и детей, и взрослых философские, психологические, социальные проблемы, требующие глубокого осмысления (Соловьева, 2017).

Множество книг посвящено проблемам *сиротства* и *детского одиночества* в семье и в мире. К таковым, например, относятся повести Астрид Линдгрэн о Малыше и Карлсоне, ее же «Мио, мой Мио!», цикл книг Фриды Нильсон о девочке Хедвиг, ее же «Меня удочерила горилла» или произведение Йенса Сиггорда «Палле один на свете», Марии Грипе «Сесилия Агнес». В повести «Одни на всем белом свете» Ульфы Нильсона и Эвы Эриксон сообщается о детях, чьи родители не пришли за ними в садик вовремя, и малыши решили, что мам и пап больше нет и им в этом мире придется как-то выживать самим. С этими проблемами тесно связана *тема семьи, семейных ценностей, любви, близости и дружбы*, выступающая на первый план в философских сказках о Муми-доле Туве Янссон, в повести о дружной многодетной семье «Папа, мама, бабушка, восемь детей и грузовик» Анне-Катрине Вестли, «Мы все из Бюллербю» Астрид Линдгрэн. О важности *истории семьи*, ее прошлого, вплоть до глубоких семейных тайн и мифов, рассказывается в повести «Тень на каменной скамейке» и всей «тетралогии теней» Марии Грипе. Об истории встречи, знакомства, *истории любви родителей* — в романах Юстейна Гордера «Апельсиновая девушка» и «Таинственный пасьянс». Повесть Ульфы Старка «Пусть танцуют белые медведи» посвящена переживанию подростком развода родителей; способности принять близких такими, какие они есть, со всеми их ошибками и слабостями; праву собственного непростого выбора; трудному взрослению и поиску себя настоящего; она дает эти уроки и детям, и взрослым.

В центре повести «Умеешь ли ты свистеть, Йоханна?» того же автора — еще одна важная проблема: о том, что в мире существует *старость*, о необходимости

проявлять уважение к пожилым людям и, более того, о значимости людей старшего поколения в жизни детей. Над этой же проблемой предлагает поразмышлять Мария Парр в повести «Тоня Глиммердал» — о дружбе главной героини веселой девочки Тони и старика Гунвальда, о непростых взаимоотношениях поколений.

Значительное внимание в скандинавской литературе уделяется *теме истории*, мировой и национальной, исторических травм, исторической памяти. Например, тетралогия Анники Тор «Остров в море», основанная на семейных воспоминаниях о Второй мировой войне, — о жизни двух еврейских девочек, двух сестер Штеффи и Нелли, вынужденных уехать в Швецию от преследования евреев в родной Австрии, об общечеловеческой трагедии всякой войны как таковой, о жестокости холокоста.

На высоком философском уровне, однако, также понятном и детям, и взрослым, рассматривается *проблема смерти* и связанные с ней вопросы о болезни, вечности и времени, памяти, хрупкости бытия и ценности жизни. Здесь стоит вспомнить «Братьев Львиное сердце» Астрид Линдгрэн, повесть о том, как два брата после смерти попали в сказочный рай, страну снов и грез, Нангиялу. «Прощайте, мистер Маффин», «Самые добрые в мире» Ульфа Нильсона — о детях, решивших открыть похоронное агентство для умирающих животных, чтобы провожать их в последний путь. «Зеркало загадок» Юстейна Гордера, где рассказывается о дружбе тяжелобольной девочки Сесилии и ангела Ариэля и о связи жизни и смерти. У Ю. Гордера встречаем разговор Сесилии и ангела, интересным образом иллюстрирующий данные наблюдения и выводы и показывающий круговорот детства и взрослости в мире и их взаимоотношения.

— Мой учитель говорит, что детство — это всего лишь этап на пути к взрослой жизни. Ну не глупость разве?

Ариэль кивнул:

— На самом деле все наоборот. Взрослая жизнь — это всего лишь этап на пути к рождению новых детей.

Сесилия хорошенько подумала, прежде чем ответить:

— Но ведь первыми были созданы взрослые, иначе не было бы никаких детей.

Ариэль покачал головой:

— Первыми были созданы дети, потому что иначе попросту не было бы никаких взрослых.

(Гордер, 2013, с. 29–30)

Так скандинавская литература показывает неразрывную взаимосвязь детства и взрослости, единство проблем детского и взрослого миров. В ней реализуются и даже превосходятся лучшие гуманистические идеи мировой философии воспитания и педагогики, при этом создается пространство для совместного семейного чтения и размышления над вечными общечеловеческими вопросами, побуждающими взрослых и детей к диалогу и обмену мнениями (Коровин, 2007, 2008).

Норвежская детская писательница Анне-Катрине Вестли (*норв.* Anne-Catharina Vestly, 1920–2008) стоит особняком в обозначенном контексте специфики и проблематики скандинавской литературы. Ее произведения активно переводились, публиковались и читались в России, и в советский, и в постсоветский период, однако не получили достаточного исследовательского внимания и глубокого рассмотрения поднятых в них серьезных социальных, педагогических и психологических проблем (Кузнецова, Троицкий, 2018).

Методология и методы исследования

Основными методами исследования являются культурно-исторический, сравнительно-исторический и социологический методы. Использование культурно-исторического метода дает возможность исследовать широкий исторический и социокультурный контекст детской скандинавской литературы. Применение сравнительно-исторического метода позволяет установить связь между концепциями гуманистической педагогики, предложенными А. С. Макаренко, Л. С. Выготским, Я. Корчаком, В. А. Сухомлинским, и художественными открытиями детских писателей скандинавских стран. Социологический метод связан с актуализацией социально-психологической проблематики и отражением социальных явлений XX века в скандинавской детской литературе. Предлагаемое исследование повести «Гюро» А.-К. Вестли в обозначенных контекстах опирается на фундаментальные труды ведущих российских скандинавистов в области истории и культуры Скандинавии (М. И. Стеблин-Каменский, Е. М. Мелетинский, А. Я. Гуревич, А. С. Кан), общей филологии и литературоведения (В. Г. Адмони, Б. А. Ерхов, Э. Г. Карху, О. А. Смирницкая, Г. Н. Храповицкая), непосредственно изучения детской литературы (Л. Ю. Брауде, Л. З. Лунгина, Ю. Я. Яхнина). Авторами данной работы поднимается и рассматривается проблема свободы личности ребенка, воспитания любовью и сохранения семейных ценностей.

Результаты исследования и их обсуждение

Волшебное в обыденном. Творчество А.-К. Вестли в контексте проблематики скандинавской литературы для семейного чтения

А.-К. Вестли выделяется своими повестями, посвященными обыкновенным людям и их, на первый взгляд, простым жизненным проблемам. Главные герои ее книг — дети от 6 до 10 лет, их родители и друзья. Почти все они живут в вымышленном ею пригороде Осло Тириллопене. Но в то же время они рядом с нами: они наши соседи и знакомые, их можно повстречать на улице, поиграть с ними вместе во дворе, за просто зайти к ним в гости. Они обычные, и все же особенные. Это два мальчика-фантазера: инвалид-колясочник Бьернар и его «дневной брат» Каос, которого вечно занятые родители каждый день отводят к «дневной маме» — маме Бьернара (Вестли, 2016). Друзья проводят время за увлекательными играми, и в их воображении инвалидная коляска Бьернара становится то подводной лодкой, то оленьей упряжкой, то космическим кораблем («Нам надо попасть за пределы нашей Солнечной системы...») (Там же, с. 25)). Это малыш Андреас, от одиночества выдумавший себе друга — деревянного человечка Щепкина (Вестли, 2019). Это большая и очень дружная многодетная семья, состоящая из папы, мамы, бабушки, восьмерых детей, собаки по имени Самоварная труба и грузовика (Вестли, 2018). И еще одна нестандартная семья, в которой мама работает юристом и обеспечивает достаток, а папа занимается домашним хозяйством и воспитанием детей — Авроры и ее маленького братика Сократа, и все счастливы (Вестли, 1969).

Герои А.-К. Вестли — люди, оказавшиеся в сложных социальных обстоятельствах, столкнувшиеся с трудными, хотя и самыми обычными жизненными ситуациями.

Писательница со всей откровенностью рассказывает о проблемах одиночества, бедности, социальной неустроенности, многодетности, изменения гендерных ролей, неизлечимых болезнях и инвалидности, безработице и способности — даже таланте — взрослых и детей справляться с ними с юмором, добротой и настойчивостью. Именно в этом особенность и уникальность ее героев, оригинальность и своеобразие ее историй — присущее А.-К. Вестли явление *обыкновенного чуда*, умение видеть *особое в обыденном*.

Тот факт, что произведения А.-К. Вестли созданы в скандинавской традиции как истории, предназначенные одновременно и для детей, и для взрослых, адресованные и малышам, и родителям, и людям почтенного возраста, отмечают читатели разных поколений. В журнале «ПапМамБук» находим отзывы о повести «Папа, мама, бабушка, восемь детей и грузовик».

Отзыв читателя-ребенка: «Понимаешь, что это *вовсе не детская книга*, и что родители были достаточно мудры, чтобы превратить, так скажем, бедность в игру. А главной их мудростью было то, что они старались привить своим детям добро, и то, что ребята привыкли ценить даже самое маленькое и всему радоваться» (здесь и далее курсив наш. — О. П., Н. М.) (Лужина, 2019).

Отзыв не менее заинтересованного читателя-взрослого, родителя: «Книга Анне-Катрине Вестли — не только о многодетной семье. Она вообще о семье, о едином организме. Когда мы с мужем, слушая аудиокнигу, поняли, что папа собирается купить старенький домик в лесу, прибавили звук и с напряжением ждали развязки. *Прямо как дети*. Очень уж хотелось нам, чтобы семья переселилась из своей тесной квартирki в просторный загородный дом!» (Минаева, 2018).

Читая книги А.-К. Вестли, дети взрослеют, постигая простую мудрость самой жизни, а взрослые получают возможность вернуться в детство, родители и дети учатся лучше понимать друг друга и становятся ближе.

Детство в суровом взрослом мире. История о Гюро и ее маме

История *Гюро*, шестилетней девочки с непростой судьбой, рассматриваемая в предлагаемом исследовании, написана А.-К. Вестли в 1970-е годы и заметно выделяется на фоне ее проникнутого оптимизмом, радостью и веселым настроением творчества в целом. Это история ребенка, впервые переживающего глубокое горе, история открытия им взрослого мира и, несмотря на столь нежный возраст, — история взросления, воспитания печалью, воспитания любовью, поданная весьма деликатно, осторожно и ненавязчиво в духе исключительного таланта писательницы. Впервые мы знакомимся с главными героями этой книги — маленькой дружной семьей Люнгмю, Гюро, ее мамой Эрле, и папой — на вокзале. Папа умер, но продолжает присутствовать в жизни и сознании девочки, и потому является одним из самых значимых героев повести. Из-за тяжелой болезни и смерти папы и возникших в этой связи финансовых проблем и больших долгов мама с дочкой вынуждены продать свой родной и любимый дом в поселке Гампетрефф и уехать в Осло; теперь Эрле придется искать работу и дешевое жилье в городе.

В поезде Гюро сидела тихо как мышка. В голове у нее теснились всякие мысли. Она думала сразу о многом: и о странном сегодняшнем дне, и о том, что мелькало за окном вагона, и о маме, у которой в глазах стояли слезы, оттого что ей не хотелось уезжать.

Правда, мама говорила, что это от простуды, но Гюро все поняла: просто мама не хочет, чтобы Гюро знала, что она плачет.

Перед отъездом, когда им обоим было грустно оттого, что с ними больше нет папы, и что им приходится навсегда покинуть свой маленький домик у шоссе, мама сказала, что они должны быть друзьями.

(Вестли, 1979, с. 3–5)

Осло. Огромный беспокойный город, вокзал, суета сует, все время спешащие по делам хмурые взрослые люди и уходящие неведомо куда длинные поезда. «Гюро» — книга о взрослом мире, явленном в образе этого чужого неуютного и суетного города. Вернее, о ребенке, неожиданно и не по своей воле в нем оказавшемся.

В городе Гюро растерялась. Она крепко держалась за чемодан, так как свободной руки у мамы не было. <...> Со всех сторон спешили на работу люди. Одни так торопились, что почти бежали, другие, казалось, спят на ходу. <...> Гюро никогда в жизни не видела такой суеты.

— Город как человек, — сказала мама. — Нужно время, чтобы с ним познакомиться. Нельзя сразу сердиться на него, а то никогда хорошо его не узнаешь.

(Вестли, 1979, с. 54)

Кажется, что в книге приоритетными являются *социально-экономические проблемы*, поскольку именно они поначалу выступают на первый план и привлекают к себе читательское внимание. Сюжет и весь ход событий авторского повествования определяются тем, что мама Эрле ищет работу, самую простую, домработницы, помощницы по хозяйству и няни, разнорабочего, дворника. Это необходимо для элементарного выживания семьи из двух человек, но оказывается весьма трудной задачей. В Норвегии 1970-е годы характеризуются социально-политической неустойчивостью, обострением внутривластной борьбы, сложно осуществляемыми экономическими реформами и вызванным ими экономическим кризисом, который Скандинавские страны разделили со всем европейским континентом (Кан, 1980, с. 290–306; Гуревич, 1980; Даниельсен, 2003). Поэтому *проблема безработицы, социальной неустроенности и незащищенности* простых людей стоит очень остро и отражается даже в детской литературе, и А.-К. Вестли уделяет ей самое пристальное внимание. Эта проблема далеко не единственная, она выявляет целый комплекс других актуальных социальных проблем. С ней прямо связана *проблема гендерного неравенства*: даже во внешне благополучных, как принято считать, Скандинавских странах женщинам найти работу намного сложнее, чем мужчинам, а женщине с маленьким ребенком — практически невозможно. Это и ощущает на себе в полной мере Эрле. В книге предстает образ огромного, неуютного и враждебного города. Сначала героям встречается соседка в купе поезда, которой страшно отпускать свою дочь в Осло работать, ведь «в городе человека подстерегает столько опасностей» (Вестли, 1979, с. 8). Далее подруга Тюлиньки Лиллен, которой везде мерещатся преступления, и она боится выходить по вечерам из дома и даже Гюро и Эрле подозревает в воровстве. Холодный пансионат, где Гюро с мамой вынуждены теперь жить, незнакомые и чужие люди вокруг — все это очень контрастирует с оставленным ими домом в Гампетреффе, поселке, где все жители знают друг друга, всегда здороваются и запросто останавливаются поболтать. Возникают и проблемы *отчуждения и одиночества* людей больших современных городов. Одинокими и чужими чувствуют себя

не только Эрле и Гюро. Очень одинокой и никому не нужной чувствует себя только что вышедшая на пенсию Тюлинька, которую Гюро застаёт в слезах и удивляется: «А разве старым тоже бывает грустно?» (Вестли, 1979, с. 18). Одинока Лиллен; одинок старый Андерсен; одинок Бьерн, вынужденный развестись с женой и скучающий по маленькому сыну; одиноки люди, спешащие по утрам на работу и теряющиеся в толпе.

Город в повести являет собой образ мира, в котором ребенку совсем не рады. Ребенок здесь всегда лишний. В пансионате запрещено жить с детьми, и уж Гюро ни в коем случае нельзя шуметь и бегать, потому что взрослые любят покой и постоянно нуждаются в отдыхе. Хозяева домов, к которым Эрле обращается в поисках работы, отказывают ей, когда узнают, что у нее есть маленький ребенок. Гюро прекрасно понимает это и мечтает стать *невидимкой*, чтобы не мешать маме. Потому А.-К. Вестли делает акцент на необходимости *уважения к личности ребенка* и его правам, что принципиально важно и характерно для скандинавской детской литературы в целом. Гюро и Эрле не просто мама с дочкой, они настоящие *друзья*. Эрле считает свою маленькую дочку единственным близким другом и советуется с ней по всем важным вопросам, как с равной. «Папа очень хотел, чтобы мы с тобой были друзьями и всегда помогали друг другу. Вот и помоги мне, скажи: с какой работы мне следует начать?» (Там же, с. 15). Тюлинька доверяет Гюро, также на равных беседует с ней, откровенно, как взрослой, рассказывает ей о себе и с интересом слушает девочку. Уважительно общаются с Гюро и телефонистки, коллеги Тюлиньки по работе, и жильцы пансионата, и дворник Бьерн — все настоящие герои книги. А когда Лиллен несправедливо обвиняет и оскорбляет Гюро и пытается разговаривать с ней высокомерно-поучительным тоном, Тюлинька останавливает ее и требует, чтобы подруга принесла свои извинения шестилетней девочке, ибо она, прежде всего, такой же человек.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед ребенком? — удивилась Лиллен.

— Вот именно, — строго сказала Тюлинька. — Взрослые всегда просят прощения, когда обидят друг друга. Почему же они не должны просить прощения у ребенка, если незаслуженно его обидели?

(Там же, с. 32)

Вопрос о статусе ребенка как равноправного члена общества серьезно ставился и активно обсуждался в Скандинавских странах и западноевропейском мире в целом в XX веке, особенно во второй половине, на международном, политическом, юридическом уровнях. Права ребенка подтверждены законодательно имеющими юридическую силу документами, а их защита обеспечивается специальными организациями (Convention on the Rights of the Child (Конвенция о правах ребенка), 1989). Между тем детская скандинавская литература на протяжении всей ее истории предлагает и показывает иные пути решения проблемы прав ребенка — более демократичные и тактичные, не навязываемые властью юридических институций, а исходящие из самого понятия человечности и возможности создания грамотно устроенного общества на основе взаимоуважения людей как таковых и добрых человеческих взаимоотношений. И учит она именно подлинной человечности, учит и детей, и взрослых.

Вечные проблемы жизни и смерти, памяти, взросления. «Гюро» — повесть о воспитании любовью

Однако при всей значимости рассматриваемой выше социальной проблематики главная проблема повести А.-К. Вестли — психологическая. Это проблема *столкновения маленького человека со смертью и глубокого переживания горя, утраты*, которую писательнице удается преподнести и рассмотреть в детской книге очень деликатно. Гюро всего шесть лет, и в столь нежном возрасте она теряет отца. С этого трагического события и начинается, по сути, ее узнавание большого и сложного взрослого мира, в котором, к сожалению, есть боль, лишения, смерть, горе, внезапно открывшаяся несправедливость самого мироустройства. И ее *взросление*.

Больше всего на свете Гюро любила быстро бегать, так быстро, что казалось, будто не бежишь, а летишь. «Жеребеночек Гюро, быстрый как ветер», — говорил папа, и Гюро очень нравилось, когда он так называл ее. Но это бывало редко, чаще всего он звал ее просто «доченькой», а когда ей хотелось спать, он называл ее «соней».

(Вестли, 1979, с. 7)

Папа умер, но Гюро и мама постоянно вспоминают его, часто думают и говорят о нем, он присутствует в каждом мгновении жизни девочки, остается живым в ее мыслях. С воспоминаниями о папе связано много забавных и веселых случаев, описанных А.-К. Вестли с легкостью и юмором: как папа ласково называл Гюро жеребеночком, как брился и корчил ей рожи, как играл с ней. В трудных жизненных ситуациях папа как будто всегда рядом, по-прежнему любит ее, готов помочь советом и защитить. В самые важные моменты вновь звучат его слова. Еще пример: тот случай, когда девочки из нового дома не хотят брать Гюро в игру, но потом все же зовут только потому, что им нужен третий и просто выгоднее играть втроем.

Сначала Гюро хотела отказаться, но она вспомнила, как папа однажды сказал ей: «Это хорошо, что ты не злопамятна. Злопамятной быть плохо». Гюро кивнула девочкам, и они стали играть втроем.

(Там же, с. 67)

Так в книге создается образ *идеального отца* — большого, мудрого, сильного и доброго мужчины, папы, очень важного для развития ребенка, тем более девочки, влияющего на всю последующую ее жизнь. Посредством этого образа А.-К. Вестли вводит тему *памяти*. Важно всегда помнить о родителях, о родных и близких, даже безвременно ушедших от нас, вспоминать их с благодарностью и уважением. Только так жизнь людей может продолжаться в этом мире вечно, пока дети помнят о родителях, а связь поколений остается непрерывной.

В этой связи А.-К. Вестли рассматривает более масштабную тему *ценности семьи*. Опять же имеющую огромное значение и для детей, и для взрослых. По контрасту с большим, враждебным и опасным городом-миром мама с дочкой создают свой мир — уютный, домашний и добрый. Город как бы существует и остается за границами этого маленького нерушимого мирка семьи, охраняемого папой. Оставшись вдвоем в чужом и беспокойном Осло, они заботятся друг о друге и готовы друг друга оберегать. К нам, читателям, приходит понимание того, что пока на свете у тебя есть хотя бы один близкий человек, пока рядом с тобой настоящий друг — все проблемы решаемы, а безвыходных ситуаций не бывает, и у Гюро с мамой все обязательно будет хорошо. Ведь иначе, согласно логике книг А.-К. Вестли, просто и быть не может.

Мама вытащила из чемодана папину фотографию, чтобы и он как будто был с ними <...>. — Ну вот, теперь здесь как дома, — сказала она. <...> Потом они уселись на мамину кровать и стали играть в лото.

— Как будто мы с тобой играем в лесу на полянке, — сказала Гюро.

— Да, и как будто нам очень весело и хорошо, — подхватила мама.

— Весело и хорошо нам с тобой не как будто, а на самом деле, — поправила ее Гюро.

(Вестли, 1979, с. 14)

Более того, Гюро и мама, несмотря на множество личных проблем, *доброжелательно* настроены к миру и ко всем людям, которые встречаются им на пути. Если они могут чем-то помочь другому человеку, то непременно сделают это. Они с радостью принимают в свою компанию едва знакомую им Тюлиньку и помогают ей с переездом в новый дом. Эрле без колебаний соглашается проводить Лиллен до дому поздним вечером, а по просьбе хозяйки пансионата соглашается безвозмездно отремонтировать комнату и чинит электричество. Гюро и Тюлинька берут на себя заботу о щенке по кличке Индивид, хозяева которого очень заняты и не могут гулять с ним. Так, Гюро понимает, что даже она, маленькая девочка, способна взять на себя ответственность и за маму, и даже за другого человека, и что, если ты сумеешь помочь кому-то одному, ты уже сделаешь этот мир немного лучше и добрее.

Давай считать, что это твоя работа, Гюро. Ты должна постараться, чтобы Тюлинька не чувствовала себя одинокой, — сказала мама.

(Там же, с. 56)

Мир действительно можно изменить к лучшему. Для этого людям достаточно научиться понимать друг друга и строить отношения на основе доброты, деликатного участия в жизни друг друга, взаимовыручки и взаимоуважения. А.-К. Вестли показывает нам маленький образ такого мира — вымышленный ею микрорайон Осло — Тирилтопен, который присутствует почти во всех произведениях писательницы и населен ее героями.

Когда папа Гюро был болен, он однажды сказал:

— Вообще-то, Гюро, всем людям на земле следовало бы познакомиться друг с другом. Жаль только, что это трудно сделать. <...> Но если ты как следует познакомишься с самой собой, тебе будет легче понять и другого человека. И получится, будто ты немного знакома со всеми людьми.

(Там же, с. 4)

Заключение

«Гюро» А.-К. Вестли, несомненно, книга *воспитания*, написанная в лучших традициях гуманистической педагогики и связанной с ней скандинавской литературы для семейного чтения. Она имеет педагогическую направленность, адресована одновременно и взрослым, и детям, и автор в этом ключе поднимает важнейшие философские, социальные, психологические проблемы. Главная героиня — Гюро — на наших глазах постоянно меняется, проходя испытания (горем, столкновением со смертью, разлукой с домом, сложностями взрослого мира), растет и постепенно взрослеет. Гюро никто не воспитывает специально, не наставляет авторитарно и не учит намеренно. Они с Эрле просто живут: заботятся друг о друге, дружат,

вместе справляются с невзгодами, преодолевают жизненные трудности, переживают горе и очень любят и понимают друг друга. Таким особым образом раскрывается тема воспитания любовью у А.-К. Вестли — воспитания в процессе самой жизни, человеческих взаимоотношений, основанных на глубокой близости и доверии между взрослым и ребенком, мамой и дочкой.

А.-К. Вестли обладает писательским талантом видеть *волшебное в обыденном*, что также связано с ее пониманием воспитания. В истории скандинавской литературы существует сильная сказочная традиция, развит жанр сказки — от древнего фольклора до современности, — и писатели Скандинавских стран подарили миру немало сказок. Достаточно назвать имена Г. Х. Андерсена, Сакариаса Топелиуса, Сельмы Лагерлеф, Туве Янссон, Астрид Линдгрэн (Брауде, 1974). В книгах А.-К. Вестли, на первый взгляд, нет ничего сказочного, они — о повседневной реальности, их герои — обычные люди с вполне реалистичными проблемами. И все же эффект сказочности и волшебства в них присутствует. В повести о Гюро — счастливый конец, все завершается благополучно: Эрле в итоге после долгих поисков получает работу, которую хотела; мама с дочкой переезжают в новый дом в Тириллтопене по соседству с Тюлинькой и Бьерном, где все им рады. Это самые *обыкновенные* мечты и желания, которые сбываются. Показать читателям *обыкновенное чудо* — великий дар, которым обладает А.-К. Вестли. Читая ее книги (особенно вместе со взрослым, с родителем), ребенок усваивает, что дружба, любовь, семья, родные и близкие — вот истинное волшебство, те простые чудеса, которые только и стоит ценить в нашем суетном и странном мире.

Следует отметить, что такая философия воспитания характерна для выдающихся шедевров скандинавской детской литературы в целом. Эти классические традиции поддерживает и актуализирует в настоящем современная скандинавская литература в лице Ульфа Старка, Анники Тор, Марии Парр, Руне Белсвика, Тимо Парвеллы, Фриды Ингульстад, Свена Нурдквиста и многих других писателей, чьи книги также предназначены для семейного чтения, адресованы одновременно и детям, и взрослым.

Список источников

1. Макаренко, А. С. (2016). *Книга для родителей*. Питер.
2. Выготский, Л. С. (2018). *Вопросы детской психологии*. Перспектива.
3. Корчак, Я. (1990). *Как любить ребенка*. Политиздат.
4. Сухомлинский, В. А. (2019). *Сердце отдаю детям*. Концептуал.
5. Амонашвили, Ш. (2017). *Искусство семейного воспитания*. Амрита-Русь.
6. Дольто, Ф. (2018). *Заповедный мир детства*. Рама-Пабблишинг.
7. Ньюфелд, Г., & Матэ, Г. (2018). *Не упускайте своих детей*. Ресурс.
8. Канг, Ш. (2015). *Путь дельфина*. Альпина нон-фикшн.
9. Шталь, С. (2020). *Ребенок в тебе должен обрести дом*. Бомбора.
10. Уитфилд, Ч. (2022). *Внутренний ребенок. Как исцелить детские травмы и обрести гармонию с собой*. МИФ.
11. Соловьева, Т. В. (2017). Не быть островом. Детская литература начала XXI века. *Вопросы литературы*, 1, 90–114.
12. Коровин, А. В. (2007). Современная скандинавская литература (статья первая). *Современная Европа*, 3(31), 133–149.
13. Коровин, А. В. (2008). Современная скандинавская литература (статья вторая). *Современная Европа*, 1(33), 110–127.

14. Кузнецова, А. Г., & Троицкий, С. А. (2018). Международный научно-практический коллоквиум «Детская литература Северных стран в России: опыт прочтения». *Детские чтения*, 2, 313–317.
15. Гордер, Ю. (2013). *Зеркало загадок*. Амфора.
16. Вестли Анне-Катарина. ПроДетЛит. *Всероссийская энциклопедия детской литературы*. (2022, 25 сентября). https://prodetlit.ru/index.php/Вестли_Анне-Катарина
17. Вестли, А.-К. (2016). *Каос и Бьернар*. Махаон.
18. Вестли, А.-К. (2019). *Щепкин и коварные девчонки*. Махаон.
19. Вестли, А.-К. (2018). *Все о папе, маме, бабушке и 8 детях*. Азбука.
20. Вестли, А.-К. (1969). *Аврора из корпуса «Ц»*. Детская литература.
21. Лужина, Е. (2019). Семья = счастье. *ПанМамБук*. (2022, 25 сентября). <https://www.parmambook.ru/articles/3670/>
22. Минаева, М. (2018). Детям о многодетности. Мир большой семьи в книге А.-К. Вестли «Папа, мама, восемь детей и грузовик». *Православие.RU*. (2022, 25 сентября). <https://pravoslavie.ru/115979.html>
23. Вестли, А.-К. (1979). *Горо*. Детская литература.
24. Кан, А. С. (1980). *История скандинавских стран*. Высшая школа.
25. Гуревич, А. Я., & Кан, А. С. (1980). *История Норвегии*. Наука.
26. Даниельсен, Р., & Дюрвик, С. (2003). *История Норвегии. От викингов до наших дней*. Весь Мир.
27. *Convention on the Rights of the Child*. (1989). <https://www.coe.int/en/web/compass/convention-on-the-rights-of-the-child#:~:text=The%20Convention%20on%20the%20Rights,into%20force%20in%20September%201990>
28. Брауде, Л. Ю. (1974). *Сказочники Скандинавии*. Наука.

References

1. Makarenko, A. S. (2016). *A book for parents*. Piter. (In Russ.).
2. Vygotskij, L. S. (2018). *Questions of child psychology*. Perspektiva. (In Russ.).
3. Korchak, Ya. (1990). *How to love a child*. Politizdat. (In Russ.).
4. Suhomlinskij, V. A. (2019). *I give my heart to children*. Konceptual. (In Russ.).
5. Amonashvili, Sh. (2017). *The Art of family education*. Amrita-Rus'. (In Russ.).
6. Dolto, F. (2018). *The reserved world of childhood*. Rama-Publishing. (In Russ.).
7. N'yufeld, G., & Mate G. (2018). *Do not miss your children*. Resurs. (In Russ.).
8. Kang, Sh. (2015). *Path of the Dolphin*. Al'pina non-fikshn. (In Russ.).
9. Shtal, S. (2020). *The child in you must find his home*. Bombora. (In Russ.).
10. Uitfild, Ch. (2022). *Inner child. How to heal childhood traumas and find harmony with yourself*. MIF. (In Russ.).
11. Solovyova, T. V. (2017). Not to be an island. Children's literature in the early XXI century. *Voprosy literatury*, 1, 90–114. (In Russ.).
12. Korovin, A. V. (2007). Modern Scandinavian Literature (article 1). *Sovremennaya Evropa*, 3(31), 133–149. (In Russ.).
13. Korovin, A. V. (2008). Modern Scandinavian Literature (article 2). *Sovremennaya Evropa*, 1(33), 110–127. (In Russ.).
14. Kuzneczova, A. G., & Troiczkiy, S. A. (2018). International Scientific and Practical Colloquium «Children's Literature of the Nordic Countries in Russia: Reading Experience». *Children's readings*, 2, 313–317. (In Russ.).
15. Gorder, Yu. (2013). *Mirror of riddles*. Amfora. (In Russ.).
16. Vestli Anne-Katarina. ProDetLit. *All-Russian encyclopedia of children's literature*. (2022, September 25). https://prodetlit.ru/index.php/Вестли_Анне-Катарина (In Russ.).
17. Vestli, A.-K. (2016). *Kaos and Bjornar*. Mahaon. (In Russ.).

18. Vestli, A.-K. (2019). *Scshepkin and cunning young ladies*. Mahaon. (In Russ.).
19. Vestli, A.-K. (2018). *All about dad, mom, grandma and 8 kids*. Azbuka. (In Russ.).
20. Vestli, A.-K. (1969). *Aurora from building «C»*. Detskaya literatura. (In Russ.).
21. Luzhina, E. (2019). Family and happiness. *PapMamBuk*. (2022, September 25). (In Russ.). <https://www.papmambook.ru/articles/3670/>
22. Minaeva, M. (2018). Talk with children about having many children. The world of a large family in the book by A.-K. Westley «Dad, Mom, Eight Kids and a Truck». *Pravoslavie.RU*. (2022, September 25). (In Russ.). <https://pravoslavie.ru/115979.html>
23. Vestli, A.-K. (1979). *Guro*. Detskaya literatura. (In Russ.).
24. Kan, A. S. (1980). *History of Scandinavian countries*. Vy`sshaya shkola.
25. Gurevich, A. Ya., & Kan, A. S. (1980). *History of Norway*. Nauka. (In Russ.).
26. Danielsen, R., & Dyurvik, S. (2003). *History of Norway. From the Vikings up to the present day*. Ves' Mir. (In Russ.).
27. *Convention on the Rights of the Child*. (1989). (2022, September 25). (In English). <https://www.coe.int/en/web/compass/convention-on-the-rights-of-the-child#:~:text=The%20Convention%20on%20the%20Rights,into%20force%20in%20September%201990>
28. Braude, L. Yu. (1974). *Storytellers of Scandinavia*. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Борисовна Панова — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета.

Надежда Ивановна Маругина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета.

Information about the authors

Olga B. Panova — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, National Research Tomsk State University.

Nadezhda I. Marugina — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, National Research Tomsk State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.04

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Якушевич Ирина Викторовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Аннотация. Статья посвящена номинациям птиц в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — компонентам орнитологического кода. Понятие «культурный код» рассматривается как система вербальных знаков, орнитонимов. Цель исследования — соотнести символическое значение орнитонимов в славянском языческом и христианском мировоззрении с их авторской интерпретацией и доказать системность и целостность орнитологического кода в романе. Означающее «А» такой системы — текстовая тематическая группа из 84 словоформ с общей семей 'птицы'. Включены названия 17 видов птиц (в том числе и в качестве ресторанных блюд). Означаемое «Б» символической системы — два основных в славянской языческой и христианской символике значения: 1) 'птица как дух зла, смерть' и 2) 'птица как душа человека, сам человек'. В христианской традиции большинство видов пернатых относятся к нечистым птицам (грач, ворона, воробей, сова, попугай) и поэтому имеют inferнальное значение атрибутов сатаны и его свиты, а также всего, что связано с миром мертвых. Чистые птицы (курица, петух, ласточка, голубь) чаще всего отражают духовный мир героев. Если означающее — это орнитоним, то означаемое — слово, словосочетание или даже предложение из ближайшего контекста, содержащее общекультурное значение. Единицей анализа является парадигма, состоящая из означающего в определенном эпизоде романа и его означаемого в ближайшем контексте. Означаемое актуализируется культурной (христианской, биографической) коннотацией как самих орнитонимов, так и декодирующих их символику слов. Большое значение для актуализации символического значения имеют метафорические эпитеты и градационные ряды.

Ключевые слова: орнитоним, культурный код, означающее, означаемое.

Для цитирования: Якушевич, И. В. (2023). Орнитологический код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 38–54. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.04>

Original article

UDC 811.161.1'373.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.04

ORNITHOLOGICAL CODE

IN M. A. BULGAKOV'S NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA»

Irina V. Yakushevich

Moscow City University,
Moscow, Russia

sa1107@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Abstract. The article considers the nominations of birds in the novel by M. A. Bulgakov «The Master and Margarita» regarded as components of the ornithological code. The concept of «cultural code» is seen as a system of verbal signs, ornithonyms. The purpose of the study is to correlate the symbolic meaning of ornithonyms in the Slavic pagan and, above all, in the Christian worldview with their author's interpretation and to prove the consistency and integrity of the ornithological code in the novel. The signifier «A» of such a system is a textual thematic group of 84 wordforms with a common «bird» seme. The names of 17 bird species are included (along with the titles of restaurant dishes). The signified «B» of the symbolic system is two main meanings in Slavic pagan and Christian symbolism: 1) «bird as the spirit of evil, death» and 2) «bird as the soul of man, man himself». Most species of birds belong to unclean birds in the Christian tradition (rook, crow, sparrow, owl, parrot) and therefore have an infernal meaning of Satan's attributes and his retinue, as well as everything connected with the world of the dead. Pure birds (chicken, rooster, swallow, pigeon) most often reflect the spiritual world of the characters. If the signifier is an ornithonym, then the signified is a word, phrase, or even a sentence from the nearest context containing a general cultural meaning varied by the author in one way or another. The unit of analysis is a paradigm consisting of the signifier in a certain episode of the novel and its signified in the immediate context, for example, «black birds on Patriarch's ponds → Satan». The signified is actualized by the cultural (Christian, biographical) connotation of both the ornithonyms themselves and the words decoding their symbolism. Metaphorical epithets and gradation series are of great importance for generating the symbolic meaning.

Keywords: ornithonym, cultural code, signifier, signified.

For citation: Yakushevich, I. V. (2023). Ornithological code in M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 38–54. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.04>

Введение / Introduction

Согласно исследованиям издательства «Эксмо», проведенным в 2022 году, роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова стал самым популярным произведением школьной программы. Несмотря на многочисленные филологические исследования, интерес к роману не иссякает: обращение Булгакова к фантастике и библейскому сюжету требует сложного поликультурного знания

символических смыслов. Данное исследование посвящено системе символов-орнитонимов, встречающихся в романе. Под орнитонимом (от *греч.* *ornis* — птица) мы понимаем слова или словосочетания, которые служат для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц (Симакова, 2003, с. 11).

Методология исследования / Methodology

Для лингвистического описания символических смыслов орнитонимов романа мы обратились к термину «культурный код» по нескольким причинам. Во-первых, носителем культурного кода является знак (Гудков и Ковшова, 2007, с. 9), в частности вербальный. В нашем случае — орнитоним. Во-вторых, орнитоним может иметь символическое значение. Это возможно благодаря тому, что слово как знак имеет двойственное означающее: а) звуко- или букворяд слова; б) ментальный образ называемого предмета (Толстая, 2007), обязательно как результат чувственного восприятия (Жинкин, 1964). Такой код С. М. Толстая назвала концептуальным. Именно ментальному образу в контексте языческой мифологии или библейских образов присваивается символическое, или, согласно В. В. Красных, архетипическое значение (Красных, 2001, с. 5). Иными словами, орнитоним становится символом. Его означающее — слово как единство звукобуквенного материального носителя знака и некоего яркого перцептивного образа. Его означаемое — система мифологически переосмысленных абстрактных смыслов, например ‘душа’, ‘смерть’, ‘жизнь’, ‘весть’ и пр. (Якушевич, 2012, с. 12). В-третьих, соло одного символа нельзя назвать кодом (Карасик, 2009, с. 4). Это должна быть обязательно система, связанная не только культурно значимыми в национальном менталитете смыслами, но и авторской интенцией. Детальнее эту систему С. М. Толстая называет рядом, в котором между отдельными элементами существуют определенные отношения (Толстая, 2007).

В качестве такого ряда выбрана текстовая тематическая группа (ТТГ) орнитонимов, встречающихся в романе Булгакова. ТТГ — парадигма слов разных частей речи, имеющих в данном тексте минимум одну общую сему (Новикова, 1985, с. 8–9). Выбор именно этой единицы исследования соответствует двум свойствам культурного кода: системности и гомогенности (Толстая, 2007), обеспечиваемыми всей структурой лексической парадигмы, скрепленной повторяемостью архисемы ‘птица’. Подчеркнем, что ТТГ существует только в рамках текста романа и состоит из слов разных частей речи. Именно поэтому в ТТГ «птицы» мы включили не только орнитонимы-существительные, но и их однокоренные слова других частей речи (в скобках указана частотность слов в тексте романа): птица (12), птичья [лапка] (2), грач (9), воробей (7), воробьиный (1), воробышек (3), петух (7), петуший (1), гусь (7), гуськом (1), ласточка (6), ласточкин (2), курица (6), куриный (4), сова (4), попугай (2), голубь (2), ворона (1), перепел (1), дупель (1), гаршнеп (1), бекас (1), вальдшнеп (1), кулик (1), дрозд (1). Таким образом, языковым носителем орнитологического кода «Мастера и Маргариты» является система орнитонимов-символов. В процессе анализа обозначим их «А». В вертикальном измерении — это ТТГ «птицы». В горизонтальном измерении — это символическое значение («Б») всей лексико-семантической группы в целом и каждого ее члена в отдельности. Означаемое «Б» развернуто в описательных формах разного вида — от слова и словосочетания до сверхфразового единства (Халикова, 2020, с. 52).

Результаты исследования / Results

Символическое значение птицы в языческой и христианской мифологии

В славянской языческой мифологии и библейской образности очевидны два главных символических значения птицы: 1) ‘дух как божество’, 2) ‘человек, его душа’ (Гура, 1997, с. 527; Якушевич, 2019). Первое значение обусловлено причислением птиц к небесному миру. Древние славяне считали, что птицы населяют Вырий (Ирей) — райскую теплую страну, находящуюся за небесным морем. Оттуда весной они возвращаются на родину, принося солнечный свет и тепло, и туда уходят души усопших праведников. Неудивительно, что птица становится символом смерти и бессмертных душ одновременно (Афанасьев, 1994, с. 218, 250).

Как атрибут загробного мира, птица символизирует Божественную сущность вообще. В русской языческой мифологии это славянский бог солнца Хорс, любимым воплощением которого были орел и сокол. Кроме того, в качестве птицы — творца мира — выступал селезень или гоголь, а также любая водоплавающая птица (Демин). С крыльями изображались славянские боги огня — пес Симаргл (Семаргл) и огненная птица Рарог. Крылатыми были южнославянские вилы. По народным поверьям, крылья полагались бесам и ведьме (Славянская мифология, 1995, с. 49, 89). В библейском контексте Бог сравнивается с птицей, прячущей птенцов под крыльями: «Как птицы — птенцов, так Господь Саваоф покроет Иерусалим, защитит и избавит, пощадит и спасет» (Ис. 31:5). С крыльями канонически изображаются ангелы. Во время крещения Иисуса Дух Божий сошел с неба в образе голубя (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 226). И в язычестве, и в христианстве все птицы, в зависимости от персонифицированного ими духа, делились на чистых (голубь, ласточка, жаворонок, клест, аист, лебедь и чайка) и нечистых (все врановые, коршун, ястреб, сова, воробей, кулик и др.) (Гура, 1997, с. 528). Последние стали атрибутом дьявола, греха и зла вообще.

Второе значение — метонимия первого: с птицей отождествлялась не только бессмертная душа человека, но и он сам. Так, сравнение человека с птицей встречается в русских пословицах (здесь и далее курсив наш. — *И. Я.*):

Красна и *птица* перьем, а человек — ученьем.

Курица не *птица*, а баба не человек.

Синица не *птица*, прапор не офицер.

Отец твой — чулок (онуча), мать — тряпица, а ты что за *птица*?

(Даль, 200, с. 201, 175, 356)

В русских загадках:

Не княжеской породы, а ходит с короной (*петух*).

Под тыном шла, сто рубах нашла; ветер подул, все рубахи раздул (*курица*).

(Митрофанова, 1987, с. 67)

В современном русском жаргоне много слов, отражающих устойчивое сравнение человека и птицы, например: курица, кукушка, ворона и тетерка (как название женщины), чижик (‘молодой солдат’), грач (‘летчик’), баклан (‘хулиган’), снегири (‘юные регулировщики в красно-белой форме’), канарейка (‘футболист команды «Нант»’) и др. (Минеева 2019, с. 330–331).

Человек сравнивается с птицей и в Библии. Например, в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова читаем: «Как охотничья *птица* в западне, таково сердце надменного» (Сир. 11:30). В романе есть похожая фраза про Иуду, у которого за секунды до смерти *сердце* (Б) стало прыгать, как *птица* (А) под черным покрывалом (Булгаков, 2022, с. 306). Другое библейское высказывание «как птица, покинувшая гнездо свое, так *человек*, покинувший место свое» (Притч. 27:8) также имеет аналог в романе: «Сонная и странная *личность* [Б] улетела из дому, как *птица* [А], не оставив по себе никакого следа» (Булгаков, 2022, с. 289). Обратимся к символическому значению отдельных лексем, словосочетаний.

Птица

Черные птицы на Патриарших прудах → ‘**дьявол, смерть**’. Черные птицы — грачи, вороны, частично сороки — традиционно относились к нечистым птицам. Трудно сказать, какие черные птицы летали на Патриарших прудах над Воландом в тот момент, когда он сообщил Берлиозу о предопределенности его смерти: «иностранец... прищуренными глазами поглядел в небо, где <...> бесшумно чертили *черные птицы* [А], — что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила» (Там же, с. 29). Черные птицы материализуют не только эти слова Воланда, но и озвученное ранее предсказание гибели Берлиоза, которое и есть означаемое этого символа: «Вам отрежут голову!» (Б) (Там же). Обратим внимание на языковую игру, основанную на созвучии трех слов — *черт*, *черный* и *чертили* (Поздняева, 2007, с. 186). В романе, кроме птиц на Патриарших, черный цвет характеризует грача-шофера и уличных ворон.

Птичья лапа → ‘**демон**’. По мнению М. Орлова, чье издание 1904 года Булгаков, несомненно, читал, сатану выдавали руки, напоминающие птичьи лапы (Орлов, 1991). Такая лапа в романе появляется дважды. Первый раз — в описании встреченной профессором Кузьминым «сестры милосердия», в которую превратился Азazelло: «Денежки я приберу, — мужским басом сказала сестра, — нечего им тут валяться. — Сгребла *птичьей лапой* [А] этикетки и стала таять в воздухе» (Булгаков, 2022, с. 218). Символическое значение ‘демон’ разбросано в виде алогичных для облика женщины деталей: она говорила *мужским басом* (Б), у нее был *мужской, кривой, до ушей, с одним **клыком*** (Б) рот и *мертвые* глаза (Б). Вероятно, в птичьем облике Азazelло есть отголоски славянского ветхозаветного апокрифа об Аврааме, к которому дьявол Азazelл (почти как Азazelло) пришел в образе нечистой птицы и стал его искушать: «Что тебе, Авраам, на высотах святых, в них же не едят, не пьют; несть в них пища человека, вси си огнем поядают и покаляют тя» (Вишневская, 2004).

Второй раз птичьи лапы фигурируют в описании канделябра Воланда: «Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол, на котором помещался канделябр с гнездами в виде когтистых *птичьих лап* [А]. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи» (Булгаков, 2022, с. 250). Как и грязное белье на кровати (Орлов, 1991), два канделябра, с когтистыми лапами и со змеями, являются атрибутами черной мессы. Это золотые семисвечные меноры, которые, как и звезды Давида, относятся к древнейшим символам иудаизма, упоминаемым в Библии,

атрибутам храма (Исх. 25:31–40). Первая менора была дарована Богом Моисею во время его путешествия по пустыне. По форме светильник напоминал разветвленное дерево — растение израильской пустыни моиоу. Изображение когтистых лап на меноре, по сути, кощунство, и именно эта деталь меняет атрибут Мессии на атрибут сатаны. Означаемое этого символа — перифраза, возникающая не сразу, а по мере перемещения взгляда Маргариты по комнате: тот, «кого еще совсем недавно бедный Иван на Патриарших прудах убеждал в том, что дьявола не существует [Б]» (Булгаков, 2022, с. 250).

Хищные птицы на Лысой горе → ‘наказание зла’. «Тела Дисмаса и Гестаса с выклеванными хищными *птицами* [А] глазами подняли и тотчас же бросились на поиски третьего тела» (Там же, с. 318). Выклеванные глаза разбойников — несчастная деталь: нечистые хищные птицы, атрибуты зла в Библии, часто символизировали наказание свыше и были зловещими предвестниками грядущего суда (Иер. 12:9; Ос. 8:1). Именно заслуженность наказания Дисмаса и Гестаса хотел подчеркнуть Афраний в беседе с Пилатом.

Молчание певчих птиц → ‘казнь’. «Он заснул, и последнее, что он слышал наяву, было предрассветное щебетание *птиц* [А] в лесу. Но *они вскоре умолкли* [А], и ему стало сниться, что солнце уже снижалось над *Лысой горой* [Б], и была эта гора оцеплена двойным оцеплением...» (Булгаков, 2022, с. 177). В Библии музыка и пение (как человека, так и птиц) считались достойным выражением любви к Богу (Исаия 12:2; Пс. 106: 22; Пс. 125:2 и др.). Прекращение пения означало отсутствие Бога, а в романе стало предвестником страшного события — распятия Христа в главе «Казнь».

Домашние птицы → ‘женщины’. «Его превосходительство / Любил *домашних птиц* [А] / И брал под покровительство / *Хорошеньких девиц!!!* [Б] (Булгаков, 2022, с. 141). Слова этого марша недвусмысленно намекают на амурные похождения Аркадия Апполоновича Семплиярова, потребовавшего во время сеанса магии в театре Варьете ее разоблачения. *Хорошенькие девицы*, начинающие актрисы, были немедленно разоблачены Фаготом: это Милица Андреева Покобатько и дальняя родственница из Саратова, проживавшая в квартире с Семплияровым. Упоминание о птицах в марше — аллюзия к известному в Москве водевиллю «Лев Гурыч Синичкин». При чем птичья фамилия не только у главного героя пьесы, но и у ее автора — Дмитрия Воробьева (Вишневская, 2004).

Грач

Грач-шофер → ‘демон’. Черный цвет птицы акцентируется внутренней формой всех представителей врановых, к которым относится и грач: ворон от и.-е. корня *ueг ‘жженный, обгоревший, черный’ (Черных, 1991, с. 166). В народном сознании все врановые ассоциировались с ночным периодом суточного цикла, когда солнце сгорало и открывался мир мертвых. Поэтому основное символическое значение грача в русской языческой мифологии — смерть и потусторонний мир (Гура, 1997, с. 536).

Природа грача-шофера антропоморфна: он *в клеенчатой фуражке и в перчатках с раструбами*. Как и Бегемот, грач — демон, причем на сходство сущности этих персонажей указывает сравнение Бегемота с грачом: *черный, как сажа или грач*. Выбор именно этого вида врановых неслучаен: вероятнее всего, во времена Булгакова, как и сейчас, *грачами* называли таксистов, официально или нелегально занимающихся извозом (Словарь современной лексики..., 2014). Кроме антропоморфного облика грача-шофера на его связь с потусторонним миром недвусмысленно указывает кладбище, где грач высадил «ни о чем не спрашивающую Маргариту *возле одного из надгробий* [Б] вместе с ее щеткой, *грач* [А] запустил машину, направив ее прямо в овраг *за кладбищем* [Б]» (Булгаков, 2022, с. 246). По расположению в районе Дорогомилово, обрывистому и овражистому берегу Москвы-реки узнается Дорогомиловское кладбище. Оно было одним из последних, уничтоженных согласно плану антирелигиозной кампании 1920–1930-х годов, когда разрушали не только церкви, но и погосты — место отправления культа. Кладбища переносили на новые территории, но удалось сохранить далеко не все могилы, а только известных людей. Большая часть захоронений оказывалась затоптанной и преданной забвению. Вот почему приговоренное к уничтожению в 1939 году Дорогомиловское кладбище, которое, кроме того, в 1770-х годах было организовано как чумное, становится приютом свиты сатаны (Нестеров, 2023).

Грачи во сне Маргариты → ‘сумасшествие мастера’. Во сне Маргариты грачи — в представлениях национальной культуры нечистые птицы — символизируют беду, случившуюся с мастером: «Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая *грачей* [А]» (Булгаков, 2022, с. 221). Сон Маргариты провидчески раскрывает место пребывания мастера — клинику Стравинского: «Какой-то корявый мостик, под ним мутная весенняя речонка» (Там же). Именно реку и бор на другом берегу видел мастер за решеткой в окне. Большое значение в суггестии семантики зла имеют слова и предложения со значением отсутствия чего-либо, например *беззвучная стая грачей*, а также троекратно усиленный поток генетивных предложений с отрицательной частицей *ни*: «Ни дуновенья ветерка, ни шевеленья облака и ни живой души» (Там же). Ряд эпитетов: *безрадостные, нищенские (деревья), одинокая (осина)* — усиливает тревожность, заканчиваясь означаемым *адское место* (Б). Нагнетают тревогу и субстантиваты *неживое и унылое*, превращая эпитеты-признаки во всеобъемлющее состояние.

Воробей

Воробей у профессора Кузьмина → 1) ‘дух зла’, 2) ‘одинокость’. Народная мифологическая традиция ставит воробья в один ряд с врановыми как нечистую птицу, в которую вселяется злой дух. Легенды рассказывают о предательстве Христа воробьем: согласно легенде, воробей своим чириканьем выдал преследователям Христа, согласно другой — приносил гвозди во время распятия, согласно третьей — ругался: «Черт возьми», — и издевательски кричал: «Терпи, страдай!» (Гура, 1997, с. 586–587). Кроме того, в языческих славянских верованиях воробей, будучи связанным с аграрным культом предков, был вестником смерти (Тульцева, 1982).

Танцующий фокстрот воробей на столе профессора Кузьмина — зооморфный образ *демона-убийцы* Азазелло: «Паскудный *воробышек* [А] припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, — приплясывал фокстрот под звуки патефона...» (Булгаков, 2022, с. 329). Глаголы, описывающие «паскудство» воробья, выстраиваются в градационный ряд: *припадал (на левую лапку), кривлялся, приплясывал*.

Почему именно ему, а не приговоренному Воландом к смерти от рака буфетчику Сокову явился предвестник смерти? Спектакль с танцующим воробьем, медсестрой с птичьей лапой и пиявками на шее и голове Кузьмина — предупреждение о расплате, которая неизбежно настигнет вымогателя-профессора, ничем не помогшего Сокову. Эпизод с воробьем был продиктован Булгаковым жене 15 января 1940 года, а позже вставлен в роман. В визите буфетчика к Кузьмину отражена собственная встреча с нефрологом М. С. Вовси, который лечил смертельно больного Булгакова от нефросклероза и однажды бестактно и нарочито громко заявил, что пациент умрет через три дня (хотя прожил еще семь месяцев). Писатель был расстроен, разозлен и даже взбешен таким неэтичным поступком. «Пройдет время, и над нашими терапевтами будут смеяться, как над мольеровскими врачами», — писал Булгаков в письме к своему киевскому другу А. Г. Гдешинскому (Лескис и Атарова, 2023). Появление такой детали, как пиявки, тоже неслучайно: они указывают на грех Кузьмина, поскольку в разговорной речи пиявками называют тех, «кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни» (Евгеньева, 1999).

Если в Библии птица, которая в природе живет в стае, упоминается отдельно от нее, то она символизирует одиночество, например: «Не сплю и сижу, как *одинокая птица* на кровле» (Пс. 101:8). В толковании этого псалма епископ Ириней указывает не просто на малую птицу, а на воробья (Толкования Священного Писания, 2010–2023). Одиночество профессора Кузьмина угадывается в нескольких, на первый взгляд, незначительных деталях. Первая деталь — *котенок-сирота*. Означаемое ‘одиночество’ выражено эпитетом *сирота*. Вторая деталь — искушение профессора женщиной, пробежавшей через двор в одной рубашке. Мысль о женщине издевательски трансформируется в образ уродливой медсестры. Добавим, что функцию хозяйки в особняке выполняет старая нянечка Ксения Никитишна и что ночью у постели на Кузьмина *соболезнующе* глядел специально приехавший друг, профессор Буре, а не кто-нибудь из близких, например дочь, в чьей комнате заиграл злополучный фокстрот (Булгаков, 2022, с. 218).

Воробей (воробьи) над головой Воланда на Патриарших прудах и на Воробьевых горах → ‘дьявол’. Как и черные птицы над Воландом во время беседы на Патриарших прудах, воробей также имеет inferнальное символическое значение: «Нету никакого *дьявола* [Б]! — ...вскричал Иван Николаевич не то, что нужно... Тут безумный расхохотался так, что из липы над головами сидящих выпорхнул *воробей* [А]» (Там же, с. 60). Если появление **воробья** на Патриарших прудах спровоцировано хохотом Воланда, то на Воробьевых горах перед отлетом сатаны и его свиты — свистом Бегемота: «Конь ее взбросился на дыбы, в роще посыпались сухие сучья с деревьев, взлетела целая стая *ворон* и *воробьев* [А]...» (Там же, с. 363). Отметим, что слово *ворона* употребляется в романе только один раз именно в этом контексте и в совокупности с воробьями символизирует нечистую силу.

Сова

В Библии сова относится к нечистым животным, способным видеть и летать ночью. Интересно, что в одних библейских переводах птица названа совой, а в других — *lilit*, ночной ведьмой (Ис. 34:14). Слово происходит от *аккад.* *lilitu* ('бес') (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 59, 620). В языческой символике появление представителей семейства совиных означает смерть. Более того, в разных фольклорных текстах сова в загробном Вырии — судья всех птиц, которые должны ей отчитаться о своих добрых и злых делах (Гура, 1997, с. 568–569).

Маргарита в сравнении с совой → 'смерть'. В мысленном монологе в Александровском саду Маргарита сравнивает себя с совой: «Почему я сижу, как сова [А], под стеной одна? Почему я *выключена из жизни?* [Б] (Булгаков, 2022, с. 224). Словосочетание *выключена из жизни* недвусмысленно вносит значение смерти, что подкреплено контекстом: а) Маргарита думает о своем сне, согласно которому мастер умер («Значит, ты был сослан и умер» (Б)); б) движется процессия похорон Берлиоза («медленнодвигающаяся *похоронная* [Б] новенькая открытая машина, на ней *гроб* [А] весь в венках»); в) в мыслях Маргарита готова отдать душу дьяволу (Ах, право, *дьяволу* [Б] бы я заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет?») (Булгаков, 2022, с. 224).

Сова в комнате Воланда → 1) 'смерть', 2) 'Маргарита'. В романе сова — один из атрибутов квартиры № 50. Во время визита буфетчика Сокова «из соседней комнаты влетела большая темная птица и тихонько задела крылом лысину буфетчика. <...> птица оказалась *совой* [А]» (Там же, с. 211). Чуть позже от Коровьева гость услышит, что «*умрет он* [Б] через девять месяцев, в феврале будущего года, *от рака печени* [Б]» (Там же, с. 212).

В другом эпизоде сова не просто атрибут нечистой силы, а двойник самой Маргариты: «Маргарита сидела, заткнув пальцами уши, и глядела на *сову* [А], дремавшую на каминной полке. Кот выстрелил из обоих револьверов, <...> убитая *сова* [А] упала с каминной полки и разбитые часы остановились» (Там же, с. 276). Неслучайно в обоих эпизодах сова соседствует с часами — символом времени и человеческой жизни. Для Маргариты, чей земной путь в следующий вечер прекратится, сова и остановившиеся часы символизируют смерть.

Вернемся к одной из библейских номинаций совы — *lilit* («ночная ведьма»). Определение как нельзя лучше характеризует главную героиню романа. Кроме того, в славянской языческой мифологии сова — символ женского одиночества, безбрачия и бездетности (либо внебрачного материнства). *Одиночество*. Именно это слово передает первое впечатление мастера от встречи с героиней: «И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем невиданное *одиночество* в глазах!» (Там же, 2022, с. 148). Это значение поддерживается маленьким эпизодом полета Маргариты, когда четырехлетнему мальчику в квартире Латунского она рассказала сказку о себе: «И у нее *не было детей* и счастья вообще тоже не было» (Там же, с. 240).

Перепел, дупел, гаринеп, бекас, вальдиинеп, кулик, дрозд

Дичь в Грибоедове → ‘душа грешника’. Названия блюд из дичи реализуют антропоморфное эсхатологическое значение ‘души писателей’. Ресторан «Грибоедов» в контексте романа приобретает значение ‘ад’: «Словом, ад [Б]. И было в полночь *видение в аду* [Б]» (Булгаков, 2022, с. 76). Инфернальное символическое значение подкреплено двумя деталями: а) оркестр играл один и тот же фокстрот — «Аллилуйя» — и в «Грибоедове», и на балу у сатаны, причем в обоих случаях ровно в полночь; б) описание блюд «Грибоедова» приходится на Страстную неделю, когда требовалось соблюдать строгий пост.

Курица

Жареная курица → ‘Поплавский’. Как и танцующий на столе профессора Кузьмина воробей, весь эпизод с жареной курицей из чемодана дяди Берлиоза, приехавшего занимать его квартиру, — предупреждение о наказании. Сначала, рыдая, Коровьев подчеркнуто детально рассказал о том, как именно трамвай раздавил Берлиоза: «Начисто! Я был свидетелем. Верите — раз — *голова прочь* [Б]! Правая нога — *хрусть, пополам!* Левая — *хрусть, пополам!*» (Там же, с. 204). Затем Азazelло отрывает курице ногу, обгладывает ее и швыряет вслед за Поплавским, спущенным с лестницы. Семантический параллелизм связывает два предложения о дяде и о курице: «*Поплавский* [Б] полетел вниз по лестнице, держа в руках паспорт. Мимо него пропрыгала безногая курица [А] и свалилась в пролет...» (Там же, с. 206). И рассказ Коровьева и обглоданная куриная нога — угроза быть убитым, как Берлиоз. Именно это понял Поплавский, торопясь на вокзал.

Петух

Петух → ‘исчезновение нечистой силы’. Языческая славянская символика чистой птицы петуха неотделима от семантики огня, солнца, предвестником восхода которого и является крик птицы. Петуху в народе приписывалась роль прогонять нечистую силу (Славянские древности, 2009, с. 28–29). В романе он появляется дважды. Первый раз — когда горластый дрессированный петух (А), приготовленный к программе в Варьете, спас Римского от ведьмы Геллы и вампира Варенухи: «С третьим криком петуха она *повернулась и вылетела* вон [Б]. И вслед за нею, подпрыгнув и вытянувшись горизонтально в воздухе, напоминая летящего купидона, *выплыл* [Б] медленно в окно через письменный стол Варенуха» (Булгаков, 2022, с. 165). Второй раз петухи возвещают Маргарите об окончании бала сатаны: «Ей показалось, что кричат оглушительно петухи [А], что где-то играют марш... Толпы гостей стали терять свой облик [Б]» (Там же, с. 270). Означаемое в обоих фрагментах выражено глаголами со значением исчезновения, причем сверхъестественного: *Гелла вылетела, Варенуха выплыл, мертвецы стали терять свой облик*.

Ласточка

Ласточка → ‘душа Пилата’. Ласточка — традиционный языческий и христианский символ человеческой души (Гура, 1997, с. 629) и, кроме того, очень частотен в русской поэзии XIX–XX веков (Федотов, 2019). В романе полет ласточки символически иллюстрирует то, как меняется решение Пилата о казни Иешуа. Сначала, поговорив с Га-Ноцри, Пилат не находит в действиях проповедника вины. И в этот момент «в колоннаду стремительно влетела ласточка [А]» (Булгаков, 2022, с. 40). «Смертный приговор Га-Ноцри... *прокуратор не утверждает* [Б]» (Там же, с. 41). Ласточка — душа самого Пилата, и это решение приносит ему облегчение: М. А. Булгаков использует эпитеты *светлая* и *легкая* (голова). Одна маленькая деталь вносит культурную коннотацию в лексическое значение слова ласточка: «Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо» (Там же). Именно упоминание о гнезде отсылает читателя к библейской идее о Божественном Промысле и правильности действий Пилата: «И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил...» (Пс. 83:4). Далее ласточка демонстрирует неудовольствие, когда прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима и подвергает его заключению (Б): «Крылья ласточки [А] фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю» (Там же). Олицетворяющие глаголы *фыркнули* и *метнулась* подчеркивают символическое значение птицы как души. Третий раз ласточка влетает, когда Пилат объявил, что утверждает смертный приговор: «Бешеным взором проводил ласточку [А], опять впорхнувшую на балкон» (Булгаков, 2022, с. 45). Эпитет *бешеный* указывает на разлад прокуратора со своей душой-ласточкой. Возвращение птицы может быть также связано с языческой славянской приметой о влетающей в жилище ласточке, которая предвещает смерть — смерть Иешуа.

Голуби

Голубь — ‘оплакивание смерти Иешуа’. Голубь — чистая птица, и в Библии имеет множество символических значений (об этом см.: Филиндаш, 2019). Одно из них — оплакивание, скорбь: «тосковал как голубь» (Ис. 59:11); «стонем, как голуби» (Иез. 7:16; Наум 2:7). Со времен Авраама **голубь** — жертвенная птица (Быт. 15:9): если в жертву всеожжения приносились птицы, ими должны были быть горлицы или молодые голуби (Райкен и Уилхойт, 2005, с. 225).

Как и ласточка, голуби в романе связаны со страданиями Иешуа и появляются дважды. Первый раз, когда Крысобою увел подсудимого в сад, чтобы ударить бичом. В эту минуту была такая тишина, что «слышно было, как ворковали голуби [А] на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане» (Булгаков, 2022, с. 34). Означаемое передано предложением о реакции наказанного на боль: «ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обесмыслились [Б]» (Там же, с. 36). Интенсивность испытываемой боли передана глагольными словосочетаниями-метафорами, которые выстраиваются в градационный ряд действий, следующих друг за другом и передающих, как болевой шок накрывает Га-Ноцри: *подрубили ноги / захлебнулся воздухом / краска сбежала / глаза обесмыслились*.

Второй раз голуби оплакивают уже смерть Иешуа все на той же самой площадке у фонтана: «Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби [А] выбрались на песок, гулькали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке» (Булгаков, 2022, с. 294). Означаемое возникает чуть позже в беседе с Афранием: «Вы сами установили, что *смерть* [Б] пришла? — Прокуратор может быть уверен в этом» (ссылку).

Гусь

Гусь → ‘человек’. Большинство словоупотреблений существительного *гусь* в романе реализует антропоморфное символическое значение птицы: «нам понятно, что вы за *гусь*» (об обычном коте, пойманном в поезде) / «вот прицепился заграничный *гусь*» (Бездомный о Воланде) / «вытянув шею, как *гусь*» (о секретаре во время допроса Иешуа) / «*гуськом*... побежали продавцы» (в Торгсине) (Там же, с. 374, 25, 39, 343).

Попугай

Попугай → **болтовня, подражание демону**. В христианской традиции попугай — амбивалентный символ. С одной стороны, названный еще в XIII веке райской птицей, попугай стал атрибутом рая, Девы Марии и даже Христа (Donald, 2010, с. 180). С другой стороны, умение подражать человеческой речи сделало эту птицу символом искушения и бессмысленной болтовни, поскольку попугай повторял слова Змея-искусителя, склонявшего людей потакать желаниям плоти (Gabrielle, 2006, с. 155). В романе попугаи — бальное украшение Бегемота: «Красногрудые зеленохвостые *попугаи* [А] перепархивали с лианы на лиану и оглушающе кричали: “*Я восхищен!*” [Б]» (Булгаков, 2022, с. 259). Если райский попугай традиционно приветствовал Деву Марию (*Ave!*), то попугаи на балу Воланда, по природе черной мессы, приветствовали грешников-мертвецов, повторяя слова демона-Бегемота.

Заключение

Подведем итог. Орнитологический код романа — это хорошо продуманная символическая система. Означающее этой системы — ТТГ, которая включает в себя 84 словоформы, называющие 17 видов птиц (в том числе и номинации блюд в «Грибоедове»). Большинство видов относятся к нечистым птицам (грач, ворона, воробей, сова, попугай) и поэтому имеют inferнальное значение атрибутов сатаны и его свиты, а также всего, что связано с миром мертвых. Чистые птицы (курица, петух, ласточка, голубь) чаще всего отражают духовный мир героев. Однако строгой закономерности здесь нет: два основных символических значения: 1) ‘птица как дух зла, смерть’ и 2) ‘птица как душа человека, сам человек’ — варьируются автором как в связи с чистыми, так и в связи с нечистыми птицами. Означаемое — собственно

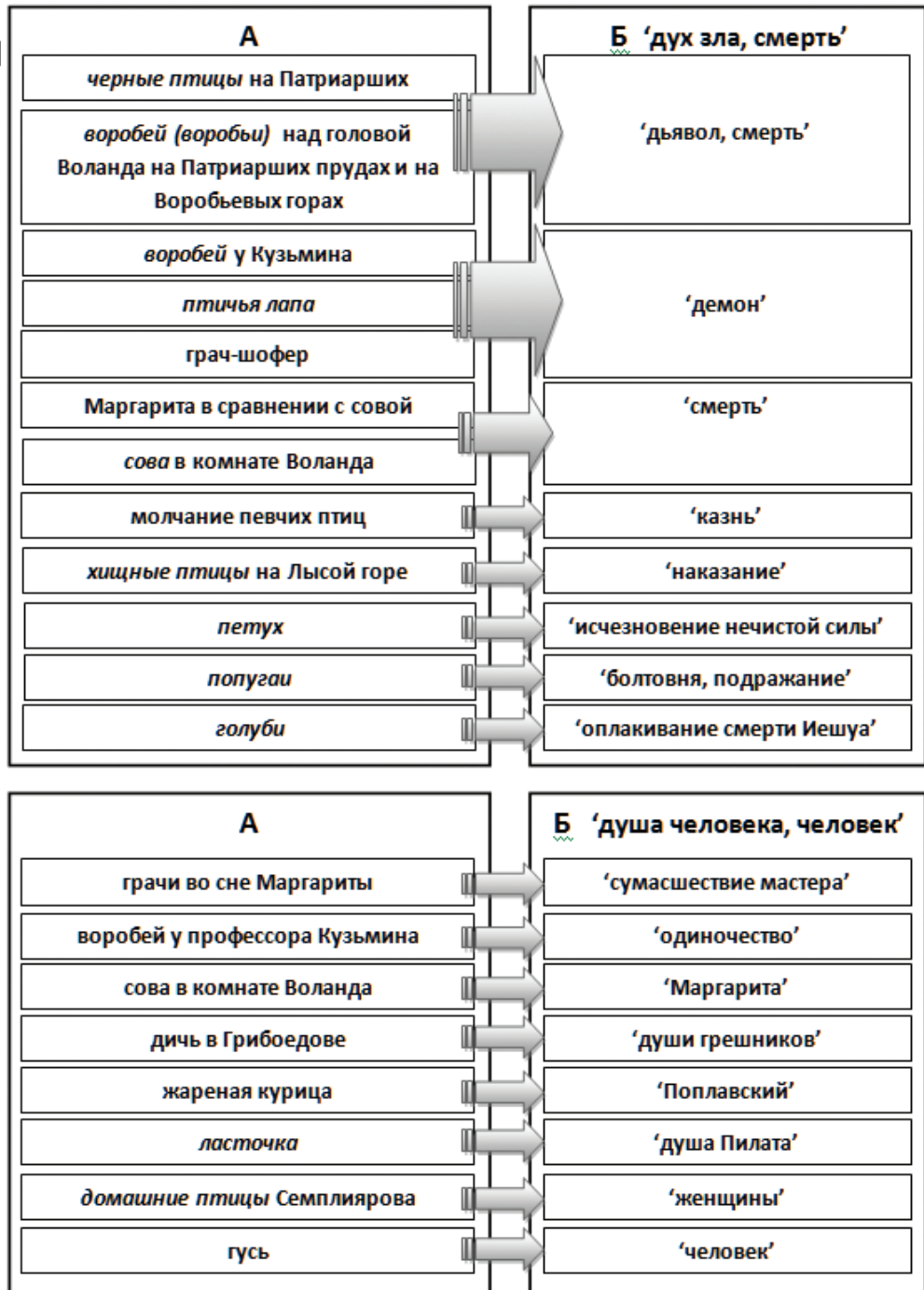

Рис. 1. Блок-схема символической системы орнитологического кода в романе «Мастер и Margarита»

Fig. 1. Flowchart of the symbolic system of the ornithological code in the novel «The Master and Margarita»

символическое значение орнитонима — актуализируется прежде всего культурной коннотацией как самих орнитонимов, так и декодирующих их символику слов. К примеру, эпитет *хищные* (птицы) подключает библейский контекст к словам Аффания о Гестасе и Дисмасе, а упоминание о гнезде — к рассказу о ласточке и Пилате. Особой христианской коннотацией наделена семисвечная менора. Московская коннотация выражена упоминанием о Дорогомиловском кладбище и о профессоре Кузьмине.

Птичий код в романе добавляет много звука (о звуковых образах птиц см.: Казмирчук, 2022): и означающее, и означаемое большинства орнитонимов имеют сему слуховой перцепции: воробей на Патриарших прудах — смех Воланда, как и стая черных птиц — слова Воланда о гибели Берлиоза; воробьи и вороны на Воробьевых горах — свист Бегемота; пение петуха; воркование голубей в саду около дворца; танец воробья под фокстрот; болтовня попугаев на балу; выстрел в сову; марш про «птиц» Семплиярова. На рисунке 1 представлена блок-схема символического кода романа с указанием тех персонажей и тех деталей, которые отмечены авторской характеристикой: двадцати орнитонимам-означающим. «А» соответствует только два символических значения, конкретизированных в той или иной мере.

Список источников

1. Булгаков, М. А. (2022). *Мастер и Маргарита*. СЗКЭО.
2. Симакова, О. Б. (2004). *Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков)*. [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел].
3. Гудков, Д. Б., & Ковшова, М. Л. (2007). *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. Гнозис.
4. Толстая, С. М. (2007). К понятию культурных кодов. В Н. Б. Вахтин & Г. А. Левинтон (Ред.). *АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина* (Studia Ethnologica; Вып. 4) (с. 23–31). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
5. Жинкин, Н. И. (1964). О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*, 6, 26–38.
6. Красных, В. В. (2001). Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей* (ред. В. В. Красных & А. И. Изотов). Вып. 19. МАКС Пресс.
7. Якушевич, И. В. (2012). Структурные модели символа в поэтическом тексте. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 6, 12–15.
8. Карасик, В. И. (2009). Концепт как единица лингвокультурного кода. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 10(44), 4–11.
9. Новикова, Н. С. (1985). Тематическая группа как семантический компонент текста. *Русский язык в национальной школе*, 5, 8–13.
10. Халикова, Н. В. (2020). Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина. *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*, 4, 51–59.
11. Гура, А. В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Индрик.
12. Якушевич, И. В. (2019). Птицы: символ, метафора, метаморфоза. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: коллективная монография*. Книгодел, 307–319. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
13. Афанасьев, А. Н. (1994). *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 3. Индрик.
14. Демин, В. (1997). *Тайны русского народа: в поисках истоков Руси*. Вече.
15. *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. (1995). Международные отношения.

16. Райкен, Л., Уилхойт, Дж., & Рейд, Д. (Ред.). (2005). *Словарь библейских образов*. Библия для всех.
17. Даль, В. И. (2000). *Пословицы и поговорки русского народа*. Русский язык.
18. Митрофанова, В. В. (1978). *Русские народные загадки*. Наука.
19. Минеева, З. И. (2019). Новые обозначения человека на базе названий птиц. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 327–335. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
20. Поздняева, Т. (2007). *Воланд и Маргарита*. Амфора.
21. Орлов, М. (1991). *История сношений человека с дьяволом*. АСТ, Terra Fantastica.
22. Вишневская, Ю. (2004). *Булгаковская энциклопедия*. <http://www.vixri.ru/d2/Bulgkovskaia%20enciklopedija.%20M.,%202006.%20356%20s.pdf>
23. Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: в 2 т. Т. 1. Русский язык.
24. *Словарь современной лексики, жаргона и сленга*. (2014). <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1137>
25. Нестеров, А. Н. (2023). *Дорогомилковский некрополь*. <http://ost1000.narod.ru/dorog.htm>
26. Тульцева, Л. А. (1982). Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре). *Обряды и обрядовый фольклор*. Наука, 163–179.
27. Лесскис, Г. А., & Атарова, К. Н. (2023, 20 апреля). *Москва – Еришалаим. Путеводитель по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита»*. <http://m-bulgakov.ru/publikacii/moskva-ershalaim-putevoditel-po-romanu-bulgakova-master-i-margarita>
28. Евгеньева, А. П. (Ред.). (1999). *Словарь русского языка*. Т. 1–4. Русский язык. <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
29. *Толкования Священного Писания*. (2010–2023). <https://bible.optina.ru/old:ps:101:08>
30. Толстой, Н. И. (Ред.). (2009). *Славянские древности*: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. Международные отношения.
31. Федотов, О. И. (2019). Ласточка как мифологема души. (Интертекстуальные связи «Ласточек» Ходасевича). *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 165–180. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
32. Филиндаш, Н. Ф. (2019). Образ голубя в сакральной ризнице православия. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке*: коллективная монография. Книгодел, 424–435. Серия «Природный мир в пространстве культуры».
33. Donald, F. Lach. (2010). *Asia in the Making of Europe. Vol. II: A Century of Wonder*. Book 1: The Visual Arts.
34. Langdon, G. (2006). *Medici Women: Portraits of Power, Love and Betrayal from the Court of Duke Cosimo I*. University of Toronto Press.
35. Казмирчук, О. Ю. (2022). Специфика трактовки образа птиц в стихотворении Ю. Д. Левитанского «Птицы» из поэтической книги «Кинематограф». *Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве*: материалы Восьмых Международных научных чтений. Ч. 1, 65–75.

References

1. Bulgakov, M. A. (2022). *The Master and Margarita*. SZKEO. (In Russ.).
2. Simakova, O. B. (2004). *Lexico-semantic group «Ornithonyms» (based on the material of the Russian and French languages)* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Orel]. (In Russ.).
3. Gudkov, D. B., & Kovshova, M. L. (2007). *The body code of Russian culture: materials for the dictionary*. Gnozis. (In Russ.).
4. Tolstaya, S. M. (2007). To the concept of cultural codes. In N. B. Vakhtin, & G. A. Levinton (Eds.). *AB-60. Collection of articles for the 60th anniversary of A. K. Bayburin (Studia Ethnologica; Issue 4)* (pp. 21–31). Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).

5. Zhinkin, N. I. (1964). About code transitions in internal speech. *Questions of linguistics*, 6, 26–38. (In Russ.).
6. Krasnyh, V. V. (2001). Codes and standards of culture (an invitation to a conversation). *Language, cognition, communication: collection of articles* (Ed. by V. V. Krasnyh & A. I. Izotov). Release 19. MAKS Press. (In Russ.).
7. Yakushevich, I. V. (2012). Structural models of the symbol in the poetic text. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 6, 12–15. (In Russ.).
8. Karasik, V. I. (2009). Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(44), 4–11. (In Russ.).
9. Novikova, N. S. (1985). Thematic group as a semantic component of the text. *Russian Language in the National School*, 5, 8–13. (In Russ.).
10. Khalikova, N. V. (2020). Formal and semantic structure of the artistic image «the wind blows» in Bunin's fiction. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 51–59. (In Russ.).
11. Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Indrik. (In Russ.).
12. Yakushevich, I. V. (2019). Birds: symbol, metaphor, metamorphosis. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 307–319. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).
13. Afanas'ev, A. N. (1994). *Poetic views of the Slavs on nature*. Vol. 3. Indrik. (In Russ.).
14. Demin, V. (1997). *Secrets of the Russian people: in search of the Origins of Russia*. Veche. (In Russ.).
15. *Slavic mythology: encyclopedic dictionary*. (1995). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
16. Rajken, L., Uilhojt, Dzh., & Rejd, D. (Ed.). (2005). *Dictionary of Biblical Images*. Bibliya dlya vsekh. (In Russ.).
17. Dal', V. I. (2000). *Proverbs and sayings of the Russian people*. Russkij yazyk. (In Russ.).
18. Mitrofanova, V. V. (1978). *Russian folk riddles*. Nauka. (In Russ.).
19. Mineeva, Z. I. (2019). New designations of a person based on the names of birds. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 327–335. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).
20. Pozdnyaeva, T. (2007). *Woland and Margarita*. Amfora. (In Russ.).
21. Orlov, M. (1991). *The history of human relations with the devil*. ACT, Terra Fantastica. (In Russ.).
22. Vishnevskaya, Yu. (2004). *The Bulgakov Encyclopedia*. (In Russ.). <http://www.vixri.ru/d2/Bulgkovskaja%20enciklopedija.%20M.,%202006.%20356%20s.pdf>
23. Chernyh, P. Ya. (1993). *Historical and etymological dictionary of the Russian language: in 2 vol.* Vol. 1. Russkij yazyk. (In Russ.).
24. *Dictionary of Modern Vocabulary, Jargon and Slang*. (2014). (In Russ.). <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-195-2.htm#zag-1137>
25. Nesterov, A. N. (2023). *Dorogomilovsky necropolis*. (In Russ.). <http://ost1000.narod.ru/dorog.htm>
26. Tul'ceva, L. A. (1982). The symbolism of the sparrow in rituals and ritual folklore (in connection with the question of the cult of birds in the agrarian calendar). *Rituals and ritual folklore*. Nauka, 163–179. (In Russ.).
27. Lesskis, G. A., & Atarova, K. N. (2023, April 20). *Moscow – Yershalaim. Guide to the novel by M. Bulgakov «The Master and Margarita»*. (In Russ.). <http://m-bulgakov.ru/publikacii/moskva-er-shalaim-putevoditel-po-romanu-bulgakova-master-i-margarita>
28. Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language*. Vol. 1–4. Russian language. (In Russ.). <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
29. *Interpretations of the Holy Scriptures*. (2010–2023). (In Russ.). <https://bible.optina.ru/old:ps:101:08>
30. Tolstoj, N. I. (Ed.). (2009). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.* Vol. 4. Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
31. Fedotov, O. I. (2019). The Swallow as a mythologeme of the soul. (Intertextual connections of Khodasevich's «Swallows»). *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language: collective monograph*. Knigodel, 165–180. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).

32. Filindash, N. F. (2019). The image of a dove in the sacral sacristy of Orthodoxy. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language*: collective monograph. Knigodel, 424–435. Series «The natural world in the space of culture». (In Russ.).

33. Donald, F. Lach. (2010). *Asia in the Making of Europe. Vol. II: A Century of Wonder. Book 1: The Visual Arts*. (In English).

34. Langdon, G. (2006). *Medici Women: Portraits of Power, Love and Betrayal from the Court of Duke Cosimo I*. University of Toronto Press. (In English).

35. Kazmirchuk, O. Yu. (2022). The specifics of the interpretation of the image of birds in the poem by Yu. D. Levitansky «Birds» from the poetic book «Cinema». *Intersections of interactions: a dialogue of Russian and foreign literature in time and space*: materials of the Eighth International Scientific Readings. Part 1, 65–75. (In Russ.).

Информация об авторе

Ирина Викторовна Якушевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Irina V. Yakushevich — Doctor of Philology, Professor, Full Professor of English Philology Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81-25'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.05

КРЕАТИВНЫЙ СИНТАКСИС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (НЕМЕЦКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ)

Беляева Мария Вячеславовна¹,
Киров Евгений Флорентович²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

² evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

Аннотация. В статье представлены креативные синтаксические построения немецкого и русского разговорного синтаксиса как реализация диалога культур с позиций достаточно нового научного направления — лингвистики креатива, в чем и заключается актуальность избранной тематики. Понятие креативности сформировалось прежде всего в лексикологии при изучении специфических лексических единиц, но можно предположить наличие креативного потенциала и в разговорном синтаксисе, поскольку синтаксическая организация речевого общения является индикатором коммуникативных регистров, в первую очередь их аутентичности. Изучение особенностей разговорной речи и специфики структурирования устных высказываний позволяет дать определение креативного синтаксиса как системы синтаксических средств выражения экспрессивно-эмоционального состояния адресанта. На основе определения эмоционально-креативного синтаксиса как системы синтаксических средств выражения экспрессивно-эмоционального состояния адресанта предлагаются критерии разграничения средств нормативного и эмоционально-креативного синтаксиса в разговорной речи и обсуждаются так называемые разговорные маркеры, сформированные преодолением стандартности языковой синтаксической конструкции, а также языковой экономией и языковой избыточностью. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена не только выбранным ракурсом ее рассмотрения, но и определением наиболее распространенных креативных конструкций разговорного синтаксиса немецкого и русского языков, отражающих специфику языковой культуры носителей этих языков, а результаты проведенного исследования позволяют под новым углом зрения увидеть особенности разговорного синтаксиса как проявления функциональной эмоциональной креативности.

Ключевые слова: креативная лингвистика, разговорный синтаксис, эмоционально-креативный синтаксис, нормативный синтаксис, разговорный маркер, новация.

Для цитирования: Беляева, М. В., Киров, Е. Ф. (2023). Креативный синтаксис через призму диалога культур (немецкий и русский языки). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 55–68. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.05>

Original article

UDC 81-25'367

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.05

CREATIVE SYNTAX THROUGH THE PRISM OF THE DIALOGUE OF CULTURES (GERMAN AND RUSSIAN)

Maria V. Belyaeva¹,Evgeny F. Kirov²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia¹ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>² evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

Abstract. The article presents creative syntactic constructions of German and Russian colloquial syntax serving as the implementation of the dialogue of cultures from the standpoint of a fairly new scientific direction — linguistics of creativity. The concept of creativity was formed primarily in lexicology when studying specific lexical units, but it can be assumed that there is a creative potential in colloquial syntax, since the syntactic organization of speech communication is an indicator of communicative registers and, first of all, their authenticity. The study of the colloquial speech features and the ways of structuring oral utterances allows us to define creative syntax as a system of syntactic means of revealing the expressive and emotional state of the addressee. Relying on the definition of emotional-creative syntax as a system of syntactic means of expressing the expressive-emotional state of the addressee, the criteria for distinguishing the means of normative and emotional-creative syntax in colloquial speech are proposed and the so-called conversational markers formed by overcoming the standardness of the linguistic syntactic structure, as well as language economy and language redundancy are considered. The relevance of the study is determined not only by the chosen angle of its consideration, but also lies in determining the most common creative constructions of the colloquial syntax of both German and Russian, reflecting the features of the native speakers' linguistic culture, and the results of the study allow us to see the features of colloquial syntax as a manifestation of functional emotional creativity from a new angle.

Keywords: creative linguistics, conversational syntax, emotional-creative syntax, normative syntax, conversational marker, innovation.

For citation: Belyeva, M. V., Kirov, E. F. (2023). Creative syntax through the prism of the dialogue of cultures (German and Russian). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 55–68. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.05>

Введение / Introduction

Диалог культур в широком смысле предполагает понимание самобытности, самостоятельности и оригинальности другой культуры, с которой мы вступаем в контакт, в том числе и в языковой контакт. Такое понимание диалога культур связано с приближенностью говорящего к реальным формам общения и проявляется в умении организовать спонтанное речевое произведение в соответствии с параметрами коммуникативной ситуации таким образом, чтобы в речевом оформлении не отличаться от носителей языка. Для достижения такой цели мало овладеть соответствующим лексическим запасом, важно уметь использовать правильный диапазон синтаксических средств (структурных схем предложения), поскольку

это является той лакмусовой бумажкой, которая позволяет отличать носителя языка от иностранца. Таким образом, чтобы осуществить культурный диалог с носителем языка (русского или немецкого, например) необходимо войти в его лингвистический круг и перейти на его лингвистический код. В понятие лингвистического кода мы включаем как лексическую, так и синтаксическую составляющие коммуникации, наряду с лексико-концептуальным видением мира.

Как известно, устная форма синтаксической организации спонтанного высказывания на немецком и русском языках (разговорная речь) имеет принципиальные отличия от письменной в плане глубины и длины предложений, их структурирования, т. е. в плане того, что называется синтаксисом звучащей спонтанной речи. Следует отметить, что проблемы синтаксического оформления речевых произведений привлекают внимание многих лингвистов. Несмотря на то что исследования в этой области имеют длительную историю, можно найти и новые ракурсы рассмотрения тех или иных аспектов в оформлении спонтанной разговорной речи.

Один из перспективных подходов к систематизации синтаксических особенностей разговорной речи можно увидеть в новом научном направлении «Лингвистика креатива», сформированном как самостоятельное в исследованиях группы ученых Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург) под руководством проф. Т. А. Гридиной (Лингвистика креатива – 1, 2013; Лингвистика креатива – 2, 2012). Под лингвистикой креатива понимается соприкосновение языка и творчества при речепорождении высказывания, а точнее, любое проявление языкового творчества в речи, иными словами, сознательно приносимое в речевую практику языковое новаторство. Считается, что языковая креативность непосредственно связана с обновлением запаса уже имеющихся языковых единиц, преодолением стандартного облика языковой структуры, усвоенной человеком с детства, при этом речь, прежде всего, идет о синтаксической системе языка (хотя креативное преобразование может охватывать всю систему языка). Лингвистика креатива включает в себя более широкий спектр явлений, приобретая, по сути, тот же объект исследования, что и когнитивная лингвистика, т. е. и здесь рассматривается связь языка с процессами познания и мышления, обращается внимание на языковое творчество (см. работы Дж. Лакоффа, Н. Хомского, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Д. О. Добровольского и др.).

Рассматривая спонтанную разговорную речь и ее синтаксис в аспекте креативности, важно подчеркнуть, что синтаксис каждого говорящего индивидуально специфичен, хотя и реализуется на основе усвоенной им конвенциональной, устойчивой системы языка. Именно через креативное высказывание, по мнению Е. Ф. Серебренниковой, осуществляется реализация языковой способности человека (Когнитивные категории в синтаксисе, 2009, с. 127). В противоборстве и единстве конвенционально-нормативного и индивидуально-креативного кроется ключ к пониманию того, как осуществляется речемыслительная деятельность.

Методология исследования / Methodology

В исследовании использован аналитико-прагматический индуктивный метод, направленный на определение сущностных характеристик разговорной речи как источника креативного языкового потенциала в языке, на выявление пересечений нормативного, креативного эмоционально-экспрессивного аспектов в синтаксисе речи.

Посредством системного и типологического подходов с использованием методов: наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и обобщения — были выявлены основные черты креативного синтаксиса немецкого и русского языков. Материалом послужили теории и исследования российских и немецких лингвистов — специалистов в области изучения разговорной речи. Проведенный с помощью названных методов анализ позволил осуществить наблюдение над языковым материалом и его обобщение. Методом наблюдения выявлены маркеры разговорности (они же и критерии креативности разговорно-эмоционального синтаксиса в немецком и русском языках).

Результаты и дискуссия / Results and discussion

В научной литературе существуют понятия нормативного и экспрессивно-эмоционального синтаксиса, в связи с этим возникает вопрос о месте эмоционально-креативного синтаксиса и точках его пересечения с нормативным, экспрессивным и эмоциональным синтаксисом. Понятие «нормативный синтаксис» языка является традиционно общепринятым определением для всех типов словосочетаний и предложений, построенных по грамматическим нормам, зафиксированным в грамматике как немецкого, так и русского языка, и используемых равнозначно в различных типах дискурсов. Трактовка понятия «нормативный синтаксис», как правило, во всех грамматиках одинакова. Встает вопрос: в чем же специфика эмоционально-креативного синтаксиса? Выстраивая дихотомию «нормативный – креативный синтаксис», нужно определить критерии данного противопоставления.

Первым критерием можно назвать принципиально различный подход к структурированию письменных и устных высказываний в плане их синтаксического оформления, о чем говорилось ранее, т. е. нормативный и креативный синтаксис имеют свои нормы построения синтаксических конструкций. Основным критерием можно считать контекстуальную зависимость структуры предложения в том и другом синтаксисе: если построения нормативного синтаксиса не настолько связаны с контекстом, что не могут быть поняты без него, то креативные синтаксические структуры в значительной степени детерминированы именно контекстом. Третьим критерием может быть различная степень свободы в применении грамматических правил, обусловленная потребностями индивидуального речетворчества (стремление выйти за рамки стандартной синтаксической конструкции или ее трансформации).

Таким образом, нормативный синтаксис — это то, что принято и используется языковым сообществом как система образцов, структурных схем грамматически правильного оформления письменных и устных высказываний, именно она порождает типовые, типологизированные высказывания. Креативный синтаксис — это продукт применения целого арсенала средств, альтернативных нормативному синтаксису.

В связи с этим уместно обратиться также к понятию двух грамматик: *грамматики говорящего* и *грамматики слушающего* (Норман, 2011). С этих позиций креативный синтаксис можно рассматривать как синтаксис говорящего с возможностью варьирования типовой схемы высказывания, но ориентированный на слушателя, который также имеет свою грамматику и способен понять сказанное (Винокур, 2007), поэтому в синтаксисе говорящего сосуществуют как общепринятые, так и индивидуальные синтаксические конструкции, направленные на творческое восприятие дискурса

адресатом. Таким образом, динамичность и креативность представляют собой единое целое речевой деятельности, что подтверждается проанализированным языковым материалом.

Поскольку уже сосуществуют понятия экспрессивного и эмоционального синтаксиса (Кострова, 2021), необходимо определить, каким образом соотносятся между собой креативный и экспрессивный, эмоциональный синтаксис. На наш взгляд, эти понятия легко объединяются. О. А. Кострова, анализируя принципы и основы экспрессивного синтаксиса, указала на взаимосвязь экспрессивного и креативного начал в синтаксических единицах немецкого языка, отметив, что синтаксический знак имеет широкий диапазон свойств в речевом употреблении; экспрессивность синтаксического знака при этом рассматривается как результат различного рода процессов (метафоризация, метонимизация, импликация и др.), в результате которых синтаксический знак приобретает функционально-креативные свойства (Там же, с. 29). Речь, например, идет о нарушенном словопорядке, перемещении лексем, повторах, расчленении структуры и других процессах как факторах создания экспрессивности речевого знака.

Таким образом, эмоциональный синтаксис как таковой отражает эмоциональные состояния, а экспрессивный синтаксис реализует средства выразительности (экспрессивные языковые знаки) в системе своих вариативных возможностей, и на этом основании их легко объединить.

Экспрессивность и эмоциональность во взаимодействии предполагают появление фактора функциональной креативности, и, таким образом, тесная взаимосвязь экспрессивности и эмоциональности порождает феномен эмоциональной креативности, т. е. дает в синтезе некое новое явление: эмоционально-креативный синтаксис, который представляет собой, с одной стороны, систему синтаксических средств выражения эмоционально-экспрессивных состояний человека, а с другой — реализацию речевых потребностей носителей языка, обусловленных определенными коммуникативно-прагматическими задачами.

Синтаксическая креативность понимается нами как использование таких синтаксических построений, которые представляют собой удобные и грамматически более простые синтаксические средства выражения коммуникативных задач. Синтаксическая креативность, на наш взгляд, может быть сопряжена, с одной стороны, с употреблением стереотипных клишированных конструкций с высокой степенью экспрессивности, что Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют речеведенческой тактикой (Верещагин и Костомаров, 1999). С другой стороны, это связано с использованием речевых конструкций, которые возникают в результате спонтанности, неподготовленности разговорной речи, что отражается в степени полноты высказывания, порядке слов, союзной или бессоюзной связи в сложных построениях, в применении анафорических или катафорических средств связности и т. д. В. А. Звегинцев описал такие средства в теории употребления (Звегинцев, 2007, с. 280).

Теория синтаксических употреблений реализуется каждый раз в опоре на выбор, который говорящий осуществляет в момент речевого акта в соответствии со своим коммуникативным опытом. Например, нормативный синтаксис немецкого языка предписывает использование рамочной конструкции для придаточного предложения и следование фиксированному порядку слов, но в разговорной речи сильна тенденция к формированию синтаксической конструкции порциями, сегментами, и, таким

образом, возникает необходимость выбора в момент генерации речи между конструкциями, построенными по линейному принципу (развертывание структуры вширь), и конструкциями, содержащими структурно выраженное подчинение предикативных единиц (развертывание структуры вглубь), т. е. между более простыми и более сложными конструкциями, между полными и содержащими имплицитные звенья структурами.

В русской разговорной речи синтаксическая креативность проявляется в разнообразии соединения элементов в целое, что способствует возникновению связей свободного соединения, например: *Молока купи, пожалуйста, по дороге две бутылки; Какая интересная передача ты говорил будет сегодня по Первому каналу?* Подобные конструкции строятся по принципу свободного ассоциативного присоединения частей высказывания по мере развития мысли, поэтому и наблюдается синтаксический разрыв двух тесно связанных по смыслу единиц речи. Пропозиции членятся на фрагменты и смешиваются друг с другом по принципу стереоскопа.

Алгоритм выбора, очевидно, формируется в направлении уменьшения умственных затрат на структурирование высказывания, и для говорящего предпочтителен путь более легкого достижения коммуникативной задачи, что в результате может привести к совмещению в одном высказывании экономии с избыточностью. В целом это приводит к тому, что можно назвать проявлениями креативного синтаксиса, потому что такой выбор синтаксических форм носит субъективно-индивидуальный характер и определяется говорящим для каждой речевой ситуации заново.

При рассмотрении синтаксических разговорных конструкций немецкого языка следует учитывать тот факт, что анализ языкового материала в художественных произведениях и в источниках Мангеймского корпуса дает несколько различную картину. Образцы экспрессивно-креативного синтаксиса в художественных текстах представляют собой скорее авторское видение того, как синтаксически организована разговорная речь. Такие конструкции основаны на экономии языковых средств, т. е. эллипсисе, опущении членов предложения, краткости предложения и т. д. (Кострова, 2021). В транскрибированных записях, собранных в Институте немецкого языка (Мангейм), креативная составляющая направлена больше в сторону избыточности языковых средств, повторов, применения синтаксического параллелизма, а также использования альтернативных грамматическим союзам средств синтаксической связи, включая нулевые (Киров, 2008).

На материале примеров из немецкого и русского разговорных языков рассмотрим, каким образом реализуется креативный синтаксический потенциал адресанта. Мы будем исходить из того, что в предлагаемых фрагментах можно обнаружить как общие, так и индивидуальные маркеры разговорности, которые представляют собой образцы синтаксической креативности.

Одним из основных маркеров разговорности в немецком языке, как уже говорилось ранее, является избыточность языковых средств. Первый тип избыточности выражает процесс торможения при формулировании мысли, что приводит к употреблению лишних для выражения содержания элементов (слова-паразиты, повтор отдельных языковых единиц и т. д.).

Второй тип избыточности возникает из потребности усиления коммуникативного веса высказывания и связан, таким образом, с коммуникативной задачей. Принцип избыточности построения может реализоваться при этом через синтаксическое разрыхление структуры, которое выражается в немецком языке в выносе за рамку наиболее

информативно значимых элементов высказывания. Рема высказывания как бы разбивается на небольшие порции, т. е., образно говоря, происходит ее разукрупнение. Представление ремы высказывания подобным образом способствует добавлению речевых порций-сегментов по мере их необходимости, как это понимает говорящий. Рассмотрим конкретные фрагменты речи.

Первый произвольно выбранный фрагмент монологического высказывания представляет собой воспоминания о времени службы в армии:

Mit siebzehn Jahren bin ich dann schon eingerückt, [...] *nicht, in Österreich*, war in Gefangenschaft und aus der Gefangenschaft heim, da haben wir wieder gewirkt, *nicht!* Nun und Zeit lang haben wir dann auch Körbe gemacht und (0) bin eben manchmal *auf die Straße gegangen, in den Busch gegangen, Holz machen*, und da waren wir halt natürlich äh ein bißchen schwach dazu, *nicht!* Nun später dann *noch* haben wir mit den Körben *noch* mehr gemacht, da *haben* wir im ganzen Winter, in Sommerzeiten nun zu den Bauern *gegangen auf die Arbeit*. Heute ist es ja besser, *nicht [...]*¹ (здесь и далее курсив наш. — М. Б., Е. К.) (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Здесь в качестве маркеров разговорности выступают сразу несколько синтаксических средств. Избыточное слово-паразит *nicht* — одно из наиболее часто встречающихся средств хезитации в устной речи, используемое практически всеми носителями языка.

В данном фрагменте средством синтаксической креативности говорящего можно считать уточнение и конкретизацию действий (*auf die Straße gegangen, in den Busch gegangen, Holz machen*² — коммуникативно обусловленная избыточность), повторение частицы *noch* как элемент избыточности, вынос за рамку (*auf die Arbeit*) — как разрыхление и сегментацию целого и одновременно выделение значимого по содержанию элемента, а также изменение структуры в результате быстрой смены мысли (*haben – gegangen*). Можно лишь предположить, что говорящий использует начало одной синтаксической конструкции, но, не закончив ее, переходит к другой, так как с глаголами передвижения должен употребляться вспомогательный глагол *sein*, а не *haben*. Таким образом, здесь имеет место совмещение (контаминация) двух синтаксических конструкций в одну.

В приведенном далее фрагменте, очевидно, речь идет об игре серсо. Здесь маркеры разговорности выступают одновременно и средством синтаксической креативности:

[...] *diese Ringe*, das sind / also es gibt zwei verschiedene Arten. *Den Ring, den wir benutzen*, der hat ein ganz bestimmtes Gewicht [...]³ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Как средства синтаксической креативности в данном фрагменте можно рассматривать употребление в препозиции тематических элементов: именительный темы (*diese Ringe, das sind [...]*) и по аналогии аккузатив темы (*den Ring, den wir benutzen, der [...]*).

¹ В семнадцать лет меня призвали, [...] э-э, в Австрии, был в плену, вернулся из плена домой, и снова впрягся в работу, э-э! Ну и некоторое время мы плели корзины, и (0) время от времени выходил на улицу, по кустам шарил, дрова заготавливал, конечно, мы были слабоваты, э-э! Да, позже, мы больше корзин делали, и всю зиму, и в летнее время мы ходили на работу к фермерам. Сегодня, конечно, лучше э-э (здесь и далее перевод наш. — М. Б., Е. К.).

² выходить на улицу, шарить по кустам, заготавливать дрова

³ эти кольца, это / так что есть два разных типа. Кольцо, которое мы используем, у него определенный вес

В следующем фрагменте затрагиваются проблемы школьного образования, говорящий является представителем сферы образования, что накладывает отпечаток на его речь: предложения четко структурированы, преобладают построения нормативной грамматики. Тем не менее отмечается использование повторения как средства языковой избыточности (выделено курсивным шрифтом). Такое повторение обусловлено, вероятно, процессом медленного формулирования высказывания, поиском адекватного языкового выражения мысли:

Herr Doktor H., man hört *so manches in den Zeitungen*, liest *so manches in den Zeitungen* und hört in Gesprächen viel verschiedene Meinungen über die Aufgaben der Schule in der Gegenwart, ob es eine Lernschule oder eine Bildungsschule sein soll oder welche erzieherischen Aufgaben die Schule hat⁴ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Далее рассмотрим фрагмент начала разговора, в котором присутствуют в большом количестве пустышки, т. е. избыточные языковые средства (выделены курсивом), не несущие никакой семантической нагрузки:

[...] danke schön °h ja ich freu mich dass ich ihnen eurocom hier heute vorstellen darf °h is *natürlich was ganz anderes* als herr rückert *jetzt eben grade hier* geboten hat aber *na ja mal sehen* °h also ((lacht)) *mal sehen wie weit ich damit komm* °h also eurocom [...]⁵ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS).

Подобных семантически пустых единиц много и в русской разговорной речи, например: *ну это-то так; собственно так и есть, да-да пожалуй-то...* (собственные наблюдения). Видимо, такое употребление пустых языковых элементов и отражает проявление индивидуальности говорящего, хотя использование подобных семантически незначимых лексем наблюдается в речи многих носителей языка, если структура высказывания еще четко не сформирована. Чтобы закрыть смысловые лакуны, адресант и прибегает к подобной языковой избыточности.

На примере приведенных фрагментов можно видеть, что в плане синтаксической организации речевые произведения содержат достаточное число разговорных маркеров, которые и формируют индивидуальный синтаксис адресанта, его функционально-синтаксическую креативность.

Теперь обратимся к синтаксической креативности в русской разговорной речи, что связано в значительной степени с отсутствием определенной нормативности повседневного узуса (Сиротинина, 2013, с. 60). Как и в немецком разговорном синтаксисе, в русском разговорном синтаксисе рождаются креативные конструкции языковой избыточности, служащие для эмоционально-экспрессивного усиления, о чем писал А. П. Сковородников: *видел это своими собственными глазами; слышал что-либо своими собственными ушами; сделал что-либо своими собственными руками* (Копнина и Еремина, 2015). В эмоционально-креативном синтаксисе русской разговорной речи более типичными являются многообразные неполные конструкции, отражающие индивидуальную специфику адресантов: это может быть, например,

⁴ Доктор Х., всякое можно услышать в газетах, прочитать всякое в газетах и услышать в разговорах много разных мнений о задачах школы в настоящее время, будь то учебная школа или образовательная школа, или какие образовательные задачи выполняет школа

⁵ спасибо большое, да я рад, что могу представить вам eurocom здесь сегодня конечно, это сильно отличается от того, что господин Рюкерт только что предложил здесь, но давайте посмотрим, так давайте посмотрим, как далеко я зайду с этим, так, eurocom

незамещенная, нулевая синтаксическая позиция глагола-сказуемого (*Она каждое утро — гимнастикой. Регулярно*); различные конструкции добавления (*А дочка ваша, она историк?*); подчинительные конструкции с нулевым союзом (*Хочешь пирожок — бабушка испекла?*) и т. п.

В результате проведенного исследования удалось установить, что индивидуальный эмоционально-креативный компонент в синтаксисе часто обусловлен тем, что говорящий, стремясь следовать законам языковой нормы, тем не менее выстраивает свое высказывание, отклоняясь от узуса. Таким образом, креативная маркированность синтаксических построений определяется сдвигом соотношения между формально-структурной организацией и вариативно-семантическим, коммуникативно значимым аспектом в пользу последнего.

Синтаксическая креативность имеет свое начало в изучении разговорной речи. Активное исследование особенностей разговорной, или устной спонтанной, речи приходится на вторую половину XX века. В основе исследований того периода лежат записи образцов устной речи и транскрипции этих записей. Это было особенно ценным прежде всего потому, что фиксировались и изучались целые тексты, порождаемые конкретными людьми в конкретных ситуациях общения, обращенные к конкретным реципиентам (об этом писали такие немецкие коллоквиалисты, как Ч. Хене-Леська (Chr. Höhne-Leska), Б. Вакернагель-Джоллис (B. Wackernagel-Jollis), многие русские исследователи разговорной речи: Е. А. Земская (московская школа), О. Б. Сиротина (саратовская школа), О. А. Лаптева и др.).

По отношению к синтаксису в тот период была установлена структурная специфика отдельных построений: парцелляция, повторы, отклонения от обязательной для немецкого языка двусоставности предложения, эллипсис, анаколупф, парентезы и т. д. Затем были описаны структуры на уровне простого предложения, функционирующие в речи как разговорные индикаторы, которые создают ее яркий разговорный колорит. В связи с возросшим интересом к монологическим и переходным от диалога к монологу формам устной коммуникации особое внимание привлекало изучение монологических форм разговорной речи.

Несколько позже в поле зрения лингвистов попадает креативный потенциал грамматики (Ремчукова, 2005), новые проблемы нормативности также привлекают внимание в связи с вторжением устно-разговорного начала в письменную речь интернет-коммуникации (Голев, 2013), позднее в разговорной речи изучается аллофрония как проявление определенного рода лексической креативности (Масальская, 2020). Близким по проблематике исследования является обращение к стихии устной речи, «не скованной традицией и нормой», что предполагает очень интересные результаты, дополняющие представление о функциональной креативности (Попова, 2020, с. 10).

Путь от исследования специфики разговорного синтаксиса до изучения эмоциональной креативности построения высказываний основан на изучении особенностей сложных построений в устных текстах, проведении статистических обследований всех типов построений, числа зависимых предикативных единиц, встречаемости тех или иных членов высказывания в определенных синтаксических позициях. Предпосылки для подобного ракурса рассмотрения синтаксических явлений в немецком и русском языках формировались не только в русле коллоквиалистики или частных проблем отдельно взятого языка (см., например: Сулейманова, 1999), но и в исследованиях межкультурного аспекта языкового взаимодействия (например: Викулова и др., 2019), а также их сопоставительного изучения (например: Бирюкова и др., 2018).

Исследования разговорной специфики немецкого и русского языков примечательны тем, что с их помощью удалось увидеть не столь ярко выраженный колорит разговорности в устной форме коммуникации на немецком языке. Как известно, немецкий язык, по сравнению с русским, например, обладает строго фиксированным порядком слов в предложении, что не может не определять и специфику синтаксиса устно-разговорной речи.

Результатом проведенных нами исследований разговорной речи явилось установление ряда аксиоматических положений, к числу которых относятся следующие:

- разговорная речь формируется под воздействием экстралингвистических, прагматических и социокультурных факторов;
- совокупность этих факторов обуславливает специфику языковых средств во всем многообразии;
- особой маркированностью обладает синтаксическая оформленность речи;
- разговорная речь часто имеет эмоциональную окраску.

Таким особым разговорным колоритом синтаксических построений, на наш взгляд, можно считать наличие разговорных маркеров, которыми могут быть и порядок слов, и различного рода совмещения, и импликация, т. е. все то, что может отличаться от нормативного образца (стандарта) и формировать специфику разговорного синтаксиса в целом. Безусловно, устный характер, спонтанность, непринужденность, ситуативная обусловленность и эмоциональность являются экстралингвистической характеристикой устной речи и формируют ее основные принципы:

- применение языковой экономии, если можно соединить вербальный и невербальный контексты (вспомним классический пример, приведенный Ш. Балли, когда достаточно указать на самолет и произнести «Смотрите», чтобы невербальный компонент стал частью предложения; ср. подобный пример на немецком языке: *da guck mal*⁶ — например, об автобусе на остановке);
- использование языковой тавтологической избыточности, пауз hesitation, если это помогает обдумыванию формулировки: *пойдем туда, там еще дом есть, э-э-э дом такой веселый...* (собственные наблюдения) вместо конкретного адреса; пример на немецком языке: *Und heute ist, halb fünf ist Feierabend, nicht*⁷ (Ton- und Transkriptkorpora des IDS) — изменение структуры по ходу обдумывания;
- применение сегментированной синтаксической структуры путем дробления целого на части или присоединения добавочной информации: *приходи сегодня, в пять, можно в шесть; ...дети, они всегда так; ...mein Mann, der schimpft schon immer*⁸ (Ibid).

Заключение / Conclusion

Проведенное нами исследование позволяет под новым углом зрения увидеть особенности разговорного синтаксиса как проявления функциональной эмоциональной креативности. Хотя креативная лингвистика и завоевывает постепенно поле лингвистических исследований, в центре внимания находятся пока процессы, связанные

⁶ посмотри-ка

⁷ и сегодня, половина пятого — конец работы, так ведь

⁸ мой муж, он всегда ругается

с лексическими и фразеологическими трансформациями (Ерофеева и Черноусова, 2019; Хвесько, Нагель и Басуева, 2021). Поскольку культурный фон коммуникации формируют лексическая и синтаксическая составляющие, представляется важным обратить внимание на синтаксическую креативность носителей немецкого и русского языков, что обосновывает новизну и актуальность предпринятого исследования.

Креативность носителей немецкого и русского языков в разговорном синтаксисе проявляется в использовании так называемых разговорных маркеров, составляющих как общую, так и индивидуальную специфику речетворчества. Паралингвистический контекст влияет на форму синтаксической организации высказывания, что находит подтверждение и в анализируемом языковом материале. Адресанты свободны в выборе между нормативным и креативным синтаксисом, но в зависимости от уровня официальности/неофициальности общения уменьшается или увеличивается число разговорных маркеров в речи, имеющих отличия от стереотипного синтаксического построения конструкции в общеупотребительном варианте речи. Безусловно, синтаксическая креативность носит не столь ярко выраженный характер, как лексическая, для которой неология и окказионализация речи более типичны. Например, в сфере лексической креативности по аналогии со словами *Sinfonie*, *Leertätigkeit*, *Nachbarn*⁹ образованы лексемы *Schimpfonie*, *Leertätigkeit*, *Krachbarn*¹⁰ и др.

Наряду с рассмотренными маркерами разговорности (функционально-эмоциональной креативности), достаточно широко представленными в синтаксисе немецкого и русского языков, в меньшем объеме можно обнаружить случаи и более яркой синтаксической креативности, в частности конструкцию наложения (термин введен в традиционное исследование русской разговорной речи Е. А. Земской). Примерами таких конструкций в русском разговорном синтаксисе служат построения типа: Сломалась дверь починить надо; в немецком разговорном синтаксисе: ...*darf man bei den Leuten zu Mittag essen kriegt ein gutes Essen, kriegst ein gutes Essen...*¹¹ Выделенный член предложения — это конец первой и в то же время начало второй конструкции, при этом он объединяет обе конструкции в одно целое.

В рамках современного лингвистического направления «Креативная лингвистика» нами предложено представление об эмоционально-креативном синтаксисе, в который включаются не только формы языковой экономии, но и формы коммуникативной избыточности: повторы, именная тема, винительная тема, самоперебив, аналоуф, средства hesitation и т. д.

Подводя итог, можно отметить, что креативная лингвистика и эмоционально-креативный синтаксис как ее составляющее звено являются перспективным вектором поиска новых исследовательских горизонтов. Креативность всегда связана с речевым творчеством носителей языка, с говорящей личностью, что позволяет вести исследования на стыке семантики, грамматики, прагматики, лингвосомиотики, лингводидактики, лингвоэмоциологии, которые объединяются в поле креативных лингвистических дисциплин.

⁹ симфония, учебная деятельность, соседи

¹⁰ разглагольствования, пустословие, шум, причем данные соответствия на русском языке не отражают в полной мере игры слов в немецком языке

¹¹ можно у них съесть обед получить можно вкусный, получишь хорошую еду (перевод по смыслу передает синтаксическую структуру наложения)

Список источников

1. *Лингвистика креатива – 1*: коллективная монография (под общ. ред. Т. А. Гридиной). (2013). 2-е изд. Уральский государственный педагогический университет.
2. *Лингвистика креатива – 2*: коллективная монография (под общ. ред. Т. А. Гридиной). (2012). 2-е изд. Уральский государственный педагогический университет.
3. *Когнитивные категории в синтаксисе*: коллективная монография. (2009). ИГЛУ.
4. Норман, Б. Ю. (2011). *Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию*. 2-е изд., испр. и доп. Либроком.
5. Винокур, Т. Г. (2017). *Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения*. URSS.
6. Кострова, О. А. (2021). *Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка*: учебное пособие. 4-е изд., испр. Флинта.
7. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (1999). *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик*. Институт русского языка им. А. С. Пушкина.
8. Звегинцев, В. А. (2007). *Предложение и его отношение к языку и речи*. КомКнига.
9. Киров, Е. Ф. (2008). Нулевые единицы в русском предложении. *Активные процессы в современной грамматике*: материалы Международной конференции. Издательство МПГУ, 88–92.
10. Сиротинина, О. Б. (2013). *Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски*. Издательство Саратовского университета.
11. Копнина, Г. А., & Еремина, Е. В. (2015). Системность языка, экология коммуникации и гуманитарная составляющая образования: к 85-летнему юбилею профессора А. П. Сквородникова. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 1(25), 21–29. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2>
12. Ремчукова, Е. Н. (2005). *Креативный потенциал русской грамматики*: монография. Издательство Российского университета дружбы народов.
13. Голев, Н. Д. (2013). Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 5(25), 12–30. <http://doi.org/10.17223/19986645/25/>
14. Масальская, Ю. В. (2020). Проявление аллофонии в разговорной речи немецкого языка (стилистический аспект). *Филология: научные исследования*, 7, 61–67. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.33407>
15. Попова, Т. И. (2020). Кто в доме хозяин? — или о том, чья очередь говорить. *Русская речь*, 1, 7–20. <http://doi.org/10.31857/S013161170008273-9>
16. Сулейманова, О. А. (1999). *Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений*. Диалог-МГУ.
17. *Основы межкультурной коммуникации. Государственные и национально-культурные символы*: учебное пособие (под ред. Л. Г. Видуковой и Е. Ф. Серебренниковой). (2019). 2-е изд., стер. Флинта. <https://znanium.com/catalog/product/1863324>
18. Бирюкова, Е. В., Радченко, О. А., & Попова, Л. Г. (2018). *Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков*: учебник для бакалавриата и магистратуры. Юрайт.
19. *Ton- und Transkriptkorpora des IDS — Archiv für Gesprochenes Deutsch*. (2020, 3 марта). <http://www1.ids-mannheim.de/>
20. Ерофеева, Т. И., & Черноусова, А. С. (2019). Методологические подходы к изучению лексики городской речи. *Язык и культура*, 48, 104–120. <http://doi.org/10.17223/19996195/48/7>
21. Хвесько Т. В., Нагель, О. В., & Басуева, Н. Ю. (2021). Фразеологизмы как проявление культурного кода. *Язык и культура*, 54, 81–93. <http://doi.org/10.17223/19996195/54/5>

References

1. *Linguistics of creativity – 1*: collective monograph. T. A. Gridina (Ed.). (2013). 2nd ed. Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
2. *Linguistics of creativity – 2*: collective monograph. T. A. Gridina (Ed.). (2012). 2nd ed. Ural State Pedagogical University. (In Russ.).
3. *Cognitive categories in syntax*: collective monograph. (2009). IGLU.
4. Norman, B. Yu. (2011). *The speaker's grammar: from conception to utterance*. 2nd ed., rev. and additional. Librokom. (In Russ.).
5. Vinokur, T. G. (2007). *Speaking and listening: variants of speech behavior*. URSS. (In Russ.).
6. Kostrova, O. A. (2004). *Expressive Syntax of Modern German: A Study Guide*. 4th ed., rev. Flinta. (In Russ.).
7. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1999). *Searching the new ways of linguistic and regional studies development: the concept of speech-behavioral tactics*. Institute of the Russian language Named after A. S. Pushkin. (In Russ.).
8. Zvegincev, V. A. (2007). *The sentence and its relation to language and speech*. KomKniga. (In Russ.).
9. Kirov, E. F. (2008). Zero units in the Russian sentence. *Active processes in modern grammar: materials of the International Conference*. Publishing House of Moscow State Pedagogical University, 88–92. (In Russ.).
10. Sirotinina, O. B. (2013). *Russian language: system, usage and the risks they create*. Saratov University Publishing House. (In Russ.).
11. Kopnina, G. A., & Eremina, E. V. (2015). The systemic nature of language, the ecology of communication and the humanitarian component of education: to the 85th anniversary of Professor A. P. Skovorodnikov. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1(25), 21–29. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.2> (In Russ.).
12. Remchukova, E. N. (2005). *Creative potential of Russian grammar*: monograph. Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).
13. Golev, N. D. (2013). Russian written colloquial speech and its reflection in the ordinary metalinguistic consciousness of participants in virtual communication. *Tomsk State University Journal of Philology*, 5(25), 12–30. <http://doi.org/10.17223/19986645/25/> (In Russ.).
14. Masalskaya, Yu. V. (2020). Manifestation of allophony in colloquial speech of the German language (stylistic aspect). *Filology: scientific researches*, 7, 61–67. <http://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.7.33407> (In Russ.).
15. Popova, T. I. (2020). Who is the head in this house? — or whose turn it is to speak. *Russian speech*, 1, 7–20. <http://doi.org/10.31857/S013161170008273-9> (In Russ.).
16. Sulejmanova, O. A. (1999). *Problems of Russian syntax: Semantics of impersonal sentences*. Dialog-MGU. (In Russ.).
17. *Fundamentals of intercultural communication. State and national-cultural symbols*: textbook. (2019). L. G. Vikulova, & E. F. Serebrennikova (Eds.). 2nd ed., ster. Flinta. <https://znanium.com/catalog/product/1863324> (In Russ.).
18. Biryukova, E. V., Radchenko, O. A., & Popova, L. G. (2018). *Linguistics: a comparative typology of German and Russian*: a textbook for bachelor's and master's degrees. Yurayt. (In Russ.).
19. *Ton- und Transkriptkorpora des IDS — Archiv für Gesprochenes Deutsch*. <http://www1.ids-mannheim.de/> (In German).
20. Erofeeva, T. I., & Chernousova, A. S. (2019). Methodological approaches to the study of the vocabulary of urban speech. *Language and Culture*, 48, 104–120. <http://doi.org/10.17223/19996195/48/7> (In Russ.).
21. Hvesko, T. V., Nagel, O. V., & Basueva, N. Yu. (2021). Phraseologisms as a manifestation of the cultural code. *Language and Culture*, 54, 81–93. <http://doi.org/10.17223/19996195/54/5> (In Russ.).

Информация об авторах

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Евгений Флорентович Киров — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), Professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Evgeny F. Kirov — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Subjects, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 811.111'373.421

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.06

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛИЗКОСИНОНИМИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ *ON THE VERGE / EDGE / BRINK / POINT OF + NOUN*

Иванова Светлана Викторовна¹,
Медведева Светлана Николаевна² ✉

^{1,2} Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

¹ lana.ivans@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

² medvedeva.s@unecon.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

Аннотация. Проблема близких синонимов в английском языке в настоящее время является одной из наиболее актуальных как с теоретической, так и с практической точки зрения. В теоретической плоскости решение этой задачи требует от исследователей изучения лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе данного явления. В практической плоскости, например в рамках преподавания иностранного языка, при переводе и редактировании текста, это позволит не только разрешать частные случаи близкой синонимии, но и соблюдать принцип идиоматичности в устной и письменной коммуникации. Настоящая работа ставит своей целью определить функционально-семантический потенциал конструкций *to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN*. Исследование выполнено на материале корпусной базы данных Corpus of Contemporary American English (Корпус современного американского английского языка). Формирование эмпирической базы произведено методом сплошной выборки и контекстуального анализа, выделение семантических классов осуществлено методом семантической кластеризации, ранжирование коллокатов выполнено с использованием статистического критерия метода максимального правдоподобия (*log-likelihood method*). В результате исследования удалось установить, что рассматриваемые конструкции допускают наличие сочетаний с существительными, означающими преимущественно негативные явления (смерть, разрушение, потеря финансового благополучия, потеря контроля над эмоциональным состоянием и т. д.). Наличие сопоставимых семантических кластеров у каждой из конструкций указывает на их близкосинонимичный статус. В жанровом отношении было выявлено, что включение в состав конструкций существительных, обозначающих эмоциональные состояния, периоды жизни, физиологические реакции и др., наиболее характерно для произведений художественной литературы. В свою очередь, конструкции с существительными-коллокатами, служащими для обозначения социальных бедствий, разрушений, военных конфликтов, финансового краха, чаще всего встречаются в прессе. Перспективы исследования заключаются в изучении семантических кластеров, образуемых герундиальными формами в составе конструкций *to be on the verge / edge / brink / point of + GERUND*.

Ключевые слова: корпусный анализ, семантическая кластеризация, близкие синонимы, синонимия, конструкции *be on the verge / edge / brink / point of + NOUN*.

Для цитирования: Иванова, С. В., Медведева, С. Н. (2023). Функционально-семантический потенциал близкосинонимичных конструкций *on the verge / edge / brink / point of + NOUN*. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2(50), 69–82. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.06>

Original article

UDC 811.111'373.421

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.06

**FUNCTIONAL AND SEMANTIC POTENTIAL
OF THE NEAR SYNONYMOUS CONSTRUCTIONS
ON THE VERGE / EDGE / BRINK / POINT OF + NOUN****Svetlana V. Ivanova¹,**
Svetlana N. Medvedeva² ✉^{1,2} Pushkin Leningrad State University,
Saint-Petersburg, Russia¹ lana.ivans@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>² medvedeva.s@unecon.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6694-8385>

Abstract. Currently, the problem of near synonymy in English remains relevant from both theoretical and practical standpoints. Theoretically, resolution to this problem brings about the necessity of uncovering linguo-cognitive mechanisms that lay behind the phenomenon. In second language learning, as well as in translation and editing, understanding of these mechanisms would not only provide means of resolving particular cases of near synonymy but also helps to observe the idiomaticity principle in oral and written communication. The paper aims at identifying functional and semantic potential of near synonymous *to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN* constructions. The research relies on the material obtained from Corpus of Contemporary American English. The selection of the material has been implemented by means of continuous sampling and contextual analysis, semantic classes have been derived by means of semantic clusterisation. The collocates have been ranged based on their log-likelihood score. As a result, the constructions in question prove to form collocation with the nouns, which denote mostly negative phenomena, such as death, destruction, financial losses, etc. The presence of specific clusters cross-constructionally substantiates their synonymy. Stylistically, the constructions with noun collocates of emotions, periods of life, physiological reactions, etc. are most frequently found in fiction while the constructions with noun collocates of social disasters, destruction, warfare, financial collapse are more specific to the press. The current research can be further enhanced with the semantic clusters formed by gerund in *to be on the verge / edge / brink / point of + GERUND* constructions.

Keywords: corpus analysis, semantic clusterisation, near synonyms, synonymy, *be on the verge / edge / brink / point of + NOUN* constructions.

For citation: Ivanova, S. V., Medvedeva, S. N. Functional and semantic potential of the near synonymous constructions *on the verge / edge / brink / point of + NOUN*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 69–82. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.06>

Введение / Introduction

На сегодняшний день явление близкой синонимии в английском языке представляет собой одну из наиболее актуальных проблем как в теоретическом, так и в практическом отношении. Ее теоретическая значимость кроется в необходимости изучения лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе данного феномена. В свою очередь, практическая значимость продиктована необходимостью разрешать частные случаи близкой синонимии в рамках устной и письменной коммуникации. Актуальность исследований, посвященных близкой

синонимии, обусловлена продолжающимся совершенствованием подходов к определению, анализу и сопоставлению семантики данных языковых единиц. В частности, об этом свидетельствует публикация результатов недавних исследований (Al-Ahdal, Almakrob, 2020; Cao, 2020; Ikonen, 2022; Ivanova, Medvedeva, 2022; Li, 2022; Alanazi, 2022), в которых традиционный анализ дефиниций, приведенных в словарях синонимов, дополняется анализом материала, полученного из корпусных баз данных.

Методология исследования / Methodology

Настоящая работа ставит своей целью определить функционально-семантический потенциал и лексические ограничения на сочетаемость в близкосинонимичных конструкциях *to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN*. Основным инструментом и источником материала выступает сбалансированная корпусная база данных Corpus of Contemporary American English¹ (COCA) объемом 1 млрд слов. В рамках исследования были реализованы следующие задачи: формирование запросов в COCA *on the verge of + NOUN*, *on the edge of + NOUN*, *on the brink of + NOUN*, *on the point of + NOUN*, где NOUN — это лемма, включающая в себя существительные единственного и множественного числа; кластеризация существительных-коллокатов; ранжирование коллокатов каждой из конструкций с помощью статистического критерия метода максимального правдоподобия (log-likelihood method); интерпретация и сопоставление результативных значений рассматриваемых конструкций; определение функционально-стилистических особенностей употребления данных конструкций. При формировании материала исследования был использован принцип сплошной выборки с последующим контекстуальным анализом, в результате чего для исследования были отобраны конструкции *on the verge / edge / brink / point of* в сочетании с абстрактными существительными. Для выявления и сопоставления лексических ограничений данных конструкций был использован метод семантической кластеризации. Ранжирование коллострукций по степени устойчивости производилось на основе статистического критерия метода максимального правдоподобия (log-likelihood method).

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой отмечается, что синонимы «принадлежат к одной и той же части речи и настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» (Ахманова, 2004, с. 397). В толковых словарях близкие синонимы нередко обладают схожими дефинициями и/или определяются друг через друга, создавая своеобразный лексикографический порочный круг. В своей статье «К вопросу о “логических кругах” в лексикографической практике: компонентный анализ группы глаголов типа *shudder*» В. В. Демченко проводит компонентный анализ близкосинонимичных глаголов и подробно описывает частный случай такого явления. Автор указывает, что, «несмотря на наличие актуальных лексикографических описаний, не представляется возможным выявить однозначные признаки, разграничивающие значения рассматриваемых (в статье) глаголов» (Демченко, 2019, с. 112). А. Евчук определяет близкие синонимы, или плезионы, как «лексемы, которые обладают определенным набором общих сем,

¹ Корпус современного американского английского языка.

но отличаются друг от друга употреблением в контексте» (Yevchuk, 2022, p. 80). При этом, как отмечает автор, основное внимание при изучении близких синонимов следует уделять не столько их семантической близости, сколько различиям контекстуального употребления. В некоторых случаях близкие синонимы обладают различиями стилистического характера, например *blunder*, *error* и *mistake* (Там же). Кроме того, в своем исследовании Ж. Ш. Джумабаева указывает, что использование близких синонимов в одном предложении может «вносить определенность в содержание предложения» (Джумабаева, 2019, с. 110). В качестве примера в исследовании приводится предложение «It wasn't foggy last Friday — just misty» (В прошлую пятницу тумана не было — просто висела небольшая дымка), где близкий синоним *misty* позволяет уточнить, что туман был легким. По мнению З. Аланази, «несмотря на то, что в словарях и тезаурусах близкие синонимы часто определяются как взаимозаменяемые единицы и приводятся в типичном для них лексико-грамматическом контексте, информация об их семантических и синтаксических предпочтениях либо отсутствует, либо предоставляется в очень ограниченном виде» (Alanazi, 2022, p. 2). Таким образом, близкая синонимия — это явление, при котором языковые единицы преимущественно отличаются друг от друга ограничениями, связанными с семантикой их коллокатов. В связи с этим для разграничения семантики близких синонимов методы дефиниционного и компонентного анализа оказываются недостаточными, а в исследовании П. Д. Абдурахмановой, Р. Ш. Агамурадовой и П. Г. Идрисовой подчеркивается, что «различия между синонимами проявляются также в способности к сочетанию с другими словами» (Абдурахманова, Агамурадова, Идрисова, 2016, с. 229).

В своем исследовании, посвященном дифференциации близкосинонимичных глаголов английского языка *rise* и *increase*, С. Фочароэнсил и М. Канокпермпун констатируют, что наиболее значимые отличия двух близкосинонимичных глаголов обнаруживаются при анализе их употребления с существительными-коллокатами (Phoocharoensil, Kanokpermpoon, 2021, p. 968). В связи с этим исследовательским материалом в настоящей работе послужили конструкции с коллокатами, представленными абстрактными существительными: *on the verge of + NOUN* — 1006 коллокаций, *on the edge of + NOUN* — 283, *on the brink of + NOUN* — 626, *on the point of + NOUN* — 36. Рассматриваемые сочетания мы разделили на семантические кластеры, после чего определили их функционально-стилистическую отнесенность и период наиболее высокой частоты использования. Затем коллокаты каждой конструкции ранжировали в соответствии со статистическим критерием метода максимального правдоподобия (log-likelihood method).

Результаты исследования / Results and discussion

Результаты анализа коллокатов конструкции '*on the verge of + NOUN*' позволяют выделить следующие семантические кластеры:

1. Потеря контроля над собой, переход в негативное эмоциональное состояние, агрессия — (*in*)*sanity*, *violence*, *despair*, *shock*, *madness*, *tears*, *panic*, *hysterics* (безумие, здравомыслие, насилие, отчаяние, шок, сумасшествие, слезы, паника, истерика). Согласно информации, полученной из СОСА, сочетания конструкции *on the verge of + NOUN* с коллокатами данного кластера наиболее характерно для произведений художественной литературы.

2. Разрушение, прекращение существования — *ruin, collapse, destruction, disintegration* (крах, коллапс, разрушение, распад) — конструкция с коллокатами данного кластера чаще всего употребляется в прессе (газетах и журналах), а также блогах с 1990 по 1999 год.

3. Гибель, смерть — *death, extinction* (смерть, вымирание) — конструкция с коллокатами рассматриваемого кластера встречается преимущественно в разговорной речи с 1990 по 1994 год.

4. Потеря финансового благосостояния — *bankruptcy, insolvency, recession, liquidation* (банкротство, неплатежеспособность, рецессия, ликвидация) — частое использование конструкции с данными коллокатами в газетных статьях, журналах, на веб-сайтах приходится на период с 1990 по 1994 год, а также с 2010 по 2014 год.

5. Война, катастрофа, опасность — *disaster, catastrophe, war* (бедствие, катастрофа, война) — конструкция с коллокатами этого кластера чаще всего употребляется в разговорной речи и прессе с 1990 по 1994 год, а также с 2000 по 2004 год.

6. Социальные явления — *famine, riot, revolt, arrest, homelessness* (голод, бунт, восстание, арест, бездомность) — применение конструкции с коллокатами в разговорной речи и газетных статьях с 2005 по 2014 год.

7. Периоды жизни — *(wo)manhood, retirement, adulthood, divorce, breakup, menopause* (возмужание, выход на пенсию, взрослая жизнь, развод, расставание, менопауза) — преимущественное употребление конструкции с коллокатами данного кластера в художественных текстах, опубликованных с 2004 по 2009 год.

8. Стадии выполнения работы, развития — *approval, realization, creation, construction, release, completion, fulfillment* (утверждение, реализация, создание, сооружение, выпуск, завершение, исполнение) — встречаются в статьях журналов и газет, опубликованных с 1995 по 1999 год.

9. Здоровье, физиологические реакции — *relapse, recovery, sweating, diabetes* (рецидив, выздоровление, потливость, диабет) — наибольшее число конструкции с коллокатами данного кластера приходится на произведения художественной литературы, опубликованных с 1990 по 1994 год.

10. Достижение, совершенство — *greatness, stardom* (величие, слава) — конструкция чаще всего звучит в эфире телепередач в 1990–1994, 2000–2004 годах.

11. Тяжелое психическое состояние — *suicide, depression* (самоубийство, депрессия) — конструкция применяется в разговорной речи в период с 1990 по 1994 год.

Результаты анализа конструкции ‘on the brink of + NOUN’ позволяют выделить следующие семантические кластеры:

1. Война, катастрофа, опасность — *disaster, catastrophe, war, tragedy* (бедствие, катастрофа, война, трагедия) — коллокаты в составе конструкции встречаются в разговорном жанре, газетных статьях, на веб-сайтах с 1990 по 1994 год.

2. Разрушение, прекращение существования — *ruin, collapse, destruction, disintegration* (разорение, коллапс, разрушение, распад) — наибольшее распространение в газетных и журнальных статьях, блогах преимущественно с 1990 по 1999 год.

3. Гибель, смерть — *death, extinction, life, annihilation* (смерть, вымирание, жизнь, уничтожение) — использование конструкции в газетных и журнальных статьях, телевыпусках в период с 1990 по 1999 год, а также с 2015 по 2019 год.

4. Потеря финансового благосостояния — *bankruptcy, insolvency, recession, liquidation* (банкротство, неплатежеспособность, рецессия, ликвидация) — конструкция

с коллокатами данного кластера наиболее часто применялась в газетных статьях, на веб-сайтах и в разговорной речи с 1990 по 1994 год.

5. Периоды жизни — (*wo*)*manhood, retirement, adulthood, divorce, puberty* (возмужание, выход на пенсию, взрослая жизнь, развод, половое созревание) — употребление конструкции на веб-сайтах и в газетных статьях в период с 2005 по 2009 год.

6. Социальные явления — *famine, riot, revolt, arrest, homelessness* (голод, бунт, восстание, арест, бездомность) — высокая частотность конструкции в газетных статьях и разговорной речи с 2005 по 2014 год.

7. Потеря контроля над собой, переход в негативное эмоциональное состояние, агрессия — *insanity, crying, despair, craziness, madness, tears, panic, hysteria* (безумие, плач, отчаяние, сумасшествие, помешательство, слезы, паника, истерия) — наиболее часто конструкция встречается в художественной литературе с 2015 по 2019 год.

8. Стадии выполнения работы, развития — *change, transformation* (изменение, преобразование) — наибольшая частота употребления конструкции в журнальных и газетных статьях, опубликованных с 1990 по 1999 год.

9. Ментальные операции — *revelation, discovery, comprehension* (откровение, открытие, постижение) — конструкция чаще используется в художественных текстах.

10. Достижение совершенства — *greatness, stardom* (величие, слава) — употребление конструкции в журнальных статьях, опубликованных с 2015 по 2019 год.

11. Здоровье, физиологические реакции — *hunger, alopecia* (голод, алопеция) — наиболее частое применение конструкции в журнальных статьях.

Результаты анализа конструкции ‘on the edge of + NOUN’ позволяют выделить следующие семантические кластеры:

1. Потеря контроля над собой, переход в негативное эмоциональное состояние, агрессия — (*in*)*sanity, anger, despair, fear, madness, panic, hysteria* (безумие, здравомыслие, гнев, отчаяние, страх, безумие, паника, истерика) — конструкция с коллокатами данного кластера наиболее часто встречается в журналах и текстах художественных произведений в период с 1995 по 1999 год, а также с 2005 по 2009 год.

2. Гибель, смерть — *death, extinction, survival* (смерть, вымирание, выживание) — конструкция наиболее распространена в газетных и журнальных статьях, блогах.

3. Социальные явления — *poverty, famine, destitution, revolt, reform* (бедность, голод, обездоленность, восстание, реформа) — конструкция преимущественно используется в газетных и журнальных статьях в период с 1990 по 1994 год.

4. Восприятие — *vision, hearing, perception* (зрение, слух, восприятие) — конструкция с коллокатами кластера встречается в журнальных статьях и художественной литературе.

5. Война, катастрофа, опасность — *trouble, danger, cataclysm, hell, chaos, war* (беда, опасность, катаклизм, ад, хаос, война) — конструкция употребляется в художественной литературе, блогах, журналах с 2000 по 2004 год, а также с 2015 по 2019 год.

6. Потеря финансового благосостояния — *bankruptcy, (in)solvency, recession, default* (банкротство, неплатежеспособность, рецессия, дефолт) — журнальные и газетные статьи, опубликованные в период с 1990 по 1994 год, с 2010 по 2014 год.

7. Разрушение, прекращение существования — *destruction, implosion, collapse, ruin* (разрушение, обрушение, коллапс, разорение) — высокая частота встречаемости в газетах и журналах, опубликованных с 2005 по 2009 год.

8. Объекты ментальной деятельности — *awareness, (un)consciousness, oblivion* (осознанность, потеря сознания, забвение) — тексты художественной литературы.

9. Периоды жизни — *womanhood, retirement, adulthood* (женственность, выход на пенсию, взрослая жизнь) — журнальные и газетные статьи, произведения художественной литературы, опубликованные с 2000 по 2004 год.

10. Время — *time, night, winter* (время, ночь, зима) — конструкция преимущественно используется в художественной литературе.

11. Тяжелое психическое состояние — *suicide, burnout* (самоубийство, эмоциональное выгорание) — встречается в журнальных статьях, блогах, художественной литературе с 2015 по 2019 год.

12. Достижение, совершенство — *greatness, fashion, technology, excellence* (величие, мода, технологии, совершенство) — используется на телевидении с 2015 по 2019 год.

Результаты анализа конструкции ‘on the point of + NOUN’ позволяют выделить следующие семантические кластеры:

1. Разрушение, прекращение существования, гибель, смерть — *death, collapse, destruction, implosion* (смерть, коллапс, разрушение, обрушение) — присутствует в журнальных и газетных статьях, блогах с 1990 по 1999 год.

2. Социальные явления — *revolt, privilege, law, tumult, militias* (восстание, привилегии, закон, беспорядки, ополченцы) — наблюдается в онлайн-публикациях и блогах с 1995 по 2004 год.

3. Война, катастрофа, опасность — *conflict, warfare, attack* (конфликт, военное столкновение, нападение) — употребляется в прессе и разговорной речи с 1990 по 1994 год, а также с 2005 по 2014 год.

4. Потеря контроля над собой, переход в негативное эмоциональное состояние, агрессия — *despair, crying, tears* (отчаяние, плач, слезы) — отмечается в художественной литературе с 2015 по 2019 год.

5. Стадии выполнения работы, развития — *assessment, curation* (оценка, кураторство) — используется в журнальных и газетных статьях, опубликованных с 1990 по 1999 год.

6. Достижение, совершенство — *efficiency, success, progress* (эффективность, успех, прогресс) — обнаруживается в академической прозе, изданной в 1995–1999, 2005–2009, 2015–2019 годах.

7. Периоды жизни — *retirement* (отставка) — используется в телевыпусках с 1990 по 1994 год.

В монографии «Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход» Е. М. Позднякова и Е. В. Суворина утверждают, что «применение методов корпусной лингвистики в когнитивных исследованиях требует вычисления статистических характеристик правдоподобия в лингвистическом корпусе, а не базовых частотных характеристик» (Позднякова, Суворина, 2015, с. 219). В. Брезина пишет о важности применения статистических методов при работе с корпусными данными, указывая, что статистические меры, или статистические меры коллокации, «показывают силу взаимообусловленности элементов в словосочетаниях через различные аспекты совместной встречаемости» (Brezina, 2018, p. 67). Кроме того, Ш. Эверт также называет статистический критерий метода максимального правдоподобия (*log-likelihood method*) одним из наиболее распространенных способов изучения коллокаций в области компьютерной лингвистики, так как полученные

с его помощью результаты можно охарактеризовать как достоверные, объективные и надежные (Evert, 2005, p. 21–22). Таким образом, ранжирование коллокатов для каждой из рассматриваемых конструкций осуществлялось в соответствии с указанным критерием, поскольку он отражает «насколько совместная встречаемость слов отличается от их абсолютно случайного совпадения» (Суворина, 2012, с. 18–19). В отличие от частотности, данная статистическая мера позволяет абстрагироваться от абсолютного числа вхождений коллокатов в корпус и унифицировать методику их отбора.

Расчет статистического критерия метода максимального правдоподобия производился согласно алгоритму, представленному в книге В. Брезины *Statistics in Corpus Linguistics. A Practical Guide* (Brezina, 2018, p. 69–72). Полученные значения, согласно Ш. Эверту, интерпретируются следующим образом: «Чем выше значение, тем сильнее связь между ядром и коллокатом» (Evert, 2005, p. 337). Нулевая гипотеза h_0 гласит: рассматриваемые в настоящей работе коллокации носят случайный характер, т. е. значение \log -likelihood каждой из них не превышает показателя ожидаемой частоты совместной встречаемости E_{11} .

В таблице 1 в порядке уменьшения представлены коллокаты каждой из рассматриваемых конструкций:

Таблица 1 / Table 1

Ранжирование коллокатов конструкций ‘on the verge / edge / brink / point of + NOUN’ по мере убывания значения \log -likelihood

Ranking collocates of ‘on the verge / edge / brink / point of + NOUN’ constructions from high to low \log -likelihood score

Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение \log -likelihood / \log -likelihood score	Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение \log -likelihood / \log -likelihood score
on the verge of			on the edge of		
collapse	242	1443,31	extinction	29	139,02
tears	250	1350,86	bankruptcy	30	115,46
bankruptcy	113	595,30	greatness	13	54,24
extinction	80	475,53	panic	15	51,80
death	64	170,61	chaos	14	44,88
retirement	20	65,92	collapse	13	40,90
suicide	20	64,44	poverty	15	40,07
greatness	13	57,64	insolvency	6	31,37
stardom	11	57,62	oblivion	7	30,18
panic	15	55,70	hysteria	7	28,78
war	28	45,27	insanity	7	25,48
divorce	13	41,90	destruction	10	25,43
disintegration	8	40,32	solvency	4	19,49
homelessness	8	35,40	despair	6	18,74
insolvency	6	32,94	destruction	3	16,08
adulthood	8	32,34	madness	5	14,77
destruction	10	28,00	ruin	4	14,17
manhood	5	21,81	adulthood	4	12,74

Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение log-likelihood / log-likelihood score	Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение log-likelihood / log-likelihood score
revolt	5	19,60	survival	6	12,62
insanity	5	18,04	consciousness	5	10,94
despair	5	16,13	burnout	3	10,83
hysterics	3	15,89	famine	3	9,52
ruin	4	15,21	default	4	9,31
liquidation	3	13,93	unconsciousness	2	8,90
sweating	3	13,62	cataclysm	2	8,86
disaster	6	13,46	implosion	2	8,18
womanhood	3	13,39	womanhood	2	7,70
relapse	3	13,36	hearing	4	6,60
madness	4	12,08	revolt	2	5,74
menopause	3	11,24	recession	3	5,36
violence	6	8,66	vision	4	4,61
realization	3	8,43	excellence	2	4,27
diabetes	3	6,33	suicide	3	4,12
famine	2	6,17	reform	3	3,03
recession	3	6,11	perception	2	2,63
breakup	2	6,08	awareness	2	2,34
fulfillment	2	6,08	anger	2	2,27
catastrophe	2	5,49	retirement	2	2,25
riot	2	5,37	fashion	2	1,84
approval	3	5,35	danger	2	1,83
shock	3	5,28	winter	2	1,26
completion	2	4,45	hell	3	1,21
arrest	2	3,29	technology	3	1,19
recovery	2	2,61	fear	2	1,05
creation	2	2,40	war	5	1,02
depression	2	2,35	trouble	2	0,79
release	2	2,22	night	2	0,19
constuction	2	1,92	time	10	0,18
on the brink of			on the point of		
collapse	100	599,79	death	8	24,95
extinction	87	594,46	collapse	5	24,18
banruptcy	64	357,19	tears	3	11,42
war	79	259,98	crying	2	8,87
disaster	52	255,39	retirement	2	7,11
death	50	162,65	curation	1	6,53
insolvency	20	147,01	implosion	1	6,01
annihilation	11	67,99	tumult	1	5,95
divorce	16	67,28	attack	2	5,50
ruin	12	66,74	militias	1	4,95
recession	15	63,18	revolt	1	4,78
destruction	15	59,23	despair	1	4,09

Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение log-likelihood / log-likelihood score	Коллокат/ Collocate	Частота совместной встречаемости / Frequency of co-occurrence	Значение log-likelihood / log-likelihood score
catastrophe	9	43,63	privilege	1	3,53
tears	10	33,96	efficiency	1	3,28
homelessness	6	29,87	assessment	1	2,64
greatness	6	27,39	conflict	1	2,54
retirement	8	26,43	progress	1	2,45
madness	6	25,03	success	1	1,94
womanhood	4	22,06	law	1	1,14
insanity	5	22,05	war	1	1,04
disintegration	4	20,97	–	–	–
adulthood	4	16,98	–	–	–
stardom	3	14,74	–	–	–
puberty	3	14,11	–	–	–
hysterics	3	13,32	–	–	–
famine	3	12,70	–	–	–
change	7	12,55	–	–	–
craziness	2	9,45	–	–	–
manhood	2	8,74	–	–	–
despair	2	6,47	–	–	–
crying	2	5,97	–	–	–
revelation	2	5,78	–	–	–
alopecia	1	5,72	–	–	–
hunger	2	5,66	–	–	–
transformation	2	5,30	–	–	–
tragedy	2	4,92	–	–	–
liquidation	1	4,49	–	–	–
discovery	2	4,43	–	–	–
revolt	1	3,33	–	–	–
panic	1	2,19	–	–	–
life	2	0,06	–	–	–

Анализ рассматриваемых коллокаций привел к подтверждению нулевой гипотезы h_0 о произвольном характере совместной встречаемости лишь в нескольких вариантах: *on the brink of life* ($LL\ 0,06 < E_{11}\ 1,54$), *on the edge of war* ($LL\ 1,02 < E_{11}\ 2,30$), *on the edge of time* ($LL\ 12,16 < E_{11}\ 0,18$), *on the edge of night* ($LL\ 0,19 < E_{11}\ 3,08$), в связи с чем данные сочетания можно отнести к авторским окказионализмам. В свою очередь, коллокации *on the edge of trouble* ($LL\ 0,79 > E_{11}\ 0,64$), *on the edge of hell* ($LL\ 1,21 > E_{11}\ 0,95$), *on the edge of technology* ($LL\ 1,19 > E_{11}\ 0,97$), будучи менее устойчивыми, занимают весьма маргинальное положение.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ позволил определить функционально-семантический потенциал и выявить лексические ограничения на сочетаемость в конструкциях

to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN. В результате исследования установлено, что рассматриваемые конструкции преимущественно допускают сочетания с лексемами, обладающими негативным денотатом, — смерть, война, социальные бедствия, заболевания, разрушение, опасность, крах, гибель, катастрофа, потеря финансового благополучия, потеря контроля над эмоциональным состоянием и т. д. Вероятно, такая специфика употребления существительных-коллокатов в данных конструкциях может быть обусловлена метафорической репрезентацией грани или края как некой опасной черты, перешагнув которую невозможно управлять ситуацией, нельзя вернуться назад, в безопасность, на твердую поверхность. Таким образом, перешагнувший опасную черту оказывается в состоянии свободного падения, которое он не может контролировать; падения, которое грозит ему гибелью или тяжелыми увечьями. Так, можно сделать вывод о том, что негативные явления метафорически уподобляются горизонтально ориентированным физическим предметам вроде берега, оканчивающегося обрывом.

Тем не менее важно подчеркнуть, что среди существительных-коллокатов в составе рассматриваемых конструкций также присутствуют лексемы с нейтральным денотативным значением, например периоды жизни, стадии выполнения работы, времена года и время суток, объекты ментальной деятельности, восприятие. Здесь можно видеть, что грань или край в метафорическом смысле обозначают границы состояний, которые уподобляются физическим объектам. Переступив через край одного состояния, субъект совершает закономерный переход в другое состояние. Важно отметить, что такой переход обусловлен скорее не волей субъекта, а течением времени — взрослением, сменой времен года, выполнением работы, постепенно приходящим осознанием какого-либо события. В свою очередь, метафорическая репрезентация грани или края в конструкциях с коллокатами, обозначающими восприятие, может указывать на интенсивность этого самого восприятия, где она визуально предстает в виде шкалы.

Сопоставление коллокатов показало, что конструкции *on the verge / edge / brink of* обладают наибольшим числом общих коллокатов — 27 из 48, 21 из 48 и 26 из 41 соответственно — среди них: *collapse, insolvency, bankruptcy, insanity, extinction, retirement, war, famine* (крах, несостоятельность, банкротство, безумие, вымирание, выход на пенсию, война, голод) и др. Конструкция *on the point of* обладает всего девятью общими коллокатами из 20. Вероятно, это связано с тем, что *point* (точка), в отличие от протяженных горизонтальных границ *brink* (край), *edge* (край) и *verge* (грань), является точкой, или пиком, и часто связана с вертикалью.

В завершение важно отметить, что конструкции *to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN* редко допускают сочетания с существительными, имеющими положительное денотативное значение, — совершенство, развитие, технологический прогресс, продуктивность, эффективность. В данном случае речь идет о метафорической репрезентации края как вершины вертикально ориентированного физического предмета, своеобразного пика. Таким образом, совершенствование технологий или развитие чего-либо метафорически уподобляется процессу восхождения на гору или росту вверх. В общем и целом подобная метафорическая репрезентация развития и совершенства соответствует теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где движение вверх — это улучшение, а движение вниз — ухудшение, потеря контроля (Lakoff, Johnson, 1980, p. 15–17).

Обнаруженное в настоящем исследовании соотношение семантических кластеров существительных-коллокатов в составе конструкций *to be on the verge / edge / brink /*

point of + NOUN показывает, что наличие большого количества сопоставимых кластеров не только свидетельствует об их близкосинонимичном статусе, но и обеспечивает конкурентную среду, влияющую на частоту их встречаемости в СОСА.

В функционально-стилистическом отношении сочетания анализируемых конструкций с существительными, обозначающими периоды жизни, эмоциональные состояния, физиологические реакции, болезни, восприятие, время и ментальные операции, чаще всего употребляются в произведениях художественной литературы, так как в них ставится во главу угла человек с его частной жизнью. В свою очередь, конструкции с существительными, обозначающими социальные бедствия, военные конфликты, финансовый крах, разрушение, а также стадии реализации проектов, преимущественно используются в прессе и блогах. Подобная жанровая отнесенность конструкций указывает на вовлеченность прессы и онлайн-медиаресурсов в освещение актуальных событий исторического, экономического и социального характера. В то же время примеры сочетания рассматриваемых конструкций с существительными, обозначающими заболевания и здоровье, с одной стороны, и совершенство, технологический прогресс, продуктивность и развитие — с другой, наиболее часто встречаются в журналах. На этом основании можно сделать вывод, что применение в составе конструкций существительных-коллокатов, связанных со здоровьем и заболеваниями, может в некоторых случаях указывать на тематику журналов. Здесь необходимо сделать оговорку, что существительные, обозначающие заболевания, также задействуются в художественной литературе, поэтому нельзя с полной уверенностью, не обращаясь к контексту, заявить, что журналы будут посвящены исключительно теме здоровья, так как это могут быть и литературные периодические издания. Наличие в журналах конструкций с существительными, обладающими положительным денотативным значением, — совершенство, технологический прогресс, эффективность и развитие — может свидетельствовать о присутствии материалов рекламного характера, где данные конструкции выступают своеобразными клише. Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что применение конструкций *to be on the verge / edge / brink / point of + NOUN* наиболее характерно для письменной коммуникации, особенно для прессы, о чем свидетельствуют данные выборки. При изучении конструкций в диахронической среде отмечается общая тенденция к постепенному снижению их использования.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении семантических кластеров, образованных герундиальными формами, в составе конструкций *to be on the verge / edge / brink / point of + GERUND* на материале корпусной базы данных СОСА, которые позволят не только отследить динамику их частотности в период с 1990 по 2019 год, но и дополнить полученные в настоящей работе сведения об их жанровой и тематической специфике.

Список источников

1. Al-Ahdal, A., & Almakrob, A. (2020). An Investigation of the Near-Synonyms in the Quran: A collocational Analysis. *The ESP Journal*, 16(5.1), 15. https://www.researchgate.net/publication/346298486_An_Investigation_of_the_Near-Synonyms_in_the_Quran_A_collocational_Analysis
2. Cao, Y. (2020). A corpus-based study of synonymous intensifiers: absolutely, totally, completely. *Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020)*, 493–498. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201215.483>
3. Ikonen, N. (2022). *A Corpus Study on Near-Synonyms Big and Large*. https://www.researchgate.net/publication/358242375_A_Corpus_Study_on_Near-Synonyms_Big_and_Large

4. Ivanova, S. V., & Medvedeva, S. N. (2022). A Corpus-Based Differentiation of Near-Synonyms in Smart-Technologies Framework. In Rocha A., Isaeva E. (Eds.). *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 342. Springer, Cham.

5. Li, J. (2022). An Overview of the Construction of Near-Synonyms Discrimination Resources. *Chinese Lexical Semantics: 22nd Workshop, CLSW 2021, Nanjing, China, May 15–16. Revised Selected Papers. Part II*, 295–305.

6. Alanazi, Z. (2022). Corpus-based analysis of near-synonymous verbs. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. <https://doi.org/10.1186/s40862-022-00138-5>

7. Ахманова, О. С. (2004). *Словарь лингвистических терминов*. УРСС: Едиториал УРСС.

8. Демченко, В. В. (2019). К вопросу о «логических кругах» в лексикографической практике: компонентный анализ группы глаголов типа *shudder*. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(34), 109–113.

9. Yevchuk, A. (2022). An Empirical Study of Near-synonym Choice: A Comparison of Advanced EFL Learners to L1 English Speakers. *Taikomaji kalbotyra*, 17, 79–94.

10. Джумабаева, Ж. Ш. (2019). Градуонимия и другие семантические категории: сходства и отличия. *Велес*, 12–2(78), 106–111.

11. Абдурахманова, П. Д., Агамурадова, Р. Ш., & Идрисова, П. Г. (2016). Специфика употребления синонимов в английском языке. *Мир науки, культуры, образования*, 4(59), 229–231. <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-upotrebleniya-sinonimov-v-angliyskom-yazyke>

12. Phoocharoensil, S., & Kanokpermpoon, M. (2021). Distinguishing the near-synonyms ‘increase’ and ‘rise’: Genre and collocation investigation. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 42, 968–975.

13. Позднякова, Е. М., & Суворина, Е. В. (2015). Исследование структуры ментального лексикона: вклад компьютерно-корпусной лингвистики. *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. Языки славянской культуры, 185–242.

14. Brezina, V. (2018). *Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide*. Cambridge University Press.

15. Evert, S. (2005). *The Statistics of Word Cooccurrences. Word Pairs and Collocations*. <https://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/2573/1/Evert2005phd.pdf>

16. Суворина, Е. В. (2012). *Лингвокогнитивные характеристики слов emotion(s) и feeling(s) и их коллокаций в современном английском языке (на материале текстовых и корпусных данных)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва]. <https://www.dissercat.com/content/lingvokognitivnye-kharakteristiki-slov-emotions-i-feelings-i-ikh-kollokatsii-v-sovremennom-a>

17. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago Press, Chicago and London.

References

1. Al-Ahdal, A., & Almakrob, A. (2020). An Investigation of the Near-Synonyms in the Quran: A collocational Analysis. *The ESP Journal*, 16(5.1), 15. https://www.researchgate.net/publication/346298486_An_Investigation_of_the_Near-Synonyms_in_the_Quran_A_collocational_Analysis (In English).

2. Cao, Y. (2020). A corpus-based study of synonymous intensifiers: absolutely, totally, completely. *Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020)*, 493–498. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201215.483> (In English).

3. Ikonen, N. (2022). *A Corpus Study on Near-Synonyms Big and Large*. https://www.researchgate.net/publication/358242375_A_Corpus_Study_on_Near-Synonyms_Big_and_Large (In English).

4. Ivanova, S. V., & Medvedeva, S. N. (2022). A Corpus-Based Differentiation of Near-Synonyms in Smart-Technologies Framework. In Rocha A., Isaeva E. (Eds.). *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 342. Springer, Cham. (In English).

5. Li, J. (2022). An Overview of the Construction of Near-Synonyms Discrimination Resources. *Chinese Lexical Semantics: 22nd Workshop, CLSW 2021, Nanjing, China, May 15–16. Revised Selected Papers. Part II*, 295–305. (In English).

6. Alanazi, Z. (2022). Corpus-based analysis of near-synonymous verbs. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. <https://doi.org/10.1186/s40862-022-00138-5> (In English).
7. Ahmanova, O. S. (2004). *Dictionary of Linguistic Terms*. URSS: Editorial URSS. (In Russ.).
8. Demchenko, V. V. (2019). Revisiting «vicious circles» in lexicographic practice: componential analysis of the verb *shudder*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(34), 109–113. (In Russ.).
9. Yevchuk, A. (2022). An Empirical Study of Near-synonym Choice: A Comparison of Advanced EFL Learners to L1 English Speakers. *Taikomaji kalbotyra*, 17, 79–94. (In English).
10. Jumabaeva, J. Sh. (2019). Gradunomy and other semantic categories: similarities and differences. *Veles*, 12–2(78), 106–111. (In Russ.).
11. Abdurahmanova, P. D., Agamuradova, R. Sh., & Idrisova, P. G. (2016). Specifics of Using Synonyms in English. *The World of Science, Culture and Education*, 4(59). <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-upotrebleniya-sinonimov-v-angliyskom-yazyke> (In Russ.).
12. Phoocharoensil, S., & Kanokpermpoon, M. (2021). Distinguishing the near-synonyms ‘increase’ and ‘rise’: Genre and collocation investigation. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 42, 968–975. (In English).
13. Pozdnyakova, E. M., & Suvorina, E. V. (2015). The study of the structure of the mental lexicon: the contribution of computer-corpus linguistics. *Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach*. *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 185–242. (In Russ.).
14. Brezina, V. (2018). *Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide*. Cambridge University Press. (In English).
15. Evert, S. (2005). *The Statistics of Word Cooccurrences. Word Pairs and Collocations*. <https://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/2573/1/Evert2005phd.pdf> (In English).
16. Suvorina, E. V. (2012). *Linguistic and cognitive characteristics of the words emotion(s) and feeling(s) and their collocations in modern English (based on text and corpus data)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Moscow]. <https://www.dissercat.com/content/lingvokognitivnye-kharakteristiki-slov-emotions-i-feelings-i-ikh-kollokatsii-v-sovremennom-a> (In Russ.).
17. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago Press, Chicago and London. (In English).

Информация об авторах

Светлана Викторовна Иванова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Светлана Николаевна Медведева — аспирант кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Information about the authors

Svetlana V. Ivanova — Doctor of Philology, Professor, Head of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics Department, Pushkin Leningrad State University.

Svetlana N. Medvedeva — Postgraduate of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics Department, Pushkin Leningrad State University.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.111'36'276.6:61

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.07

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛА
В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ ПО ПЕРФУЗИОЛОГИИ****Сорокина Эльвира Анатольевна¹,
Балашова Анна Юрьевна² ✉**^{1,2} Государственный университет просвещения,
Москва, Россия¹ ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>² a.hatyushina@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-00008628-5227>

Аннотация. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена необходимостью изучения свойств новых возникающих терминологий в науке, специфики их структуры и функционирования их единиц. Данная статья направлена на анализ грамматико-семантических особенностей глагола в англоязычных научных текстах на примере терминологии перфузиологии. Теоретическая и практическая значимость состоит в детальном исследовании механизмов функционирования глаголов в научных текстах и создании комплексной характеристики медицинской терминосистемы предметной области «перфузиология», находящейся на стадии становления и активного развития. В процессе исследования применялись следующие методы: количественные (статистические, параметрические), аналитические и описательный. Для анализа глагольных форм, встречающихся в текстах по перфузиологии, была выбрана вторая глава книги *Cardiopulmonary Bypass* (Сердечно-легочное шунтирование), считающейся фундаментальной работой в новой отрасли медицинского знания. На основе изучения текста выбранного издания сделан вывод, что в целом статистика употребления глагольных форм соответствует установившимся общим правилам их применения в научном тексте. Была выявлена особенность употребления грамматических средств (использование глаголов формы действительного залога) для того, чтобы подчеркнуть ответственность перфузиологов за штатную работу аппаратуры.

Ключевые слова: глагол, категория, научный текст, перфузиология, форма, содержание.

Для цитирования: Сорокина, Э. А., Балашова, А. Ю. (2023). Функционирование глагола в научных текстах по перфузиологии. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 83–93. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.07>

Original article

UDC 811.111'36'276.6:61

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.07

THE FUNCTIONING OF THE VERB
IN SCIENTIFIC TEXTS ON PERFUSIOLOGYElvira A. Sorokina¹,
Anna Yu. Balashova² ✉^{1,2} State University of Education,
Moscow, Russia¹ ellasor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>² a.hatyushina@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0009-00008628-5227>

Abstract. The relevance of the topic being studied is due to the need to analyse features and peculiarities of new terms appearing in science, their structure and functioning. The article is aimed at analyzing grammatical-semantic features of the verb in English scientific texts on the example of perfusion terminology. The theoretical and practical significance is in the detailed study of verbs in scientific texts and the creation of the general characteristic of perfusiological terminology which is still at the stage of its formation. Quantitative (statistical, parametric), analytical and descriptive methods were used as the main methods of research. To analyse the forms of the verb used in texts about perfusion the second chapter of Cardiopulmonary Bypass, the basic work for perfusiology, was taken. The main conclusions are made on the base of analysis of the second chapter from Cardiopulmonary Bypass. According to the results, the statistics of usage of verbal forms in general corresponds to the rules of their usage in scientific texts. It was established as a certain feature of verbs their use in the active voice in order to emphasize that a perfusiologist is in charge of the proper working of equipment.

Keywords: verb, category, scientific text, perfusiology, form, contents.

For citation: Sorokina, E. A., Balashova, A. Yu. (2023). The functioning of the verb in scientific texts on perfusiology. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 83–93. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.07>

Введение / Introduction

Глагол занимает особое место в грамматическом строе английского языка, что обусловлено его семантической, морфологической и синтаксической характеристиками.

С семантической точки зрения глагол можно определить как часть речи с основным категориальным значением действия или состояния (Бархударов, 2009, с. 97). Г. Суит разделяет глаголы на три семантические категории: обозначающие действие, процесс и состояние, хотя достаточно много глаголов не подходят под эти категории (Sweet, 2011, с. 127). В данную классификацию не входят, например, модальные глаголы, которые, как известно, имеют две функции: они могут выражать отношение говорящего к ситуации, а также описывать статус ситуации по отношению к реальному миру.

С морфологической точки зрения глагол характеризуется наличием таких грамматических категорий, как залог, вид, временная отнесенность, время, наклонение, лицо и число. Л. С. Бархударов отмечает, что система грамматических категорий глагола

является самой разветвленной, по сравнению с другими частями речи (Бархударов, 2009, с. 100).

Наконец, с синтаксической точки зрения глагол можно охарактеризовать как основополагающий элемент предложения. По мнению Л. М. Ковалевой, «глагол является семантическим и синтаксическим центром предложения», так как он наделяет предметы и события некими признаками, что служит обязательным условием для выражения мысли (Ковалева, 2008, с. 22). А. А. Холодович определяет глагол как элемент предложения, от которого зависят все остальные члены предложения (Холодович, 1979, с. 293–298).

В данной работе особый интерес представляет исследование механизмов функционирования глаголов в научных текстах, чье изучение невозможно без подробного рассмотрения его грамматических категорий.

Методология исследования / Methodology

Грамматическая категория — это оппозиция однородных значений, которая выражается конкретными формальными средствами (Есперсен, 2002, с. 95). Оппозиция категориальных форм обуславливает их взаимоисключающий характер: ни одна словоформа не может одновременно иметь разные категориальные формы в пределах одной и той же грамматической категории (Смирницкий, 1959, с. 205).

В английском языке грамматические категории состоят из немаркированных и маркированных форм: первые имеют нулевую морфему *walk*, в то время как маркированные формы образованы, как правило, с помощью положительной морфемы *walks* (Бархударов, 2009, с. 95).

Глагол в английском языке отличается развитой системой видовременных форм, оппозициями действительного и страдательного залога, а также изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений. Кроме того, глагол обладает категориями лица и числа, которые маркированно выражаются лишь в третьем лице единственного числа настоящего времени.

Эта информация имеет общее свойство, однако текст как коммуникативная единица характеризуется принадлежностью к определенному функциональному стилю речи. Согласно И. В. Арнольд, функциональный стиль речи представляет собой подсистему языка, обладающую отличительными чертами в лексике и грамматике. Эти особенности обусловлены социальным назначением и сферой употребления данного функционального стиля речи (Арнольд, 2002, с. 75).

Научный стиль речи, используемый в различных областях науки, предназначен для сообщения точных сведений об окружающей действительности. В задачи текста, принадлежащего данному стилю, входит доказательство положений, выдвижение и аргументация гипотез, точное и систематическое изложение знаний (Валгина, 2003, с. 152). Отсюда следуют такие особенности научного текста, как логичность, точность, объективность, обобщенность и полнота изложения. Эти черты выражаются с помощью разнообразных языковых средств на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Так, логическая последовательность высказываний подчеркивается употреблением большого числа дискурсивных маркеров, обозначающих движение мысли:

as a consequence, to sum up, as we have seen, so far we have been considering (вследствие, подводя итог, как мы видим, до сих пор мы рассматривали). Распространенными средствами выражения логического перехода служат также вводные слова *First, Second, Consequently* и союзы *that, therefore, because, although* (во-первых, во-вторых, следовательно и союзы *что, поэтому, потому, хотя*).

Точность научного изложения заключается в однозначном употреблении лексических единиц: слова могут употребляться только в прямых значениях. В существенной степени исключаются многозначность, образность и эмоциональная коннотация, что предопределяет преобладание в научном тексте нейтральной и общенаучной лексики, а также специальных терминов.

Объективность научного изложения проявляется в бессубъектности повествования, т. е. главную роль играет представляемая информация, а не личное мнение автора, поэтому в тексте отсутствуют формы первого и второго лица единственного числа. Распространено использование безличных конструкций с формальным подлежащим *it* и конструкции *there is / there are*, а также пассивных глагольных форм, например: «*It is recommended that the perfusion department is adequately staffed, equipped and resourced*»¹ (здесь и далее курсив наш. — Э. С., А. Б.) (*European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*, 2019, с. 5).

Обобщенность научного изложения обусловлена тем, что последовательная цепь логических суждений в научных работах призвана выявлять общие закономерности. Особенность подобного изложения заключается в использовании настоящего вневременного: описываемые характеристики и действия предстают как закономерности, независимые от времени (Гагарина, Михайлова, 2019, с. 46).

Глагол — важное средство выражения стилистической специфики научного текста, как на уровне содержания, так и на уровне структуры. На содержательном уровне глагол выражает текстовую информацию, соответствующую действительности при помощи грамматической категории наклонения. Употребление формы изъявительного наклонения, обозначающего глагольное действие как реальное, придает научному тексту точность и объективность.

Кроме того, объективность содержания научного текста достигается с помощью лексических средств, смягчающих категоричность суждений. Среди них выделяются модальные глаголы *can, could, may, might* (может быть) и глаголы с модальным значением *seem, appear, assume, think* (казаться, предполагать, думать). Употребление модальных глаголов и глаголов с модальным значением, наряду с другими смягчающими средствами, позволяет выразить авторскую позицию насчет степени достоверности излагаемого материала.

На структурном уровне научного текста глагол участвует в обеспечении полноты и логичности изложения. Благодаря сложным предложениям, а также причастным и инфинитивным конструкциям удается наиболее полно отобразить информацию в тексте.

Результатом, продуктом медицинского дискурса выступает научный текст медицинской тематики, в ходе анализа которого можно получить представление о речемышлении медика-ученого, его терминосфере, особенностях применения специальных лексических единиц (Маджаева, 2015, с. 29).

¹ Рекомендуется, чтобы отделение перфузии было надлежащим образом укомплектовано персоналом, оборудованием и ресурсами (здесь и далее перевод наш. — Э. С., А. Б.).

Для анализа глагольных форм, встречающихся в текстах по перфузиологии, была выбрана книга *Cardiopulmonary Bypass*² (*Cardiopulmonary Bypass*, 2016 с. 268), ее вторая глава *Circuit setup and safety checks*³, в которой сочетаются описания аппаратуры и действий с ней, а также инструкции для выполнения этих действий, что должно обеспечить объективную картину использования глагольных форм. Объем главы составляет девять страниц, 2292 слова.

Следует указать, что многие лексические единицы встречались в тексте неоднократно, например глаголы, описывающие манипуляции с различными элементами аппарата *сердце-легкие* при сборке и подготовке его к работе: *clamp, check, prime* (зажимать, проверять, заправлять). Данные употребления засчитывались как отдельные случаи. Кроме того, ни одна из глагольных форм не включала в себя аутентичных перфузиологических терминов, все глаголы принадлежали к общелитературной или общемедицинской лексике.

Ход исследования / Results and discussion

Данный текст сначала был проанализирован с точки зрения используемых в нем глагольных форм. Результаты подсчетов представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 / Table 1

Личные формы глагола (Finite verbs) Personal verb forms (Finite verbs)

Вид глагола	Функция в тексте	Количество
Одиночный глагол <i>to be</i> ед./мн. ч.	Создание структуры «А есть Б» (Комиссаров, 2013, с. 114)	18 (8/10)
Конструкции с <i>there is/are</i>	Наличие чего-то в указанном месте, наличие двух способов выполнения действий	3 (2/1)
Безличная конструкция типа <i>it is necessary</i> + инфинитив	Указание на необходимость действия	1
Глаголы в форме <i>Indefinite</i> настоящего времени 3-е лицо / мн. ч.	Действия и состояния вневременного характера, постоянного характера	27 (16/11)
Глагол в повелительном наклонении <i>see</i>	Отсылка к картинке	1
Глаголы временной формы <i>Future Ind.</i> (действ./страд.)	Последующее действие, действие в будущем, надежда на выполнение действия	3
Глаголы <i>Present Perfect</i> (действ./страд.)	Действие, совершенное ранее, или результат действия	6 (4/2)
Сказуемые с модальными глаголами (<i>should/must/can/may</i>)	Соответствующие оттенки модальности, выражающие ответственность, необходимость; один случай условного наклонения	20 (9 + 1/4/3/3)
Глаголы временной формы <i>Present Ind.</i> (страд.)	Описание сборки и проверки аппарата	54
Всего		133

² Сердечно-легочное шунтирование

³ Настройка схемы и проверка безопасности

Таблица 2 / Table 2

Неличные формы глагола (Non-Finite Verbs)
Non-personal verb forms (Non-Finite Verbs)

Роль в предложении	Часть речи	Количество
Подлежащее и дополнение	Герундий	34
Цель действия	Инфинитив	25
Определение	Причастие 1	19
Определение	Причастие 2	71
	Всего	149

Глаголов в личной форме оказалось 133 единицы, все выступают в роли сказуемого. Как и следовало ожидать, большая их часть, 67 единиц, представляет собой глаголы в страдательном залоге времени Present Indefinite. Они описывают процедуры сборки аппарата *сердце-легкие* и проверки его работоспособности. Независимо от того, используется в сказуемом действительный или страдательный залог, абсолютное большинство подлежащих выражены неодушевленными существительными: «This *chapter* describes the procedure; Venous *reservoir* has a safe level»⁴. Исключение представляет ссылка на авторов (Кэй и Мунш), чья работа цитируется в начале главы: «*Philip Kay and Christopher Munsch* (2004) in “Techniques in Extracorporeal Circulation” state...»⁵, — и приводимые далее цитаты о действиях перфузионистов.

Хотя все действия по сборке и проверке выполняются членами операционной команды, отвечающими за техническое обеспечение операции *perfusionists* (врачами-перфузиологами) и собственно медицинскими работниками *surgeons, anesthesiologists* (хирургами, анестезиологами), в качестве субъектов действия они упоминаются только в одном эпизоде, а именно там, где говорится об ответственности перфузионистов за правильную работу аппарата: «whilst the *perfusionist* observes prime filling the pump tubing; the *primary perfusionist* does the checking whilst the *second perfusionist* works through the list; the *perfusionist* should review the patient’s notes»⁶. Возможно, это отступление от применения страдательного залога служит для того, чтобы подчеркнуть ответственность конкретных участников операции, перфузионистов, поскольку за последние семьдесят лет развития используемая для перфузии аппаратура значительно усовершенствовалась за счет большого числа элементов, сенсоров и датчиков, страхующих процедуру в случае технических неполадок, а статистика проблем, возникающих в процессе перфузии, снижается очень медленно. На личную ответственность перфузиолога указывает также частое включение в текст книги глаголов *should* (следует) и даже *must* (должен) в составе глагольного сказуемого с использованием форм действительного залога при описании его действий и неоднократные напоминания о необходимости постоянного обращения к карте контроля (списка мероприятий по обеспечению безопасности) (Cardiopulmonary Bypass, 2016, с. 25, 30–31, 55–56, 62 и др.).

⁴ Данная глава описывает процедуру... Резервуар для венозной крови имеет указатель уровня жидкости.

⁵ Филип Кэй и Кристофер Манш (2004) в главе «Методы экстракорпорального кровообращения» утверждают...

⁶ В то время как перфузиолог контролирует работу насоса; старший перфузиолог выполняет проверку... перфузиологу следует просмотреть историю болезни пациента.

В последней из вышеупомянутых цитат имеется пример употребления модального глагола *should* со значением «рекомендация», что является смягченной формой выражения долженствования и может рассматриваться как элемент хеджирования (Горина, Храброва, 2017, с. 44–53). Обращение к составной форме *does the checking* (выполняет проверку) вместо глагола *checks* (проверки) связано с характерной для научных текстов тенденцией номинализации (Cardiopulmonary Bypass, 2016, с. 23).

Во всех остальных случаях, даже когда субъект действия упоминается в предложении, авторы прибегают к форме страдательного залога: «The arterio-venous loop (A-V loop), which *when divided will be connected* to the venous and arterial cannulae by the surgeon, *is connected* to the venous reservoir inlet»⁷.

Форма будущего времени встречается в тексте трижды: один раз в страдательном залоге, в вышеупомянутом примере, где она указывает на действие (подсоединение к канюле), которое будет иметь место после предыдущего действия (присоединение к входному отверстию резервуара). Во втором примере эта грамматическая форма имеет специфическое для научных текстов значение — событие, которое обязательно всегда происходит в описываемой ситуации: «if the line pressure exceeds a set limit (usually 350 mmHg), through unintentional clamping or kinking, the pump *will stop*»⁸. Третье употребление формы будущего времени не имеет прямого отношения к научному содержанию. С его помощью авторы выражают надежду на то, что процедуры обеспечения безопасности перфузиологических операций будут продолжать совершенствоваться: «use of checklists and protocols *will hopefully continue* to improve safety»⁹.

Следует отметить полное отсутствие в тексте форм Continuous и всех форм прошедшего времени, как в действительном, так и в страдательном залоге.

Количество перфектных личных форм глагола, встречающихся в проанализированном тексте, также невелико: четыре в действительном и два в страдательном залоге. При этом сказуемые перфектной формы действительного залога задействуются для описания внешней ситуации, а не в тематической перфузиологической части: «IOM *have called* for a 90 % reduction in preventable patient injuries. Since the introduction of CPB in the early 1950s the focus on safety has evolved and improved»¹⁰. Два случая страдательного залога отмечаются при описании ситуации, когда какое-то действие было совершено ранее или результат действия был достигнут: *has been incorrectly set, has been achieved*¹¹. Глаголы в форме прошедшего времени в тексте отсутствуют, так как его содержание направлено на описание обычных или желаемых действий, а также инструкций.

В отличие от обычных технических инструкций, где часто используется повелительное наклонение, в тексте глагол в повелительном наклонении встречается только один раз, в стандартной формулировке, отсылающей читателя к иллюстрации:

⁷ Артериально-венозная петля (A-V петля), которая после разветвления будет подсоединяться хирургом к венозной и артериальной канюле, соединена с отверстием резервуара для венозной крови.

⁸ Если давление в трубках превышает установленный предел (обычно 350 Мм рт. ст.), из-за случайного пережима или перегиба, то насос останавливается.

⁹ Есть надежда, что использование контрольных списков и протоколов будет способствовать повышению уровня безопасности.

¹⁰ Институт медицины призвал сократить на 90 % риски получения травмы пациентом.

¹¹ Были неправильно установлены, достигнуты.

see Figure 2.1. Все указания на необходимые действия формулируются с помощью глаголов *should* (9), *must* (4), а возможные и альтернативные действия — составными глагольными сказуемыми с глаголами *may* (3) и *can* (3). При этом применение глагола *must* в соответствии с его лексическим значением сводится к ситуациям, когда действия, выраженные смысловым глаголом в сказуемом, являются строго обязательными.

Глагол *should* также единожды используется для создания условной конструкции: «the hospital generator that powers the CPB machine, anesthetic machine, intravenous infusion pumps and other vital equipment *should* there be a mains power failure»¹². Подобная конструкция свойственна для официальных письменных текстов, особенно для инструкций и правил.

Переходя к неличным формам глагола, следует отметить большое количество примеров использования герундия (34), который выполняет роль подлежащего и дополнения, называя различные действия, процессы и состояния, характерные для ситуации сборки аппарата *сердце-легкие* и проверки его исправности и готовности к применению. В списке встречаются как единицы более общего терминологического свойства, медицинского и технического *priming, clamping* (первоначальное заполнение, смыкание), и более частного, присущего перфузиологической тематике *debubbling* (удаление пузырьков), так и слова общелитературного языка *checking, embarking* (проверка, посадка/загрузка).

Относительно реже в тексте встречаются неопределенные формы глагола (25). Их основная функция — передать цель действия: для того, чтобы, — что служит стандартной функцией инфинитива в предложении. Имеется несколько случаев составного глагольного сказуемого: «The arterial and venous lines are then clamped and the prime *allowed to re-circulate*»¹³, — а также использования инфинитива в рамках различных конструкций: со значением ‘важно / можно что-то сделать’: «Details of the patient’s height and weight are essential *to calculate*; with the potential *to exsanguinate* the patient»¹⁴; конструкций со значением дополнения: «B. Mejak et al. report the number of pump-related incidents *to be 1:140*»¹⁵; в качестве дополнения при составном именном сказуемом: «Yet surveys confirm the mishap rate *is slow to fall*»¹⁶.

Наиболее многочисленной группой неличных форм глагола оказались причастия в роли определений и предикатов. При этом количество причастий настоящего времени (19) значительно уступает количеству причастий прошедшего времени (71). Это можно объяснить тем, что часть главы представляет собой таблицы, содержащие список контрольных проверок аппаратуры и возможных неполадок, которые формулируются в виде эллиптических конструкций с причастием прошедшего времени.

¹² При сбое электроснабжения должен быть больничный генератор, который обеспечивает работу аппарата искусственного кровообращения, анестезиологического аппарата и насосов для внутривенной инфузии.

¹³ Затем закрепляются артериальный и венозный катетеры, чтобы раствор мог рециркулировать.

¹⁴ Необходимо учитывать сведения касательно роста и веса пациента, чтобы избежать риска обескровливания.

¹⁵ Б. Мэйак и другие сообщают о неполадках в работе насоса в случаях 1 : 40.

¹⁶ Однако исследования подтверждают, что случаи поломок постепенно уменьшаются.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ показал, что в целом статистика использования глагольных форм соответствует общим правилам их применения в научном тексте.

Наблюдается значительный перевес форм глаголов страдательного залога, а также употребление конструкций с формальным подлежащим для описания действий, поскольку основное внимание уделяется действию, а не его исполнителю.

Интересным исключением представляется использование грамматических средств (глаголов формы действительного залога) для того, чтобы подчеркнуть ответственность перфузиологов за штатную работу аппаратуры, что также усиливается с помощью модальных глаголов *must* и *should*, входящих в состав соответствующих сказуемых.

Основной временной формой в тексте выступают формы Indefinite настоящего времени, в действительном и страдательном залоге, что указывает на отсутствие привязки к конкретному времени и служит для описания того, как эти действия должны производиться и производятся в рамках обычной процедуры.

Формы Indefinite будущего времени функционируют в двух возможных значениях: в той части текста, где речь идет об аппарате, — в значении результата, регулярно следующего за каким-то действием, а в той, где речь идет о перспективах развития отрасли, — в значении действия в будущем, которое не является запланированным.

В данном тексте полностью отсутствуют формы прошедшего времени, а количество перфектных форм настоящего времени при описании аппарата очень невелико (2) и сводится к называнию результата действия, который позволяет производить дальнейшие манипуляции.

Номинальность, которая является обычной характеристикой научного текста, в данном случае создается, помимо употребления существительных, значительным количеством форм герундия, выступающего в роли подлежащего и дополнения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тексты по перфузиологии в основном следуют правилам, существующим для научного функционального стиля, с незначительными особенностями, связанными со спецификой данной тематики.

Список источников

1. Бархударов, Л. С. (2009). *Очерки по морфологии современного английского языка*. Высшая школа.
2. Sweet, H. A. (2011). *New English Grammar. Logical and Historical*. OUP.
3. Ковалева, Л. М. (2008). *Английская грамматика: предложение и слово*. Издательство Иркутского государственного лингвистического университета.
4. Холодович, А. А. (1979). К вопросу о доминанте предложения. *Проблемы грамматической теории*. Наука.
5. Есперсен, О. (2002). *Философия грамматики*. Едиториал УРСС. <https://www.livelib.ru/book/1000011893-filosofiya-grammatiki-jens-otto-harri-espersen>
6. Смирницкий, А. И. (1959). *Морфология английского языка*. Издательство иностранной литературы.
7. Арнольд, И. В. (2002). *Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования)*: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». Просвещение.
8. Валгина, Н. С. (2003). *Теория текста*. Логос.
9. *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*. (2019).

10. Гагарина, О. Ю., & Михайлова, М. С. (2019). Языковые средства выражения особенностей научного стиля. *Национальная ассоциация ученых*, 44, 46–48.
11. Маджаева, С. И. (2015). Специфика медицинских терминов в медицинском дискурсе. *Научный результат*, 3, 27–32. <http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2015/3/ling4.pdf>
12. Circuit setup and safety checks. (2016). In S. Ghosh, F. Falter and D. J. Cook (Eds.). *Cardiopulmonary Bypass*. 2nd ed. Cambridge University Press.
13. Комиссаров, В. Н. (2013). *Теория перевода (лингвистические аспекты)*: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. Высшая школа.
14. Горина, О. Г., & Храброва, В. Е. (2017). Лингвистический хеджинг как коммуникативная стратегия (в русле корпусных исследований). *Вестник НГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, 3(15), 44–53.

References

1. Barhudarov, L. S. (2009). *The essay about morphology of the modern English language*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Sweet, H. A. (2011). *New English Grammar: Logical and Historical*. OUP. (In English).
3. Kovaleva, L. M. (2008). *English grammar: the sentence and the word*. Irkutsk State Linguistic University. (In Russ.).
4. Kholodovich, A. A. (1979). *The issue of dominance in the sentence. Aspects of English grammar theory*. Nauka. (In Russ.).
5. Esperson, O. (2002). *The Philosophy of Grammar*. Editorial URSS. <https://www.livelib.ru/book/1000011893-filosofiya-grammatiki-jens-otto-harri-espersen> (In Russ.).
6. Smirnitskiy, A. I. (1959). *Morphology of the English language*. Izdatel'stvo inostrannoj literatury. (In Russ.).
7. Arnold, I. V. (2002). *Stylistics of the modern English language (stylistics of decoding)*. Prosveshchenie. (In Russ.).
8. Valgina, N. S. (2003). *The theory of the text: a manual for students*. Logos. (In Russ.).
9. *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*. (2019). (In English).
10. Gagarina, O. U., & Mikhaylova, M. S. (2019). Linguistic means of expression of scientific style peculiarities. *Scientific Association of Scientists*, 44, 46–48. (In Russ.).
11. Madzhaeva, S. I. (2015). Specificity of medical terms in medical discourse. *Scientific Result*, 3, 27–32. <http://rllinguistics.ru/media/linguistics/2015/3/ling4.pdf> (In Russ.).
12. Circuit setup and safety checks. (2016). In S. Ghosh, F. Falter and D. J. Cook (Eds.). *Cardiopulmonary Bypass*. 2nd ed. Cambridge University Press. (In English).
13. Komissarov, V. N. (2013). *Theory of translation (linguistic aspects)*: textbook for institutes and faculties of foreign languages. Vysshaya shkola. (In Russ.).
14. Gorina, O. G., & Khrabrova, V. E. (2017). Linguistic Hedging as a Communicative Strategy (within the Scope of Corpus Studies). *Vestnik NSU. Series «Linguistics and Intercultural Communication»*, 3(15), 44–53. (In Russ.).

Информация об авторах

Эльвира Анатольевна Сорокина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения.

Анна Юрьевна Балашова — соискатель степени кандидата филологических наук на кафедре английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения.

Information about the authors

Elvira A. Sorokina — Doctor of Philology, Full Professor, Professor at the Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education.

Anna Yu. Balashova — the Applicant for the Degree of Candidate of Philological Sciences at the Department of English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.3'374

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.08

**УСТАРЕВШИЕ РУСИЗМЫ
В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ****Макаревич Александр Васильевич**Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусьalyksandrmakarevich@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0003-0327-7008>

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что изучение устаревших русизмов помогает осмыслению общих законов развития современного белорусского языка, объясняет некоторые процессы формирования национального языка, выявляет динамику эволюции его словарного состава. Цель статьи — показать особенности адаптации устаревших русизмов в современном белорусском языке, дать их лексико-семантическую характеристику, изучить лексикографическое отображение некоторых устаревших русизмов. Материалом исследования служат устаревшие заимствования из русского языка, выявленные в словарях белорусского языка XX – начала XXI века. Дана лексико-семантическая характеристика устаревших русизмов. Показаны особенности их фиксирования словарями современного белорусского языка. В статье отмечается, что в белорусском языкознании существуют разные взгляды на статус помет *уст.* и *ист.* Был сделан вывод о том, что для обозначения устаревшей лексики (в том числе и историзмов как ее разновидности) в толковых словарях достаточно использовать помету *уст.* (устаревшее), отмечая соответствующую хронологическую характеристику слова в дефиниции. Автором предложены варианты для подачи отдельных устаревших русизмов в словарях белорусского языка.

Ключевые слова: устаревшая лексика, лексикография, русизм, семантика, адаптация, помета.

Для цитирования: Макаревич, А. В. (2023). Устаревшие русизмы в современном белорусском литературном языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 94–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.08>

Original article

UDC 811.161.3'374

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.08

**OBSELETE RUSSISMS IN THE MODERN
BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE****Alexander V. Makarevich**Belarusian State University,
Minsk, Bielarusalyksandrmakarevich@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0003-0327-7008>

Abstract. The relevance of this article lies in studying the obsolete Russisms which helps to further comprehend the general laws of the modern Belarusian language development, explains some of processes of the national language formation, and reveals the dynamics of the its vocabulary evolution.

The goal of the article is to identify the features of obsolete Russisms adaptation in the modern Belarusian language, to provide their lexical and semantic characteristics, to study the lexicographic display of some obsolete Russisms. The material of the study comprises obsolete borrowings from the Russian language, identified in the dictionaries of the Belarusian language of the 20th – early 21st centuries. The article reveals the lexical and semantic features of obsolete Russisms. There are patterns of them recorded in the modern Belarusian language dictionaries provided. It is noted that Belarusian linguistics emphasizes the different views on the status of the marks *obs.* and *hist.* It was concluded that to designate obsolete vocabulary (including historicisms as its variety), it is enough to use the mark *obs.* (obsolete), while marking the corresponding chronological characteristic of the word in the definition. The author suggests options for further presenting specific obsolete Russisms in the Belarusian language dictionaries.

Keywords: obsolete vocabulary, lexicography, Russism, semantics, adaptation, mark.

For citation: Makarevich, A. V. (2023). Obsolete russisms in the modern belarusian literary language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 94–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.08>

Введение

В современном белорусском литературном языке определенную часть устаревшей заимствованной лексики составляют слова русского языка. Изучение таких слов (фонетической, морфологической адаптации в белорусском языке, изменения семантики и причин архаизации названий, отражения в словарях и т. п.) помогает дальнейшему осмыслению общих законов развития языка, объясняет некоторые процессы формирования белорусского национального языка, выявляет динамику эволюции его словарного состава.

Русизмы и русское влияние на белорусский язык на разных этапах его развития исследовали М. Булахов (Булахаў, 1958), И. Гапоненко (Гапоненка, 2012), Н. Круковский (Крукоўскі, 1958), А. Кулеш (Кулеш, 1994), А. Михневич (Міхневіч, 1990) и др. Отдельные ученые уделяют внимание и устаревшим заимствованиям из русского языка. Так, Е. Губкина, изучая особенности отображения дифференциации устаревших наименований лиц по роду занятий и характер их маркирования в словарях белорусского языка XX века, указывает, что некоторые названия лиц, в том числе русизмов (например, *акцызнік*, *арцельшчык*, *бабыль*, *балагол*), вышли из сферы активного употребления натуральным путем (Губкіна, 2012, с. 82). В белорусской терминологии философии и социологии к устаревшим русизмам М. Гуль относит следующие термины: *абшчына*, *батрак*, *кулак*, *самадзержжац*, *самадзяржаўе*, *саслоўе* и др. При этом термины *бакунізм*, *бакуніст*, *бальшавізм*, *ленінізм*, *народнік*, *славянафілы*, *славянафільства*, *талстоўства* классифицированы как русизмы на основании экстралингвистического критерия (например, рус. *бакунизм* образовано от фамилии основателя русского анархиста М. А. Бакунина) (Гуль, 2021, с. 132–133).

Цели статьи: выявить особенности адаптации устаревших русизмов в современном белорусском языке, дать их лексико-семантическую характеристику, указать способы словообразования, изучить лексикографическое отображение некоторых устаревших русизмов и предложить варианты их фиксирования в словарях белорусского языка.

Методология исследования / Methodology

В статье для выявления фонетических, морфологических, словообразовательных, лексико-семантических особенностей устаревших русизмов в современном белорусском литературном языке используются следующие методы: описательный, сопоставительный, системного анализа.

Результаты исследования

Сегодня ученые соглашаются с наличием в современном языке устаревших слов, но среди лингвистов нет единого подхода к их критериям и квалификации. В связи с этим в научной литературе предлагаются различные определения *устаревшей лексики*. Приведем несколько толкований этого понятия. Энциклопедия «Беларуская мова» отмечает: «Устарэлыя словы – лексічныя адзінкі, якія выйшлі з актыўнага складу лексікі і зрэдку ўжываюцца ў сучаснай мове»¹ (Энцыклапедыя, 1994, с. 575). Авторы «Слоўніка лінгвістычных тэрмінаў» считают устаревшим слово, «якое выйшла з жывога ўжывання і ўспрымаецца як перажытак больш ранняга этапу ў развіцці мовы»² (Слоўнік, 1990, с. 157). По мнению В. Краснея, устаревшие названия — это «словы, якія выходзяць ці выйшлі з актыўнага ўжывання і ў наш час з’яўляюцца малавядомымі або і зусім невядомымі»³ (Красней, 2014, с. 82).

В настоящей статье мы придерживаемся определения понятия *устаревшая лексика*, предложенного В. Краснеем.

Многие ученые отмечают сложность выявления русизмов, в том числе и устаревших наименований, в белорусском языке из-за структурной схожести двух языков. Приметами русизмов можно считать формальные черты, связанные с церковнославянским языком (неполногласие и др.) (Шакун, 1995, с. 24). Анализируя русское лексическое влияние, Н. Круковский использовал критерий корня: некоторые слова по своему корню совпадают с соответствующим словом или корнем русского языка (Крукоўскі, 1958, с. 19). Так, в основе устаревших русизмов *абшчына*, *першабытна-абшчынны* находится русский корень *-общ-*, который обладает большой продуктивностью в указанном языке.

Устаревшие лексические заимствования-русизмы в современном белорусском языке можно объединить в две большие группы: слова иностранного происхождения, заимствованные с помощью русского языка, и слова собственно русского происхождения. Большая часть из них — это слова иностранного происхождения, заимствованные через посредничество русского языка, например: *ардынарац* (рус. ординарец, от нем. *Ordonnanz*), *ворвань* (рус. ворвань, от ст.-шв. *narhval*), *губерня* (рус. губерния, от лат. *gubernare*), *кабура* (рус. кобура, от тюрк. *kubur*), *кібітка* (рус. кибитка, от татар. *kibit*), *казна* (рус. казна, от *половецк. hazna*), *лабаз* (рус. лабаз, от коми *lobos*), *мікада* (рус. микадо, от яп. *mi kado*), *рэціравацца* (рус. ретироваться, от фр. *se retirer*) и др.

¹ *Белорус.*: «Устаревшие слова — лексические единицы, которые вышли из активного состава лексики и изредка употребляются в современном языке».

² *Белорус.*: «которое вышло из живого употребления и воспринимается как пережиток более раннего этапа в развитии языка»

³ *Белорус.*: «слова, которые выходят или вышли из активного употребления и в настоящее время являются малоизвестными либо и совсем неизвестными»

Займствованные устаревшие наименования непосредственно из русского языка: *барын, барыня, бурлак, гасудар, камбед, правасхадзіцельства, стальнінчына, чырвонаармеец, чэкіст* и др. Уточним, что среди этих слов есть лексические единицы, которые являются заимствованиями из древнерусского языка, например *агнішчанін* (ст.-рус. огнищанинъ), *алтарнік* (ст.-рус. алтарникъ), *бадана* (ст.-рус. бадана, бодана), *байбэрак* (ст.-рус. баиберекъ, бамберекъ, банберекъ), *зіждзіцель* (ст.-рус. зиждитель, зижитель), *прастол* (ст.-рус. прѣстоль).

В современном белорусском языке выявлены следующие виды устаревших русизмов.

Морфолого-словообразовательные русизмы. Некоторые префиксы и суффиксы также указывают на русское происхождение устаревших слов, например *пра-* (*праабражэньцы, правасхадзіцельства*), *прад-* (*прадвясціць, прадвясчанне, прадраканне*), *са-* (*саслоўе, саслоўны*); *-цель* (*вешацель, засядацель, прадвадзіцель, прадвадзіцельства*). К собственно лексическим устаревшим русизмам (их большинство. — А. М.) в современном белорусском языке относятся слова *арцель, гасудар, гасударыня, дэкабрыст, жалаванне, калгас, калектывізацыя, палітрук* и др.

Устаревшие русизмы в абсолютном большинстве подчиняются законам белорусской фонетики. Это аканье и яканье: *айцец* (отец), *зярцала* (зерцало), *піянер* (пионер), *піянерскі* (пионерский), *шасцярык* (шестерик); дзеканье и цеканье: *абывацель* (обыватель), *акцябраты* (октябрыята), *будзёнаўка* (буденовка), *самадзержац* (самодержец), *палітадзел* (политотдел); твердость шипящих: *аракчэеўскі* (аракчеевский), *аракчэеўчына* (аракчеевщина), *казначэйства* (казночейство), *карнілаўчына* (корниловщина); переход [в], [л] в [ў]: *палітупраўленне* (политуправление), *стаханаўка* (стахановка), *фабзаўком* (фабзавком), *паўпрэд* (полпред), *паўпрэдства* (полпредство), *саўгас* (совхоз); долгие согласные: *прадпісанне* (предписание), *стацыя* (статья), *улажэнне* (уложение).

Морфологическая адаптация устаревших русизмов. Белорусский и русский языки являются близкородственными. Как русским, так и белорусским существительным присущи категории рода, числа, падежа, причем средства оформления этих категорий в языках характеризуются высокой степенью схожести. Устаревшие существительные-русизмы сохраняют свой род. Например, женский род: глаголица → *глаголіца*, кириллица → *кірыліца*, столыпинщина → *стальнінчына*; мужской род: большевик → *бальшавік*, буденновец → *будзёнавец*, политрук → *палітрук*; средний род: благородие → *благароддзе*, высокородие → *высакароддзе*, высокопревосходительство → *высокаправасхадзіцельства*. В отдельных случаях среди устаревших номинаций зафиксированы несоответствия в роде между языком-источником (русским) и языком-реципиентом (белорусским), например высочество (ср. р.) → *высокасць* (ж. р.).

В области словообразования важным показателем глубины усвоения слова служит его способность в той или иной степени вступать в словообразовательные отношения, что характерно и для устаревших русизмов, особенно безэквивалентных: *бальшавік* – *бальшавічка, бальшавіцкі, барын* – *барыня, барынька, нэп* – *нэпман, нэпманскі, стража* – *стражник*.

Устаревшие русские единицы употребляются как дублеты белорусских лексем, что обозначают одно и то же понятие: *воран* – рабунак, *зіждзіцель* – стваральнік, заснавальнік, *сядзельнічы* – сядзельнік и др. Некоторые устаревшие русизмы зафиксированы в отрыве от словообразовательной парадигмы как пассивные дублеты собственно белорусских слов (Ламеко, 1985, с. 121), причем белорусский эквивалент таких лексем обязательно имеет производные: *крэпаснічства* (*прыгон, прыгонніцтва, прыгонны*), *пісец* (*пісар, пісарскі, пісарчук*).

В современном белорусском литературном языке основной словообразовательный тип калек с русского языка — это *кальки, структурно повторяющие мотивированность калькируемого объекта*, например: *аднаасобнік* (единоличник), *аднаасобніца* (единоличница), *аднаасобніцтва* (единоличничество), *душапрыказчык* (душеприказчик), *мясцак* (местком), *працадзень* (трудодень), *харчпадатак* (продналог), *хлебапастаўкі* (хлебопоставки), *галоўная кватэра* (главная квартира) и др.

Полукальки. Образуются путем сочетания самых разных видов словообразовательных основ, например: существительное + существительное: *казнасховішча* (казнохранилище), *хата-чытальня* (изба-читальня); существительное + глагол: *богабаязны* (богобоязненный), *богазневажальны* (богохульный). Аналогичную сочетаемость с разными словообразующими основами проявляют и другие самостоятельные части речи, такие как имя прилагательное, числительное: *белагвардзеец*, *белапалыкі*; *васьміпудовы*, *дзесяцігодка*, *сямігодка* и др.

Основой для возникновения полукалек также служат и устаревшие аббревиатуры русского языка разных типов (сложносокращенные слова, инициальные аббревиатуры, разные виды усечений). К сложносокращенным словам можно отнести устаревшие русизмы *губвыканком*, *лікпункт*, *пампаліт*, *паўпярэдства*, *рабфак*, *фабзавуч*, *фабком*. Инициальными аббревиатурами являются следующие устаревшие русизмы: *нэп* (новая эканамічная палітыка), *СНК* (Совет Народных Камісараў), *СПА* (Совет Працы і Абароны), *УЦВК* (Усерасійскі Цэнтральны Выканаўчы Камітэт), *ЧК* (Надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам) и др.

Сложносокращенные устаревшие русизмы смешанного типа образуются сочетанием разных типов аббревиатур. Среди них можно выделить несколько разновидностей.

1. Слова, образованные из фрагмента и контрактуры: *наркамат* — народны камісарыят, *нарком* — народны камісар, *паўпярэд* — паўнамоцны прадстаўнік, *паўпярэдства* — паўнамоцнае прадстаўніцтва, *эсмінец* — эскадронны мінаносец и др.

2. Слова, образованные из фрагмента и инициальной аббревиатуры: *жакт* — жыллёва-арэнднае кааператыўнае таварыства (жилищно-арендное кооперативное общество) (добавила перевод) (единично).

Тематическая соотнесенность устаревших русизмов достаточно разнообразная. Это лексемы, которые обозначают профессионально-производственные понятия (*арцель*, *бурлак*, *бурлацтва*, *белашвейка* и др.). Слова из самых разных сфер деятельности человека: общественно-политической (*аракчэвец*, *губернатар*, *губерня*, *земства*, *лішэнец*, *трацкізм*), социально-экономической (*ахранка*, *кабала*, *нядоімка*, *працадзень*, *стацкі*, *ясак*⁴). К устаревшей военной лексике относятся наименования *адміралцейства*, *дзяничык*, *кабура*, *ківер*, *палітрук*, *чырвонаармеец* и др. Часть русизмов употребляется для обозначения реалий старого русского быта (*адрас-каляндар*, *гудок*, *гудошнік*, *дамастрой*, *какошнік*, *керагаз*, *кітайка*, *фініфць*, *церам*⁵), устаревших форм официального обращения (*высокаблагароддзе*, *высокаправаздадзіцельства*, *высокароддзе*, *усепаданейшы*), устаревших мер веса, длины, объема и т. п. (*аршин*, *дзесяціна*, *пуд*, *сажань*, *шасцярык*⁶). (шестерик)

⁴ Натуральный налог в Русском государстве, который собирали в пользу казны с народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

⁵ *Белорус.*: терем

⁶ *Белорус.*: шестерик

В словарях современного белорусского языка устарелость слов, в том числе и русизмов, обозначается специальными пометами *уст.* (устарелое) и *ист.* (историзм), либо путем указания на время и место активного использования слова: «даўней на Беларусі», «у дарэвалюцыйнай Расіі», «у Старажытнай Русі», «у Расіі XIX ст.» и т. п. Отметим, что в белорусском языкознании статус помет *уст.* и *ист.* определяется по-разному. Одни считают, что пометы являются стилистическими (Давыдава, 2017), другие подчеркивают их хронологический характер (Шавель, 2010). По мнению Д. Дятко, пометы *уст.* и *ист.* нужно рассматривать как функционально-стилистические (Дзядко, 2016).

В большинстве случаев устаревшие русизмы имеют одинаковое лексикографическое отображение. Однако семантика некоторых единиц, а также сопровождение их соответствующими пометами (*уст.* или *ист.*) определяется по-разному. Приведем несколько таких примеров.

Впервые лексема *граданачальнік* фиксируется словарями современного белорусского языка 1920-х годов без указаний на устарелость. Например, Н. Байков и С. Некрашевич в РБС-28⁷ (с. 86) отмечают: *градоначальнік* — начальнік гораду (места), бурмістар (*устар.*). Примерно с середины XX века в белорусском языке слово *граданачальнік* стало рассматриваться как устаревшее. Так, авторы РБС-53 маркируют его пометой *уст.*, при этом лексему *граданачальства* оставляют без всяких помет (РБС-53, с. 102). ТСБМ отмечает наименование как историзм и его семантику определяет следующим образом: *граданачальнік* «у дарэвалюцыйнай Расіі — начальнік, які кіраваў граданачальніцтвам (у 1 знач.) і меў правы губернатара»⁸ (ТСБМ, т. 2, с. 74). С пометой *ист.* слово *граданачальнік* и производные **граданачальніцтва**, **граданачальства** подаются в СБМ-87. Составители ТСБЛМ-96 приводят наиболее полное толкование устаревшего русизма *граданачальнік*: «у Расіі XIX ст.: начальнік з правамі губернатара, які кіраваў горадам, што быў вылучаны з губернскага падпарадкавання ў асобную адміністрацыйную адзінку»⁹ (ТСБЛМ-96, с. 196). Ф. Пискунов в ВСБМ лексему *граданачальнік* считает устаревшей и, соответственно, маркирует ее пометой *уст.* (ВСБМ-96, с. 240).

Согласно СІСБ, слово *губерня* заимствовано из латинского языка через русский язык (СІСБ, т. 1, с. 407). Впервые к устаревшей лексике отнесли наименования *губерня* и *губернатар* авторы РБС-37, снабдив их пометой *уст.* Как историческое (помета *ист.*) рассматривается русизм *губерня* в РБС-53 (РБС-53, с. 105). БРС-62 фиксирует слова *губерня*, *губернатар* без всяких помет. Русизм *губерня* авторами ТСБМ трактуется следующим образом: «асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў дарэвалюцыйнай Расіі з пачатку XVIII ст. і ў СССР да 1924–29 гг. // *уст.* губернскі горад»¹⁰ (ТСБМ, т. 2, с. 91). Составители СБМ-87 фиксируют русизм без всяких помет, тем самым относя его к разряду активной лексики современного белорусского языка.

⁷ РБС-28 — Байкоў, М., & Некрашэвіч, С. (1928). *Расійска-беларускі слоўнік*. Дзярвыд Беларусі. В дальнейшем названия словарей приводятся сокращенно. Список условных сокращений см. в конце статьи.

⁸ *Белорус.*: «в дореволюционной России — начальник, который управлял градоначальством (в 1-м знач.) и имел права губернатора»

⁹ *Белорус.*: «в России XIX в.: начальник с правами губернатора, управлял городом, который был выделен из губернского подчинения в отдельную административную единицу»

¹⁰ *Белорус.*: «основная административно-территориальная единица в дореволюционной России с начала XVIII в. и в СССР до 1924–1929 гг. // *уст.* губернский город»

Наиболее полное толкование наименования дал А. Булыко в СІСБ: «*губерня* — асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі (з 1708 г.) і ў СССР да 1929 г.» (СІСБ, т. 1, с. 407). Авторы ТСБЛМ-96 изменили семантику наименования *губерня*: «асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі з пачатку XVIII ст.» (ТСБЛМ-96, с. 160). В ТСБЛМ-2016 дается общее толкование лексической единицы, без хронологических указаний активного употребления слова: «*губерня* — асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі ў розныя часы» (ТСБЛМ-2016, с. 201).

Подчеркнем, что в последнее время в Республике Беларусь активизировалось употребление устаревшего слова *губернатор*, производного от *губерня*. Его иногда используют, например, средства массовой информации, в качестве синонима к названию должности *председатель облисполкома* (областного исполнительного комитета). На наш взгляд, и *губерня*, и *губернатор* являются устаревшими словами современного белорусского языка и деархаизировать (возродить) их нецелесообразно.

К военной лексике относится устаревшее слово *дзяниччык* (денщик). Впервые оно без всяких помет фиксируется лексикографическими источниками современного белорусского языка 1920-х годов. Авторы и РБС-37, и БРС-62 русизм *дзяниччык* рассматривают как дореволюционное слово (помета *дореволюц.*). Употребление пометы *дореволюц.* (дореволюционное) в словарях современного белорусского языка — яркое проявление идеологических установок лексикографов. По сути, помета *дореволюц.* со значением 'не характерное, которое не соответствует советскому образу жизни' является синонимом пометы *уст.*, поэтому применять ее для обозначения устаревших единиц в современных лексикографических источниках не стоит.

Наименование *дзяниччык* промаркировано пометой *уст.* в РБС-53, СБМ-87, БРС-88. По-разному отмечается лексема в толковых словарях современного белорусского языка. Без всяких помет русизм фиксируется в ТСБМ: *дзяниччык* «салдат у царскай арміі, прыстаўлены да афіцэра ў якасці прыслугі»¹¹ (ТСБМ, т. 2, с. 181). Такую же семантику наименованию дают составители ТСБЛМ-96, сопровождая его пометой *уст.* Авторы ТСБЛМ-2016 лексему *дзяниччык* обозначили пометой *уст.*

Со второй половины XX века в словарях современного белорусского языка аббревиатура *нэп* обозначается как устаревшее наименование. Русизм *нэп* и производные *нэпаўскі*, *нэпман* отмечены пометой *уст.*, например, в БРС-53, БРС-62, СБМ-87 и др. Исходя из советских реалий, авторы ТСБМ поясняют: *нэп* — «новая эканамічная палітыка, прынятая ў 1921 г. на X з'ездзе Камуністычнай партыі» (ТСБМ, т. 3, с. 421). В ТСБЛМ-96 семантика русизма уточняется: *нэп* — «скарачэнне: новая эканамічная палітыка, якая праводзілася Савецкай дзяржавай з 1921 да канца 20-х гадоў з мэтай пераадолення разрухі, адраджэння народнай гаспадаркі пры часовым дапушчэнні капіталістычных элементаў, аднак пры захаванні камандных вышынь у руках пралетарскай дзяржавы»¹² (ТСБЛМ-96, с. 394). Наиболее полное толкование лексемы *нэп* дают составители ТСБЛМ-2016, уточнив и период проводимой экономической политики в СССР: *нэп* — «скарачэнне: новая эканамічная палітыка, якая праводзілася савецкай дзяржавай у 1921–1928 гг. з мэтай пераадолення разрухі, адраджэння

¹¹ *Белорус.*: «солдат царской армии, приставленный к офицеру в качестве слуги»

¹² *Белорус.*: «нэп — сокращение: новая экономическая политика, которая проводилась Советским государством с 1921 до конца 20-х годов с целью преодоления разрухи, возрождения народного хозяйства при временном использовании капиталистических элементов, однако при сохранении командных высот в руках пролетарского государства»

народнай гаспадаркі пры часовым дапушчэнні капіталістычных элементаў, аднак пры захаванні камандных вышынь у руках пралетарскай дзяржавы»¹³ (ТСБЛІМ-2016, с. 493). Также имеются различия в семантике, указании хронологических характеристик, в сопровождении соответствующими пометами (*уст.* или *ист.*) в словарях современного белорусского языка таких устаревших русизмов, как *дваранства*, *казна*, *прадвадзіцель*, *самадзержац*, *серадняк*, *стаханавец*, *стражнік* и др.

Заклучение

Таким образом, проанализированный фактический материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. Устаревшие русизмы являются неотъемлемой частью устаревшей лексики современного белорусского языка, отображая различные реалии жизни общества в прошлом: политику, социально-экономические отношения, культуру, быт и т. п. (*губернатар*, *губерня*, *гудок*, *земства*, *какошнік*, *працадзень*, *сталынінічына* и др.).

2. В абсолютном большинстве заимствованные из русского языка лексемы подчиняются законам белорусской фонетики и морфологии. В современном белорусском литературном языке выделяются следующие виды устаревших русизмов: фонетические, морфолого-словообразовательные, лексические.

3. Для обозначения устаревшей лексики (в том числе и историзмов как ее разновидности) в толковых словарях белорусского языка достаточно приводить помету *уст.* (устаревшее), отмечая соответствующую хронологическую характеристику слова в дефиниции. Применять помету *ист.* для обозначения историзмов, встречающихся в литературе, которая имеет отношение к фактам истории, нецелесообразно. В современном белорусском языкознании пометы *уст.* и *ист.* рассматривать как функционально-стилистические.

4. Некоторая часть устаревших русизмов имеет различия в семантике, определении времени и места активного использования слов, в их лексикографическом отображении. Автором предлагается вариант для подачи таких заимствований в словарях современного белорусского литературного языка.

Условные сокращения

БРС-62 — *Белорусско-русский словарь*. (1962). (Под ред. К. Крапивы). Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.

БРС-88 — *Беларуска-рускі слоўнік*: у 2 т. (1988). БелСЭ.

ВСБМ — Піскуноў, Ф. А. (2012). *Вялікі слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія, акцэнтацыя, парадыгматыка каля 223 тысяч слоў*. Зміцер Колас.

РБС-28 — Байкоў, М., Некрашэвіч, С. *Расійска-беларускі слоўнік*. (1928). Дзярвыд Беларусі.

РБС-37 — *Руска-беларускі слоўнік*. (1937). (Пад рэд. А. Александровіча). Выдавецтва АН БССР.

¹³ *Белорус.*: «нэп — сокращение: новая экономическая политика, которая проводилась Советским государством в 1921–1928 гг. с целью преодоления разрухи, возрождения народного хозяйства при временном использовании капиталистических элементов, однако при сохранении командных высот в руках пролетарского государства»

- РБС-53 — *Русско-белорусский словарь*. (1953). Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.
 СБМ-87 — *Слоўнік беларускай мовы*: Арфаэзія. Акцэнтацыя. Словазмяненне. (1987). (Пад рэд. М. В. Бірылы). БелСЭ.
 СІСБ — Булыка, А. М. (1999). *Слоўнік інішамоўных слоў*: у 2 т. БелЭн.
 ТСБМ — *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. (1977–1984): у 5 т., 6 кн. (Пад рэд. К. К. Атраховіча). Беларус. Сав. Энцыклапедыя.
 ТСБЛМ-96 — *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. (1996). (Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко). БелЭн.
 ТСБЛМ-2016 — *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. (2016). (Пад рэд. І. Л. Капылова). Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

Abbreviations

- BRS-62 — *Belarusian-Russian dictionary*. (1962). (Edited by K. Krawiwy). Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej.
 BRS-88 — *Belarusian-Russian dictionary*: in 2 vol. (1988). BelSJe.
 VSBM — Piskunow, F. A. (2012). *The Great Dictionary of the Belarusian Language: Spelling, accentuation, paradigmatic of about 223 thousand words*. Zmicer Kolas.
 RBS-28 — Bajkow, M., & Nekrashjevich, S. *The Russian-Belarusian dictionary*. (1928). Dzjarvyd Belarusi.
 RBS-37 — *The Russian-Belarusian dictionary*. (Edited by A. Aleksandroviča). Vydavectva Akadzemii navuk BSSR.
 RBS-53 — *The Russian-Belarusian dictionary*. (1953). Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej.
 SBM-87 — *The Dictionary of the Belarusian language: Orthoepy. Accentuation. Word formation*. (1987). (Edited by M. V. Biryly). BelSJe.
 SISB — Bulyka, A. M. (1999). *The Dictionary of Foreign Words*: in 2 vol. BelJen.
 TSBM — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language*. (1977–1984): in 5 vol. 6 books. (Edited by K. K. Atrahovicha). Belarus. Sav. Jencyklapedyja.
 TSBLM-96 — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language*. (1996). (Edited by M. R. Sudnika, M. N. Krywko). BelJen.
 TSBLM-2016 — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language*. (2016). (Edited by I. L. Kapylova). Belaruskaja Jencyklapedyja imja Petrusja Browki.

Список источников

1. Булахаў, М. Г. (1958). *Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*. Выдавецтва АН БССР.
2. Гапоненка, І. А. (2012). *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX — пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця*. БДУ.
3. Крукоўскі, Н. І. (1958). *Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову*. Выдавецтва АН БССР.
4. Кулеш, Г. І. (1994). Папаўненне беларускай лексікі шляхам запазычвання. *Веснік. БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія*, 2, 41–44.
5. Міхневіч, А. Я., & Гіруцкі, А. А. (1990). *Вазьмі маё слова...: нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксце ўзаемадзейня культур*. Навука і тэхніка.
6. Губкіна, А. В. (2012). *Лексікалогія і лексікаграфія беларускай мовы XX ст.: сацыялінгвістычны аспект*. БДУ.
7. Гуль, М. У. (2021). *Інішамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі)*. БрДУ.
8. *Беларуская мова*: энцыклапедыя. (1994). (Пад рэд. А. Я. Міхневіча). Б. І. Сачанка (гал. рэд.). БелЭн.

9. Сцяцко, П. У., Гуліцкі, М. Ф., & Антанюк, Л. А. (1990). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Вышэйшая школа.
10. Красней, В. П. (2014). *Беларуская мова: дапаможнік-рэпетытар для падрыхтоўкі да цэнтралізаванага тэсціравання*. Аверсэв.
11. Шакун, Л. М. (1995). «Усходнія» і «заходнія» крыніцы папаўнення лексічных сродкаў беларускай мовы. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*, 2, 22–26.
12. Ламеко, В. Б. (1985). Русские лексические заимствования в белорусской литературе второй половины XX в. *Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения*: в 2 ч. Ч. 1: тезисы докладов и сообщений III Республиканской конференции, 119–121.
13. Давыдава, Л. В. (2017). 3 гісторыі стылістычных памет у беларускай лексікаграфіі. *Научная конференция студентов и аспирантов: сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета*, 15–24 мая, 2017. БГУ, 40–43.
14. Шавель, В. М. (2010). Стылістычная характарыстыка ўстарэлай лексікі ў беларускіх слоўніках. *Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*, 4, 80–85.
15. Дзятко, Д. (2016). Лексікаграфія як раздзел мовазнаўства. *Роднае слова*, 8, 34–37.

References

1. Bulahaŭ, M. G. (1958). *The development of the Belarusian literary language in the XIX–XX centuries. in relation to other Slavic languages*. Vyd-va AN BSSR. (In Bel.).
2. Gaponenka, I. A. (2012). *The Vocabulary of the Belarusian literary language of the 19th – early 20th centuries: features of formation and development*. BDU. (In Bel.).
3. Krukoŭski, N. I. (1958). *Russian lexical influence on the modern Belarusian literary language*. Vyd-va AN BSSR. (In Bel.).
4. Kulesh, G. I. (1994). Replenishment of Belarusian vocabulary by borrowing. *Vesn. BDU. Series 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihologiya*, 2, 41–44. (In Bel.).
5. Mihnevich, A. Ya., & Giruzki, A. A. (1990). *Take my word...: notes on the lexical interaction of the Belarusian and Russian languages in the context of the interaction of cultures*. Navuka i tekhnika. (In Bel.).
6. Gubkina, A. V. (2012). *Lexicology and lexicography of the Belarusian language of the 20th century: sociolinguistic aspect*. BDU. (In Bel.).
7. Gul', M. U. (2021). *Foreign language vocabulary in the process of formation and development of Belarusian terminology (based on the material of terminological systems of philology, philosophy and sociology)*; M-va adukacyi Resp. Belarus', Bresck. dzyarzh. un-t im. A. S. Pushkina. BrDU. (In Bel.).
8. *The Belarusian language: Encyclopedia*. (1994). (Ed. by A. Ja. Mihnevicha). B. I. Sachanka (editor-in-chief). BelJen. (In Bel.).
9. Scjacko P. U., Gulicki M. F., & Antanjuk, L. A. (1990). *The Dictionary of Linguistic Terms*. Vyshjeshaja shkola. (In Bel.).
10. Krasnej, V. P. (2014). *The Belarusian language: a tutor's guide to prepare for centralized testing*. Aversjev. (In Bel.).
11. Shakun, L. M. (1995). «Eastern» and «western» sources of replenishment of lexical resources of the Belarusian language *Vesn. BDU. Series 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2, 22–26. (In Bel.).
12. Lameko, V. B. (1985). Russian lexical borrowings in Belarusian literature of the second half of the 20th century. *Regional peculiarities of East Slavic languages, literatures, folklore and methods of their study*: in 2 parts. Part 1: abstracts of reports and messages of the III Republican Conference, 119–121. (In Bel.).
13. Davydava, L. V. (2017). From the history of stylistic marks in Belarusian lexicography. *Scientific Conference of students and postgraduates: collection of papers of the 74th Scientific Conference*

of Students and postgraduates of the Belarusian State University, May 15–24, 2017. BSU, 40–43. (In Bel.).

14. Shavel', V. M. (2010). Stylistic characteristics of obsolete vocabulary in Belarusian dictionaries. *Vesci BDPU. Series 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya* 4, 80–85. (In Bel.).

15. Dzyatko, D. (2016). Lexicography as a branch of linguistics. *Rodnae slova*, 8, 34–37. (In Bel.).

Информация об авторе

Александр Васильевич Макаревич — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры белорусского языковедения Белорусского государственного университета.

Information about the author

Alexander V. Makarevich — PhD (Philology), Docent, Associate Professor; Doctoral Student of the Belarusian Linguistics Department, Belarusian State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.161.1'367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.09

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ
В РУССКОЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ:
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ****Сюй Лили**

Нанькайский университет,

Тяньцзинь, Китай

lili1324559882@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

Аннотация. Пространственное восприятие как базовая когнитивная способность играет значимую роль в метафорическом построении концептуальной системы человека. Данная статья посвящена когнитивному исследованию пространственной метафоричности лексико-семантической группы глаголов поведения как средств языковой объективации одной из важнейших концептосфер психологии — поведенческой. Цель исследования заключается в изучении роли пространственных метафор в формировании и понимании поведенческих концептов в русском языке. Когнитивный анализ лексико-семантических, словообразовательных и этимологических особенностей глаголов поведения позволил выявить ряд пространственных метафор, значимых для языкового моделирования русской поведенческой концептосферы, в том числе метафоры ориентации, расстояния, размера и формы. В ходе исследования было доказано, что на разные типы пространственных метафор опирается языковая концептуализация разных типов поведения человека, таких как высокомерие, подлость, трусость, упрямство, хитрость и т. д.

Ключевые слова: пространственная метафора, поведенческая концептосфера, глаголы поведения, когнитивная семантика.

Для цитирования: Сюй, Лили. (2023). Пространственные метафоры в русской поведенческой концептосфере: семантико-когнитивный анализ глаголов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 105–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.09>

Сведения о финансировании: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований центральных университетов в рамках научного проекта 63232123.

Original article

УДК 811.161.1'367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.09

**SPATIAL METAPHORS
IN THE RUSSIAN BEHAVIORAL CONCEPTOSPHERE:
SEMANTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF VERBS****Xu Lili**

Nankai University,

Tianjin, China

lili1324559882@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

Abstract. Spatial perception as a basic cognitive ability plays an important role in the metaphorical construction of the conceptual system. This paper is devoted to the cognitive study of the spatial metaphoricity of the lexico-semantic group of verbs of behavior as a means of linguistic objectification of one of the most important mental conceptual spheres — the behavioral conceptual sphere. The purpose of the study is to reveal the role of spatial metaphors in the formation and understanding of concepts of behavior in the Russian language. The cognitive analysis of the lexico-semantic, word-formation, and etymological characteristics of verbs of behavior has revealed several spatial metaphors that are significant for the linguistic modeling of the Russian behavioral conceptual sphere, including orientation metaphors, distance metaphors, size metaphors and form metaphors. The research shows that different types of spatial metaphors depend on the linguistic conceptualization of different types of human behavior, such as arrogant, cowardly, stubborn, cunning, and other types of behavior.

Keywords: spatial metaphor, behavioral conceptosphere, verbs of behavior, cognitive semantics.

For citation: Xu, Lili. (2023). Spatial metaphors in the Russian behavioral conceptosphere: semantic and cognitive analysis of verbs. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 105–117. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.09>

Funding information: the research was carried out with the financial support of the Foundation for Basic Research of Central Universities within the framework of the scientific project 63232123.

Введение

Поведение как отражение психологических характеристик человека тесно связано с его моральными качествами, эмоциональным состоянием, интеллектуальными способностями и т. д. Поведенческая концептосфера — это совокупность концептов, обозначающих разнообразные типы поведения человека, которые на лексическом уровне в основном репрезентируются посредством глаголов. Представляя собой сложную, объемную и многомерную систему, глаголы поведения описывают действия и поступки человека практически во всех сферах жизнедеятельности, «обусловленных потребностями субъекта, а также его культурными

и индивидуальными особенностями» (Нахрачева, 2018, с. 164), поэтому их изучение является необходимым и актуальным для языкового моделирования антропосферы в целом. Из-за своей значимости в разных лингвокультурах данная лексико-семантическая категория глаголов неоднократно рассматривалась в научной литературе: были изучены их словообразовательные характеристики (Фатхутдинова и Красильникова, 2016; Айдарова и Лебедев, 2018), лексико-семантическая подгруппировка (Васильев, 1976), синтаксические свойства сочетаемости (Гайсина, 1973), функциональные и лингвокультурные особенности (Исаченко, 2000), а также ассоциативно-фреймовая организация в психолингвистическом аспекте (Старостина, 2004). Однако до сих пор не уделялось достаточного внимания когнитивному исследованию метафорических характеристик русских глаголов поведения.

Разнообразие поведения людей и высокая абстрактность концептов поведения детерминируют метафорическую образность глаголов, их вербализующих. Цели настоящего исследования — выявить пространственные метафоры, скрывающиеся в форме и семантике русских глаголов поведения, раскрыть когнитивные механизмы их функционирования. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: 1) важностью лингвокогнитивного описания концептосферы поведения, чрезвычайно значимой для любого народа; 2) неизученностью метафорического моделирования поведенческой концептосферы в русском языке; 3) необходимостью раскрытия функции пространственного мышления в процессе формирования и репрезентации концептов поведения человека. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются пространственные метафорические особенности глаголов, используемых для репрезентации концептов поведения в русской языковой картине мира, выявляется познавательная корреляция между концептами пространства и поведения.

Методология исследования

Вопрос метафоры начал привлекать внимание ученых уже в античные времена: так, Аристотель определяет метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Аристотель, 1927, с. 66). В этой концепции сущность метафоры состоит в семантическом переносе наименования по сходству (Там же, с. 70), что заложило основу подхода к изучению метафоры как неотъемлемой принадлежности языка, т. е. как риторическо-стилистической фигуры, связанной с вторичной косвенной номинацией объекта. В XX веке исследование языковой метафоры активно развивалось, в результате сформировался ряд направлений: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, лингвистическое, лингвостилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое и лексикографическое (Склярская, 1993, с. 6–10). Данное исследование опирается на когнитивный подход к метафоре, известный как теория концептуальной метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 80-е годы XX века. Согласно данному направлению, метафора рассматривается не столько как чисто языковое явление, сколько как общая универсальная характеристика человеческого мышления или основное средство познания и восприятия мира. Когнитивисты считают, что концептуальная система, которой мыслим и в которой живем, по своей природе является метафоричной (Lakoff, & Johnson, 1980, p. 3). В процессе

метафоризации происходит проекция со структуры знаний одной концептуальной сферы — сферы-источника (source domain) — на структуру знаний другой концептуальной сферы — сферы-мишени (target domain) (Lakoff, & Johnson, 1980, p. 23).

Теория концептуальной метафоры придает большое значение эмпирическому, телесному и чувственному основанию языковой концептуализации мира. Сферами-источниками концептуальных метафор в основном служат простые, конкретные и знакомые концепты, образуемые в результате непосредственного восприятия окружающего мира при помощи органов чувств. Помимо зрительного, слухового, температурного, вкусового, обонятельного, тактильного восприятия, в научной литературе выделяется восприятие пространства (Щербатых, 2008, с. 70), которое в качестве природной способности человека дает возможность «успешно ориентироваться в пространстве, раскрывать пространственные свойства и отношения между предметами, объектами и явлениями» (Фатыхова и Латыпова, 2012, с. 1779). Пространственные концепты, формируемые на основе пространственного восприятия, являются важнейшими метафорическими источниками для формирования и понимания других сложных непространственных концептов, что отмечалось во многих работах (Скребцова, 2018; Шералиев и Холиков, 2018; Бородулина, 2019; Колесов, 2021). Дж. Лакофф и М. Тернер подчеркивают, что в процессе метафорической проекции с пространственной концептосферы на непространственные концептосферы сохраняется внутренняя логика первоначальных образных схем (Lakoff, & Turner, 1989, p. 100).

Пространственная концептосфера охватывает множество элементов, единиц, описывающих достаточно разнообразные пространственные свойства и отношения, в том числе местоположение, расстояние, ориентацию, размер, форму, движение, разделение, соединение и т. д. Перечисленные пространственные элементы, на наш взгляд, могут служить метафорическим источником для формирования и моделирования других концептосфер. В данной работе наше внимание сосредоточено на том, какие пространственные элементы участвуют в метафорическом моделировании русской поведенческой концептосферы. Материалом для исследования послужили глаголы поведения из «Русского семантического словаря» под редакцией академика Н. Ю. Шведовой (Шведова, 2007, с. 314–395). В исследовании были использованы следующие методы: описательный, метод классификации, анализа словарных дефиниций, этимологического анализа, словообразовательного анализа, компонентного анализа значения лексемы, сравнительно-сопоставительного анализа, когнитивной интерпретации.

Результаты и дискуссия

В научной литературе поведение определяется как «организованная деятельность, осуществляющая связь организма с окружающей средой» (Рубинштейн, 2002, с. 119). Единицей поведения считается поступок, отражающий «сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали» (Щербатых, 2008, с. 68). Таким образом, поведение как осознанный и мотивационный феномен имеет ментальную, идеологическую, моральную и социальную характеристику, его выражение во многом зависит от конкретных действий и простых движений. Наше исследование показывает, что с формальной точки зрения пространственная

метафоричность глагольных средств концептуализации поведения в русском языке может воплощаться в трех аспектах:

1) в лексико-семантическом аспекте преимущественно реализуется путем семантического переноса глаголов со значением движения и физического действия, например глагол «ползать» — для обозначения угодничества;

2) в словообразовательном аспекте проявляется в образовании глаголов поведения с помощью морфем, выражающих пространственные отношения, например глагол «вознестись» с приставкой «воз-» — для описания высокомерия;

3) в этимологическом аспекте может выявляться путем установления исторического происхождения слов, например глагол «лукавить» образован от слова *luka* («излука, кривизна, изгиб»).

В результате когнитивного анализа семантических, словообразовательных и этимологических особенностей русских глаголов поведения из «Русского семантического словаря» Н. Ю. Шведовой нами были выделены четыре вида пространственных метафор: *метафоры ориентации, расстояния, размера и формы*. Ниже подробно рассматривается когнитивный механизм их функционирования в формировании и понимании русской поведенческой концептосферы.

1. Метафоры ориентации

Метафора пространственной ориентации тесно связана с определением человеком своего местоположения и направления в пространстве, с его восприятием пространственного измерения типа «лево» и «право», «верх» и «низ», «впереди» и «позади», «внутри» и «снаружи» и т. д. В русской поведенческой концептосфере важное место занимают метафоры ориентации «верх» и «низ», которые в основном используются для выражения оценки человеком самого себя и других людей. Так, вербализация концепта «высокомерие» в русском языке во многом опирается на когнитивное восприятие ориентации «верх». Во-первых, сам поведенческий глагол «высокомерничать» и его однокоренные слова «высокомерие», «высокомерный» образуются от морфемы «высоко-», соответствующей позиции «верх», и обозначают уверенность человека в собственном превосходстве над окружающими, пренебрежительное отношение или высокое требование к ним. Например, «*высокомерничать* на работе» (здесь и далее курсив наш. — *Сюй Лили*) (Шведова, 2007, т. 4, с. 343). Во-вторых, в русском языке при описании высокомерного поведения употребляются и глаголы с приставкой «воз-» — «возноситься», «превозноситься», первоначально означающие «подняться снизу вверх», «ставить себя выше других». Например, «*возноситься* от похвал» (Там же). Высокомерный человек в психологическом аспекте считает себя выше других. В связи с этим концепт «высокомерие» неизбежно связан с дихотомией «верх – низ».

Вследствие того, что ориентация «верх» и «низ» в русской лингвокультуре является символом социального положения и статуса человека, для концептуализации поведения главенства или руководства используются морфемы с пространственным семантическим признаком «верх»; так, глагол «верховодить» имеет значение «распоряжаться кем-либо, подчиняя своей воле, главенствовать где-либо, руководить» (Евгеньева, 1985, т. 1, с. 154). В сознании человека социальный статус управляющих выше управляемых, поэтому глагол «превысить» сочетается со словами «полномочия», «власть»

и метафорически выражает значение «выйти за пределы допустимого, возможного (по положению, должности и т. п.)» (Евгеньева, 1985, т. 3, с. 361).

Концепт «низ», противоположный концепту «верх», в русской языковой картине мира является важным средством для моделирования раболепного, низкопоклоннического, самоуничижительного поведения, что отражается в глаголах «унижаться», «низкопоклонничать» и «низкопоклонствовать». Несмотря на то что эти глаголы буквально обозначают физическое действие, в современном русском языке они в основном употребляются для выражения психологического явления — постыдного, оскорбительного отношения человека к самому себе, собственному достоинству (Шведова, 2007, с. 350–351). Метафорическая проекция на категорию психики отражается в семантике глаголов «ползть», «пресмыкаться», «расстилаться», которые имеют общее первоначальное значение «движение по низу». В метафорическом значении эти глаголы употребляются для описания таких типов поведения, как угодничество, подхалимство, приспособленчество. Со стилистической точки зрения они характеризуются презрительной эмоционально-экспрессивной окраской. Например, «*пресмыкаться* перед сильными мира сего», «*расстилаться* перед толстосумом» (Там же, с. 351).

Кроме вышесказанного, в русском языке вертикальная пространственная ориентация играет важную роль в описании морального поведения человека. Ориентация «низ» ассоциируется с нравственным падением. Так, глаголы «опуститься», «катиться», «пасть», «сползти» могут служить средством изображения непорядочного, подлого поведения человека (Там же, с. 372). Тесная связь между пространственной ориентацией «низ» и моральным падением человека отражается в семантике глаголов «оподлеться», «подличать», «подлеть», означающих «вести себя безнравственно, подло, совершая низкие, бесчестные поступки, быть подобострастным в поступках» (Там же, с. 429). Эти глаголы происходят от прилагательного «подлый», этимология которого связана со словом «под», обозначающим «исподний, низкий, наземный, близкий к земле, донный». По данным этимологического словаря, слово «подлый» появилось с начала XVIII века со значением «низкий по классу в социальном отношении, простой, простонародный», в середине XVIII века развилось его нравственное значение (Черных, 1994, т. 2, с. 49). Очевидно, что ориентация «низ» в русском языковом сознании соединяет социальное положение человека и его моральное свойство.

Другим важным пространственным метафорическим источником, функционирующим в поведенческой концептосфере, является ориентационная пара «внутри – снаружи». Во-первых, в основе идеи лицемерия в русской языковой картине мира лежит дихотомия «внутри – снаружи». Так, глаголы «скрыть», «сокрыть», «скрытничать», «закрыться» и «прикрыться» заключают в себе образ замкнутого пространства, сокрытости от чужих глаз и в переносном смысле обозначают «вести себя сдержанно, неискренне <...> утаивать что-либо от других» (Шведова, 2007, с. 346, 374). Например, «*скрыть* свои цели, намерения», «*скрытничать* перед родителями» (Там же, с. 346). В данном случае происходит метафорическая проекция с физического пространства на психологическое или информационное пространство. Во-вторых, сознательное проникновение в некое иное (внутреннее) пространство может символизировать бесцеремонность. Глаголы «лезть», «влезать», «пролезть», «соваться», «втереться», «затереться», «примазаться», «втесаться», «затесаться» и «ввязываться»

первоначально обозначают конкретное физическое движение субъекта: вход из одного пространства в другое, а их переносное значение в основном выражает бесцеремонное проникновение в чужое личное пространство или в некое общественное пространство, т. е. навязчивое, хитрое стремление принимать участие в чем-либо. Например, «лезть в чужой разговор»; «соватьсь с ненужными советами» (Шведова, 2007, с. 354–355). Кроме того, движение внутрь может выполнять функцию моделирования познавательного поведения человека. В процессе познания мира человек предпочитает разделять предмет на поверхностную и внутреннюю части и обычно следует принципу движения от поверхностной части к внутренней, глубокой части, поэтому глагол «верхоглядничать» используется для выражения отсутствия тщательности по отношению к делу, а глаголы проникновения, такие как «окунуться», «уткнуться», «погрузиться», «зарыться», «закопаться», способны выражать поглощенность чем-либо и сосредоточенность на каком-либо деле, занятии: «окунуться в гущу событий», «зарыться с головой в дела», «закопаться в книги» (Там же, с. 329).

Интересно, что в русском языке такие глаголы проникновения, как «ковыряться», «копаться», «проковыряться», «прокопаться», могут употребляться для выражения медлительности, бессмысленности занятия: «делать что-либо неумело, лениво, медленно, кропотливо» (Там же, с. 382). В отличие от предыдущих метафор, подчеркивающих глубину пространства, в данном случае больший акцент делается на временной признак: «Я-то помню, как он установщиком работал. Сидит, бывало, под станком, ковыряется, а я его пробираю, что долго», «Натуралист *копался* со слизняками, раками или букашками» (Евгеньева, 1986, т. 2, с. 66, 99).

II. Метафоры расстояния

Под расстоянием в пространстве понимается удаленность объектов друг от друга, промежуток между двумя точками или границами. В русской поведенческой концептосфере метафоры расстояния можно разделить на два аспекта: один связан с уменьшением расстояния, другой — с его увеличением. Исследование показывает, что русские глаголы с семантическим признаком «уменьшение расстояния» способны репрезентировать следующие типы поведения человека:

– навязчивость, назойливость. Глаголы «липнуть», «прилепиться», «прилипнуть» первоначально выражают присоединение одного предмета к поверхности другого, в переносном смысле обозначают приставание к кому-либо: «*Прилип* к девушке со своими ухаживаниями, проходу не дает» (Шведова, 2007, с. 352). Глаголы, характеризующиеся семантическим признаком «соединение одного предмета с другим», также способны выражать навязчивость, назойливость: «вязаться», «привязаться», «навязываться», «цепляться», «зацепиться», «вцепиться», «прицепиться», «уцепиться», «ухватиться». Например: «Вы, верно, молодой человек, нездоровы? Чего вы ко мне *прицепились*?» (Евгеньева, 1987, т. 3, с. 456);

– угодничество, подхалимство и приспособленчество. Глагол «лечься», обозначающий прижиматься всем телом к объекту, и глагол «виться», т. е. оплетать какой-то объект, в русском языке могут употребляться для выражения целенаправленного стремления человека к установлению близких отношений с кем-либо, т. е. сознательного сближения с другим ради своего интереса, выгоды. Например, «Горные чиновники

льнули к купцам, желая выжать из них какую-нибудь пользу для себя» (Евгеньева, 1986, т. 2, с. 207);

– обвинительное, наступательное, грубое поведение. Глаголы движения «наброситься», «навалиться», «наехать», «налететь», «напасть», «накинуться», «напустить», «наскочить» в прямом значении имеют общий семантический признак внезапного прихода, приближения и физического воздействия. Переносное значение — «вести себя резко, несдержанно, грубо, вдруг обратиться к кому-н. с упреками, обвинениями, критикой, бранью, обличениями или с неотступными требованиями», что подчеркивает эмоциональный накал, отрицательное отношение. Например, «рецензенты *набросились* на новый спектакль с резкой критикой» (Шведова, 2007, с. 355).

Кроме вышесказанного, с восприятием пространственного расстояния тесно связано изменение ширины и длины, которое наблюдается в семантике глаголов растягивания. С одной стороны, глаголы «тянуться» и «втянуться» буквально обозначают «увеличиваться в длину, в ширину от натягивания, напряжения», в переносном аспекте они могут употребляться для выражения активного участия человека в чем-либо или целенаправленного стремления к чему-либо: «*тянуться* к знаниям», «*втянуться* в работу» (Там же, с. 317). В данном случае человек в качестве познавательного субъекта сравнивается с растяжимым предметом, и чем ближе он к своей цели (знания) или чем больше он погружен в процесс (работы), тем дальше он оказывается от внешнего, реального мира. С другой стороны, глаголы растягивания без постфикса «-ся», такие как «тянуть», «затянуть», «волочить», первоначально обозначают «удлинять или расширять вытягиванием, натягиванием». Переносное значение призвано описывать намеренное замедление какого-либо процесса: «*затягивать* решение сложного вопроса», «*волочить* дело в суде» (Там же, с. 380). Здесь увеличение расстояния в пространстве метафорически употребляется для описания продолжительности времени.

В познавательном аспекте увеличение расстояния проявляется и в удалении, отклонении одного предмета от другого в пространстве. В русском языке глаголы, выражающие удаление в физическом пространстве, такие как «сторониться», «устраниться», «уклониться», «увилить», «улизнуть», «ускользнуть», «отойти», «отдалиться», «отвязаться», «отмахнуться», могут служить средством выражения негативного отношения человека к окружающему миру, т. е. отказ от нежелаемого, неприятного, трудного дела. Например, «*уклониться* от неприятной встречи», «*отвязаться* от скучного визита» (Там же, с. 385). Кроме того, признаком «удаление одного объекта от другого объекта в пространстве» характеризуется и глагол «уступить», первичное значение которого является «отходить в сторону, давать дорогу, пропускать», метафорическое значение часто употребляется для репрезентации компромиссного поведения человека. Например, «упрямец никогда не *уступит* в споре» (Там же, с. 378).

III. Метафоры размера

Размер в качестве одного из важных пространственных понятий тесно связан с объемом и площадью предмета. Изучение глаголов поведения показывает, что в русской языковой картине мира параметр размера является важным средством моделирования поведения человека, отражающего его волевые свойства. Маленький размер обычно символизирует душевную слабость, отсутствие силы воли. Так, глаголы

«малодушествовать» и «малодушничать», образуемые из лексемы «малый», в основном используются для выражения нерешительности, боязливости, трусости, робости: «малодушничать перед опасностью» (Шведова, 2007, с. 376). Застенчивость, скованность, робость также репрезентируются глаголом «стесняться», который производится от глагола «стеснять», т. е. «лишать простора, делать малым, узким пространство, место, занимаемое кем-л., чем-л.» (Евгеньева, 1988, т. 4, с. 264). В отличие от глагола «стеснять», подчеркивающего тесноту физического пространства, в современном русском языке глагол «стесняться» обращает большее внимание на психологическое состояние человека, а именно на его застенчивость: «Надежда Николаевна ела мало и молча, она, видимо, *стеснялась*» (Там же, с. 265). Кроме того, русские глаголы «жаться» и «зажиматься», характеризующиеся признаком «стараться занять меньшее пространство, меньше места», также имеют значение «вести себя нерешительно, малодушно, принужденно, скрытно». Например, «уваливает от ответа: *жметя* и хитрит», «в присутствии посторонних подросток *зажался*» (Шведова, 2007, с. 374).

Интересно отметить, что переносное значение глагола «жаться» в русском языке может выражать и жадность, скупость: «*жметя* из-за каждой копейки» (Там же, с. 359). На наш взгляд, это обусловлено тем, что одним из типов проявления этих качеств выступает страх потери собственности, который часто сопровождается сосредоточением на своем пространстве, т. е. сжатием сферы пространства вокруг самого себя. Таким образом, с психологической точки зрения робость, нерешительность и скупость, по сути, имеют общий психологический мотив — страх, который становится когнитивной основой многозначности глагола «жаться».

Напротив, увеличение пространства часто ассоциируется с щедростью. Так, глагол «расступиться» первично обозначает отступление в разные стороны в целях образования свободного пространства. Переносное значение выражает «перестать скупиться, расщедриться» и подчеркивает переход от скупости к щедрости. Например, «*расступился* — полтинник выложил» (Там же, с. 359).

В других случаях человек может метафорически рассматриваться как вместилище, размер которого может увеличиться. Глагол «надуться», первоначально обозначающий «наполниться воздухом, газом до упругости», метафорически употребляется для выражения надменного, высокомерного поведения. Например, «*надуться* от похвал», «*надулся* как индюк» (Там же, с. 343). Это свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка высокомерие соотносится с большим размером, символизирующим важность и значимость человека. Высокомерный человек обычно считает себя больше и важнее других.

VI. Метафоры формы

Форма — это очертание, фигура, образ объектов, восприятие которого в первую очередь определяется восприятием пространства (Щербатых, 2008, с. 67). По данным нашего исследования, в русской поведенческой концептосфере метафоры, связанные с прямоотой и кривизной, наиболее представлены и могут служить средством концептуализации разных типов поведения человека. Так, прямая форма, или идея прямолинейного движения, является когнитивной основой для метафорического моделирования упрямства. Глаголы «упрямиться», «упрямствовать» производятся

от прилагательного «упрямый», которое, согласно этимологическому словарю, изначально образуется от прилагательного «прямой» с приставкой «у-» в усилительном значении, буквально обозначает «очень прямой, открытый, откровенный» (Свиридова, 2014, с. 414). Метафорической мотивацией семантического развития служит признак «неизменяемость формы и направления, без изгибов». Концепт «упрямство» может репрезентироваться глаголами «упереться», «упорствовать», которые с этимологической и словообразовательной точки зрения производятся от глагола «упереть» и выражают физическое состояние «держится за прочную опору, неподвижно остается на месте». В современном русском языке оба могут выражать твердое отстаивание своего мнения или позиции. Например, «старик *уперся* на своем», «не *упорствуй*, соглашайся!» (Шведова, 2007, с. 340). Отметим, что как в процессе образования слова «упорствовать», так и в процессе семантического переноса глагола «упереться» происходит метафорическая проекция с физического свойства неодушевленного предмета на волевую характеристику человека.

В противопоставлении понятию «прямой», связанному с сильной стороной воли, в русской языковой картине мира понятие «кривой» более соотносится со слабованием или покорностью человека. Так, прямое значение глаголов «гнутьяся», «слоमितь», «сгибаться», «сникать» имеет общий семантический признак «наклоняться, быть кривым или изогнутым», а переносное значение приведенных глаголов может выражать душевную слабость человека или лишение силы воли. Например, «не *гнутьяся* перед опасностью», «несчастья *сломили* мать» (Там же, с. 377–378). Это и является доказательством когнитивной природы и концептуальной характеристики метафоры.

Пространственный признак «кривизна» в русском языковом сознании часто ассоциируется с неестественностью, неискренностью и лукавством. Так, прямое значение глаголов «ломаться», «изломаться», «кривиться» имеет общий семантический признак «становиться кривым», а переносное значение — «вести себя неестественно, с ужимками, гримасами, манерничать»: «веди себя просто, не *кривляйся!*» (Там же, с. 342). В данном случае подчеркивается форма внешнего воплощения психической деятельности. В другом случае «кривизна» акцентирует внимание на нравственности человека. Во-первых, глагол «криводушничать», образуемый из слов «кривой» и «душа», в современном русском языке обозначает «вести себя неискренне, лживо, кривить душой» (Там же, с. 347). Метафоричность наглядно выражается словообразовательным способом. Во-вторых, глаголы «лукавить», «лукавствовать» имеют близкое значение и толкуются в словаре как «хитрить, вести себя неискренне, лукаво» (Там же, с. 348). Согласно этимологическому словарю, слово «лукавый» произошло от старославянского существительного *luka*, обозначающего «излука, кривизна, изгиб» (Черных, 1994, т. 1, с. 495). Для этих глаголов метафора кривой формы выявляется при помощи изучения происхождения слов. В-третьих, метафора кривой формы может реализоваться путем лексико-семантического переноса глагола «петлять», который первоначально выражает движение по криволинейной траектории, метафорически репрезентирует неискреннее, хитрое, лукавое поведение. Например, «Преступник *петляет*, путает следователя» (Шведова, 2007, с. 348).

Кроме вышесказанного, к метафоре кривого пути можно отнести семантический перенос глаголов, выражающих движение вращения, и глаголов, выражающих движение с изменением пути. Так, глаголы «вертеться», «крутить», «юлить», «крутиться»

могут метафорически использоваться для описания подхалимства, угодничества, приспособленчества человека: «хочешь жить — умей *вертеться*», «Как ни *вертись*, а правду не скроешь» (Шведова, 2007, с. 349), а глаголы «маневрировать», «лавирировать» могут моделировать разумное, изворотливое поведение человека: «*маневрировать* в сложной обстановке», «*лавирировать* в политике» (Там же, с. 326).

Заключение

Поведение является воплощением психической деятельности человека. На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что моделирование поведенческой концептосферы в русском языке в большой степени опирается на метафорическое мышление человека. Глагольные номинации поведения человека в русском языке характеризуются яркой пространственной метафоричностью. В результате исследования были выявлены четыре типа пространственных метафор, участвующих в языковой объективации поведенческих концептов: метафора ориентации, расстояния, размера и формы. Было установлено, что разные пространственные признаки способны проецироваться на разные аспекты поведения человека: метафоры ориентации в основном применяются для описания высокомерия, самоуничужения и лицемерия; метафоры расстояния репрезентуют навязчивость, целенаправленность, уступчивость; метафоры размера более связаны с выражением боязливости, застенчивости, а также скупости и щедрости, а метафоры формы преимущественно используются для описания упрямства, лукавства, изворотливости. Таким образом, метафорическая проекция с пространственных концептов на поведенческие дала возможность раскрыть когнитивную связь между физическим миром действительности и духовным миром человека. Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в сопоставительном изучении сходств и различий метафорического моделирования поведенческой концептосферы в разных национальных лингвокультурах.

Список источников

1. Нахрачева, Г. Л. (2018). Лексико-семантическая классификация глаголов поведения в хантыйском языке. *Современные исследования социальных проблем*, 3, 162–178.
2. Фатхутдинова, В. Г., & Красильникова, Л. В. (2016). Словообразовательная семантика глаголов поведения в русском языке. *Филология и культура*, 1(43), 133–139.
3. Айдарова, А. М., & Лебедев, Э. Е. (2018). Структурные особенности глаголов поведения в русском, татарском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2(81), 273–276.
4. Васильев, Л. М. (1976). Семантический класс глаголов поведения в современном русском языке. *Исследования по семантике*, 2, 41–64.
5. Гайсина, Р. М. (1973). Наблюдения над сочетаемостью поведенческих глаголов. Н. С. Дмитриева (Ред.). *Синтаксис и интонация*, 206–210.
6. Исаченко, О. М. (2000). *Функционально-семантический класс глаголов поведения (системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул].
7. Старостина, Е. В. (2004). *Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов].
8. Аристотель. (1927). *Поэтика*. (Пер. Н. И. Новосадского). Academia.
9. Складская, Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Наука.

10. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago.
11. Щербатых, Ю. В. (2008). *Общая психология*. Питер.
12. Фатыхова, Л. А., & Латыпова, Ю. А. (2012). Метафоризация как процесс создания образной составляющей концепта «Воля». *Вестник Башкирского университета*, 4, 1777–1780.
13. Скребцова, Т. Г. (2018). *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Издательский дом ЯСК.
14. Бородулина, Н. Ю., Макеева, М. Н., & Ильина, И. Е. (2019). Пространственно-ориентационные метафорические модели как основа терминообразования и как важная часть метафорической картины мира экономики. *Мир науки, культуры, образования*, 4(77), 312–315.
15. Колесов, И. Ю. (2021). Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, 2, 15–159.
16. Lakoff, G., & Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press.
17. Шведова, Н. Ю. (2007). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*: в 4 т. Т. 4. Азбуковник.
18. Рубинштейн, С. Л. (2002). *Основы общей психологии*. Питер.
19. Евгеньева, А. П. (1985–1988). *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1–4. Русский язык.
20. Черных, П. Я. (1994). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Русский язык.
21. Свиридова, М. Н. (2014). *Этимологический словарь современного русского языка*. Аделант.

References

1. Nakhracheva, G. L. (2018). Lexico-semantic classification of behavior verbs in the Khanty language. *Modern Studies of Social Problems*, 3, 162–178. (In Russ.).
2. Fatkhutdinova, V. G., & Krasilnikova, L. V. (2016). Word-formation semantics of behavior verbs in the Russian language. *Philology and Culture*, 1(43), 133–139. (In Russ.).
3. Aidarova, A. M., & Lebedev, E. E. (2018). Structural features of behavior verbs in Russian, Tatar, and English. *Philological sciences. Questions of Theory and Practice*, 2(81), 273–276. (In Russ.).
4. Vasiliev, L. M. (1976). Semantic class of behavior verbs in modern Russian. *Studies in Semantics*, 2, 41–64. (In Russ.).
5. Gaisina, P. M. (1973). Observations on the compatibility of behavioral verbs. N. S. Dmitrieva (Ed.). *Syntax and intonation*, 206–210. (In Russ.).
6. Isachenko, O. M. (2000). *Functional-semantic class of behavior verbs (system-semantic, functional and linguoculturological aspects)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Barnaul]. (In Russ.).
7. Starostina, E. V. (2004). *Frame analysis of Russian verbs of behavior (based on the material of associative reactions)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Saratov]. (In Russ.).
8. Aristotle. (1927). *Poetics*. N. I. Novosadsky (Trans.). Academia. (In Russ.).
9. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metaphor in the language system*. The Science. (In Russ.).
10. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. The University of Chicago. (In Russ.).
11. Shcherbatykh, Yu. V. (2008). *General psychology*. Peter. (In Russ.).
12. Fatyhova, L. A., & Lатыпова, Ю. А. (2012). Metaphorization as a process of creating a figurative component of the concept of «Will». *Bulletin of Bashkir University*, 4, 1777–1780. (In Russ.).
13. Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Publishing House YASK. (In Russ.).

14. Borodulina, N. Yu., Makeeva, M. N., & Ilyina, I. E. (2019). Spatial-orientation metaphorical models as the basis of term formation and as an important part of the metaphorical picture of the world of economics. *The World of Science, Culture, Education*, 4(77), 312–315. (In Russ.).
15. Kolesov, I. Y. (2021). The interpretive function of language and spatial metaphor. *Language Studies and Modern Humanitarian Knowledge*, 2, 15–159. (In Russ.).
16. Lakoff, G., & Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. The University of Chicago Press. (In English).
17. Shvedova, N. Y. (2007). *Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings*: in 4 vol. Vol. 4. Azbukovnik. (In Russ.).
18. Rubinstein, S. L. (2002). *Fundamentals of general psychology*. Peter. (In Russ.).
19. Evgenieva, A. P. (1985–1988). *Dictionary of the Russian language*: in 4 vol. Vol. 1–4. Russian language. (In Russ.).
20. Chernykh, P. Ya. (1994). *Historical and Etymological Dictionary of the modern Russian language*. Vol. 1–2. Russian language. (In Russ.).
21. Sviridova, M. N. (2014). *Etymological dictionary of the modern Russian language*. Adelant. (In Russ.).

Информация об авторе

Сюй Лили — кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка Института иностранных языков Нанькайского университета.

Information about the author

Xu Lili — PhD (Philology), Lecturer of Russian Language Department, Institute of Foreign Languages of Nankai University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81'42:37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Карасик Владимир Ильич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. В статье рассматривается педагогический дискурс как тип институционального общения, обусловленного функциональной потребностью социализировать новых членов общества. Выделяются три основных вида: собственно педагогический, академический и учебный дискурс. Процесс социализации осуществляется через передачу знаний и формирование умений и навыков. В наше время сокращается сфера фундаментальных знаний и расширяется сфера ориентационных знаний. Важной характеристикой педагогического дискурса выступает адаптация научной картины мира к уровню подготовки учащихся. Показано, что этому типу институционального общения свойственны определенные черты его субъектов, часто имеющие эмблематическое выражение. Ценности, нормы и традиции этого типа дискурса сводятся к проявлению уважения к обучению, учителю и ученику и вытекающим из этого уважения моделям поведения. Наиболее ярко этнокультурная специфика педагогического дискурса выражается в присущих ему традициях в той или иной лингвокультуре. Коммуникативные стратегии педагогического дискурса обусловлены его сущностными признаками — дозированной адаптацией транслируемых знаний и формируемых умений и навыков — и сводятся к объяснению, контролю, оценке и организационному обеспечению учебного процесса. Жанровая система педагогического дискурса представляет собой совокупность исторически сложившихся вербально выражаемых устных и письменных форматов коммуникации, направленной на социализацию новых членов общества. Развитие современных технологий привело к необходимости осмысления возможностей и рисков, обусловленных использованием этих технологий в педагогическом дискурсе, прежде всего применительно к дистантному общению и коммуникации с нейросетью.

Ключевые слова: педагогический дискурс, институциональная коммуникация, типы знаний, ценности, нормы, традиции, жанры общения.

© Карасик В. И., 2023

Для цитирования: Карасик, В. И. (2023). Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>

Original article

UDC 81'42:37

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10

LINGUISTIC AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF PEDAGOGICAL DISCOURSE

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The paper deals with pedagogical discourse treated as a type of institutional communication determined by a functional demand of any society to socialize its new members. Three types of such discourse have been described in Linguistics: a pedagogical discourse proper, an academic discourse and a classroom communication. Socialization of new society members is realized by transferring knowledge and forming the necessary competences and skills. A very important feature of pedagogical discourse is applying a scientific worldview to the level of a student. This type of institutional communication is characterized by certain emblematic properties of its agents. Values, norms and traditions of this discourse are mainly concentrated in the expression of reverence for learning and respect to teachers and students and corresponding modes of behavior. The ethnic specificity of pedagogical discourse is mostly evident in the traditions shared by different cultures. Communicative strategies of pedagogical discourse are determined by its essential features — measured adaptation of transferred information and skills in the forms of explanation, control, evaluation and organization of learning. The genre system of pedagogical discourse makes up a combination of verbal modes of oral and written communication aimed at socializing new members of society. Modern technologies have a great impact on pedagogical discourse mainly in the spheres of distant education and neuron network.

Keywords: pedagogical discourse, institutional communication, types of knowledge, values, norms, traditions, genres of communication.

For citation: Karasik, V. I. (2023). Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>

Введение

Педагогический дискурс — один из важных типов институционального общения, неоднократно привлекавший к себе внимание ученых (Димова, 2002; Кан-Калик, 1987; Каратанова, 2001; Ленец, 1999; Милованова, 1998; Михальская, 1998; Олешков, 2012). Вместе с тем его разновидности, жанровая система, ценности и коммуникативные стратегии еще недостаточно освещены в лингвистической литературе. Лингвокультурные характеристики этого дискурса можно рассмотреть по следующему плану: системообразующая цель педагогической коммуникации, ее дискурсивные варианты; типовые участники; хронологические параметры; ценности, нормы и традиции; коммуникативные стратегии; жанры.

Цель и разновидности педагогического дискурса

Цель педагогического дискурса как социальной институции — социализация новых членов общества, т. е. приобщение их к ценностям общества, включая нормы поведения, традиции и систему знаний, определяющих культуру и коллективную идентичность ее носителей. Данный процесс осуществляется постоянно и имеет двоякий характер: ненамеренный и намеренный. В первом случае новоявленный член общества в различных коммуникативных ситуациях самостоятельно усваивает ранее неизвестную ему информацию и релевантные способы поведения, во втором случае специально подготовленные люди реализуют особым образом организованные формы и способы предъявления и закрепления соответствующих знаний, умений и навыков. Сегодня научно-технический прогресс вносит значительные изменения в институциональную организацию передачи и получения актуальной информации. Если раньше учитель или преподаватель университета выступал основным источником институционально закрепленной информации, то теперь она стала доступной всем пользователям Интернета, и задачей учителя становится сопровождение учащихся в поиске и усвоении необходимых знаний, умений и навыков.

С позиций когнитивной лингвистики следует отметить закономерное возрастание значимости и разнообразия знаний как сферы нашего бытия. Это вся система информации, образующая то, что В. И. Вернадский называл ноосферой: «Мысль и сознание — то совершенно новое проявление живого вещества, которое, сперва без самооценки и самосознания, выявляют в жизненной группировке живых сообществ — на наших глазах закончено захватом всей планеты человеком, сознается его единство и все увеличивающееся и все углубляющееся общение» (Вернадский, 1989, с. 229). В этом плане появление компьютеров и Всемирной сети как нового объективного пространства для хранения и переработки знаний представляется логичным развитием процесса, который французский математик XIX века Э. Леруа назвал цефализацией, т. е. мозговым преобразованием реальности.

Наука о знаниях — эпистемология — относится к сфере философии. Традиционно выделяют два основных типа знаний: фундаментальные, составляющие когнитивную базу нашего мировосприятия, и ориентационные, состоящие в указании на источники и способы усвоения фундаментальных знаний. В наше время наблюдается резкое смещение в балансе таких типов знания: необходимая информация о получении новых знаний — это моментальный ответ в системе Google, а постмодернистская установка на допустимость любой информации и замена достоверности аттрактивностью резко сокращают объем фундаментального знания в сознании многих наших современников. Различают также субстанциональные и прикладные (или практические) знания: первые сводятся к информации как таковой, вторые включают в себя непереносимое указание на сферу их приложения и практического использования. Что касается педагогического дискурса, особенно в сфере лингводидактики, то здесь прикладные знания играют определяющую роль в познании и освоении реальности. Весьма значимым является и противопоставление объективных и субъективных знаний. Речь идет, во-первых, об информации, которая охватывает все сферы человеческого бытия либо те сферы, которые релевантны для конкретного человека, и, во-вторых, об информации, подтвержденной и неподтвержденной. Говоря о субъективных знаниях, подчеркнем, что в педагогическом дискурсе крайне важен вопрос о связи знания и понимания.

В психологии и философии различают три типа понимания: семантическое, состоящее в узнавании объекта; когнитивное, представляющее собой многомерное осмысление характеристик объекта и его связей с другими объектами; и распремечивающее, сводящееся к применению полученной информации в практической деятельности.

Дискурсивные варианты педагогической коммуникации — это исторически сложившиеся и ситуативно закрепленные типы такого общения. Традиционно называют три основных типа педагогического дискурса: 1) собственно педагогический, который заключается в совместной речевой деятельности учителя и учащихся и обычно реализуется в средней школе, 2) академический, относящийся к общению преподавателей и студентов в университетах, 3) учебный, отражающий специфику моделируемой коммуникативной ситуации с акцентированным выделением этапов, трудностей и адаптации материала к уровню обучаемых. Последнее время чрезвычайно активно изучается академический дискурс (Дроздова, 2015; Зубкова, 2009; Крапивкина, 2015; Стеблецова, 2020). Описаны определенные лингвистически релевантные характеристики учебного дискурса (Габидуллина, 2009; Коротева, 1999; Токарева, 2005).

Педагогический дискурс граничит с другими типами дискурса, прежде всего с научным и просветительским, отличаясь от них по важнейшим системообразующим признакам. Цель научного дискурса — познание реальности и установление закономерностей действительности, цель просветительского дискурса — расширение кругозора большого числа людей в соответствии с их интересами. Дидактический компонент педагогического дискурса включает в себя адаптированную информацию, составляющую содержание научного дискурса, при этом в мотивационном плане элементы просветительского дискурса входят в разные типы педагогического дискурса. В лингвистике часто противопоставляются научная и обиходная (иногда называемая наивной) картины мира. Основные различия между этими областями знания состоят в обоснованности научного миропонимания и ограниченности, и стереотипности обиходного мировидения. Вместе с тем следует акцентировать внимание на том, что научное знание эволюционирует и прежние аксиомы могут пересматриваться и признаваться ошибочными, а обиходное знание оказывается максимально приспособленным для решения нередко возникающих сиюминутных обычных проблем. Так, применительно к обучению иностранным языкам гипнопедия одно время считалась научно обоснованной методикой.

Компоненты педагогического дискурса

Типичные участники педагогического дискурса — учитель, или преподаватель, с одной стороны, и учащийся, или студент, — с другой. В лингвокультурном плане важно охарактеризовать типичное обращение к учителю, принятое в том или ином сообществе, и типичное обращение к ученику. Эти моменты коммуникативного поведения этнокультурно закреплены. Так, в дореволюционной России к студентам было принято обращаться по имени и отчеству. Учитывая стереотипы русского и американского поведения, стоит констатировать, что коммуникативная дистанция между учениками и учителем в школе и между студентами и преподавателями в университете различна. В России между учителем и учениками в школе наблюдается более тесная эмоциональная взаимосвязь, чем между преподавателями и студентами в университете; в США имеет место противоположное соотношение, обусловленное прежде всего кампусной организацией

университетской жизни. Разумеется, в разных школах и университетах это соотношение специфично. Существует некая лингвокультурная эмблематика внешних признаков участников педагогического дискурса. В России преподаватели гимназий ходили в униформе, в СССР у школьников была стандартная форма одежды, сегодня во многих школах есть знаковые формы одежды и/или аксессуары. Выпускники американских университетов узнают друг друга по галстукам или перстням. В университетах для официальных церемоний созданы особые виды одежды — мантия и бакалаврская шапочка.

Как и всякое институциональное устное общение, педагогический дискурс имеет определенные характеристики, составляющие его хронотоп — единство времени и места. Применительно к темпоральным особенностям этого дискурса в его различных жанрах следует отметить обязательность вербального выражения начала и окончания общения, каноническую длительность его основных жанров (урок, лекция, экзамен, родительское собрание, защита дипломной работы); типичной локацией этого дискурса служит учебная аудитория, в которой обозначены места для учителя и учеников. Подчеркнем, что в наши дни отступают от канонического противопоставления этих мест: столы ставят в виде круга, в связи с внедрением новых технических средств обучения видоизменяется внешний вид учебных аудиторий. Широкое использование дистантных форм обучения привело к образованию новых стереотипов педагогического хронотопа.

Важнейшим компонентом любого дискурса выступают ценности — смыслообразующие ориентиры поведения, определяющие мировосприятие участников общения. В аксиологии выделяются различные подходы к классификации ценностей. По объекту оценивания противопоставляются витальные, утилитарные, моральные и терминальные ценности. Первые усваиваются с детства как базовые ориентиры поведения (боль — это плохо, вкусная еда — хорошо, похвала — это хорошо, а порицание — плохо и т. д.). Утилитарные ценности характеризуют объекты как полезные и вредные и сводятся к большому числу различных правил и советов (надо рассчитывать свои усилия и время, нельзя быть легковерным, нужно одеваться по погоде и т. д.). Моральные ценности представляют собой запреты и предписания, формирующие должное поведение (следует уважать старших, заботиться о слабых, выполнять свои обещания и т. д.). Терминальные ценности составляют основу мировосприятия (свои и чужие, смысл жизни, отношение к судьбе и т. д.). По субъекту оценивания противопоставляются общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, групповые и индивидуально-личностные ценности. Общечеловеческие ценности объединяют базовые ориентиры поведения всех людей в любую эпоху; цивилизационные — относятся к приоритетам отдельных сообществ в конкретный период (отношение к старикам, экологическое мировосприятие); этнокультурные ценности состоят в большей или меньшей значимости неких характеристик поведения в данном сообществе (щедрость значима для русских, приватность — для англичан, сохранение лица — для китайцев, способность жить с удовольствием — для французов, и др.); групповые ценности уточняют мировосприятие участников общения; также существует гендерная, возрастная, профессиональная специфика поведения коммуникантов. Отметим, например, понимание любви представителями старшего возраста в России (*Внучок меня любит, жалеет*). Индивидуальное мировосприятие может вносить определенное уточнение в ценностную картину мира (это относится большей частью к вкусовым предпочтениям). По конкретизации оценивания мы противопоставляем ценности, нормы и традиции (обыкновения). Ценности в таком сопоставлении представляются

базовыми ориентирами поведения; нормы являются уточнениями ценностей применительно к разным ситуациям, сводятся к запретам и предписаниям и закреплены в кодексах или неписаных установках мировосприятия; традиции — это стихийно сложившиеся образцы поведения, их соблюдение носит рекомендательный, но иногда и императивный характер.

С учетом сказанного можно выделить следующие ценности педагогического дискурса: уважение к своему сообществу, учителям, ученикам, знаниям, право учеников на ошибки и др. В одной из прежних работ мы попытались схематически представить список ценностей педагогического дискурса.

Полный список составить весьма трудно по нескольким причинам: во-первых, педагогический дискурс служит основой для формирования мировоззрения, поэтому почти все моральные ценности заложены в нем; во-вторых, он в некоторых аспектах пересекается с религиозным, научным и политическим типами дискурса, вследствие чего трудно выделить собственно педагогические стороны ценностей; в-третьих, ценности дискурса несут идеологический заряд, в связи с чем в разных идеологических системах возможны расхождения в соответствующих ценностях; наконец, ценностная картина мира состоит не из дискретных образований, а из континуума, который членится людьми с известной долей условности. Тем не менее можно представить список, открытый для модификаций и корректировок:

– Жизнь есть благо, поэтому следует ценить свою жизнь, ближних и дальних людей, живых существ.

– Познание есть благо, поэтому надлежит учиться. Следствия: надо с почтением относиться к учителю, источникам знания, прежде всего книгам, процессу учения и месту обучения.

– Знания приходят с опытом и возрастом, поэтому подобает с почтением относиться к старшим. Следствия: старшие должны наставлять младших, а им стоит учиться у старших.

– Учение сопряжено с преодолением трудностей, поэтому нелишне проявлять упорство и настойчивость. Следствия: необходимо поощрять упорных и порицать нерадивых учеников, рекомендуется помогать обучающимся.

– Учение связано с ошибками, поэтому важно замечать и исправлять их.

– Знания могут быть глубокими и поверхностными, полагается стремиться к получению глубоких знаний. Следствия: надо почитать носителей глубоких и достоверных знаний, проверять поверхностные знания.

– Знания передаются постепенно, поэтому надлежит определять меру знания для ученика. Следствия: стоит передавать знания ученикам, подготовленным к их усвоению, избегать поспешности и замедленности в обучении.

– Знания закрепляются в повторениях, упражнениях и практике, поэтому нужно многократно повторять то, что должно быть усвоено.

– Учитель должен быть образцом для ученика (Карасик, 2002, с. 212).

На уровне норм выделяются определенные запреты в педагогической коммуникации: нельзя демонстрировать равнодушие и презрение к педагогической деятельности, осуществлять ее без профессиональной подготовки, унижать учеников и учителей, вторгаться в личную жизнь учащихся, ставить необоснованные и произвольные оценки, давать невыполнимые задания. Заслуживает внимания предписание, выраженное в одном из древних трактатов: *Пусть честь твоего ученика будет тебе так же дорога,*

как *твоя собственная* (Авот). Существуют предметно-ориентированные запреты и предписания в педагогическом процессе: например, при обучении иностранному языку нельзя вслух повторять ошибку ученика. Есть определенные традиции в педагогическом дискурсе: в некоторых сообществах регламентируется внешний вид студентов, правила приветствия учеников, оформление письменных работ. Приведем пример требований к оформлению курсовых работ (цитата дана с сохранением авторской орфографии и выделений полужирным. — В. К.):

1. Шрифт для курсовой работы по госту должен быть не менее **12 пт**. Стандартно рекомендуют **Times New Roman**.
2. Согласно правилам оформления курсовой работы по ГОСТ выбирают **межстрочный интервал, равный 1,5**.
3. Каждый новый абзац начинают с красной строки, выбирая отступ, равный 1,25 см.
4. Весь основной текст выравнивают **по ширине**.
5. Важно выставить правильные поля документа: у левого по ГОСТ ширина должна быть не менее **3 см**, у правого — **1 см**, у верхнего и у нижнего — по **2 см**.

(<https://zaochnik.ru/blog/standarty-oformlenija-kursovoj-raboty-po-gostu>)

В наши дни сложилась традиция предоставления результатов выполненных работ в форме презентаций. Сформулированы рекомендации к таким презентациям (в приведенном отрывке сохранены авторские орфография и пунктуация. — В. К.):

...4. Оптимальное количество слайдов для доклада на 10 минут: 13–15 слайдов.

5. Структура презентации:

1-й слайд — титульный,

2-й — план выполненной работы,

3-й — цели и задачи исследования, объект и предмет исследования, гипотеза,

4-й — основные этапы работы,

5–9-й — полученные результаты,

10–11-й — выводы и рекомендации,

12-й — список источников,

13-й — практическое применение,

14 или 15-й благодарность за внимание, информация для контактов и вопросов.

6. Слайды следует пронумеровать, что удобно для вопросов и создания акцентов...

10. В презентации должны использоваться четкие стили шрифта, хорошего для зрения размера (№ 40–36 на заголовках, 24–28 на тексте). Помните, что черный и синий цвета воспринимаются лучше всего (на светлом фоне), красный цвет достаточно агрессивный, им выделяются те слова или предложения, на которых нужно заострить внимание. Хотя черный цвет считается неоптимистичным, читается в официальной презентации он четко и понятно.

(<https://pandia.ru/text/80/128/51539.php>)

Обратим внимание на то, что традиции в той или иной мере бывают конвенциональными.

Нормы поведения во время лекций или практических занятий в целом обусловлены задачами педагогического дискурса. Но в некоторых университетах США студенты во время лекций могут достать термосы или развернуть приготовленные заранее бутерброды, могут также неожиданно встать и покинуть аудиторию. Опоздавшие заходят в лекционную аудиторию и быстро занимают свободные места, преподаватели обычно не делают им замечаний. В некоторых военных учебных заведениях нашей страны курсанты, не подготовившиеся к занятию, в ответ на вопрос преподавателя,

почему не выполнено то или иное задание, отвечают: «Недопонял». Опросы студентов показывают, что сегодня в нашей стране весьма болезненно воспринимаются такие нарушения академического дискурса, как вторжение преподавателей в личную сферу студентов в виде комментариев или шуток. В англоязычном мире подобные отступления от нормы сразу же квалифицируются как harassment (издевательство) и влекут за собой немедленное увольнение преподавателей. Недопустимым в педагогическом общении является выделение любимчиков — тех учеников, которые нравятся учителю и поэтому получают незаслуженно высокие оценки. Похожие типажы есть во многих лингвокультурах, например *a blue-eyed boy* — *Someone's blue-eyed boy is a young man who they like better than anyone else and who therefore receives better treatment than other people. In US use fair-haired boy*¹ (Collins COBUILD).

Коммуникативные стратегии представляют собой структурированные цели, в которых конкретизируются этапы и средства реализации дискурса. Применительно к педагогическому дискурсу можно выделить объясняющую, контролирующую, оценивающую и организующую стратегии.

Объясняющая стратегия определяется общей целью этого типа дискурса — способствовать социализации нового члена общества, в вербальной форме выражая систему норм и необходимых знаний и умений. При этом передаются не только знания, т. е. сложившаяся в обществе система сведений, признаваемая в качестве коллективного достояния, но и мнения, т. е. индивидуальные субъективные представления. Сообщая учащимся новую для них информацию, учитель в той или иной степени показывает свое отношение к ней. Эмоциональное состояние преподавателя не менее значимо, чем сумма знаний, которую он транслирует. Как известно, информация субстанционального типа достаточно быстро выветривается из памяти учащихся. Именно поэтому педагоги и психологи постоянно ищут новые способы вовлечения учеников в познавательную-учебную деятельность. В свое время метод проектов получил широкое распространение. Его плюс — активное эмоциональное участие школьников в усвоении новых знаний и понимание взаимосвязи разных областей знания, его минусы — неизбежный отказ от системного представления мира и понижение значимости рационального способа осмысления учебного материала. Данный метод активно использовался в советских школах, а затем был признан ошибочным. В современный период интенсивно продвигается идея геймификации учебного процесса. Игра способствует повышению интереса учеников к обучению, но превращение его в игру приводит к серьезным просчетам в воспитании, а именно к отказу школьников преодолевать трудности в познании реальности. Выход из этого тупика состоит в рациональном сочетании игровых, эвристических и традиционных способов совместной учебной деятельности учеников и учителя.

Объяснять — значит называть, характеризовать, определять, соотносить, обобщать, конкретизировать, интерпретировать, переформулировать. Называя что-либо в педагогическом дискурсе, учитель показывает, произносит имя, отчетливо проговаривая его, выделяет наименование предмета из слов в составе высказывания. Назвать — значит предъявить, обозначить и акцентировать. Характеризуя названное явление, учитель раскрывает его признаки. Последовательно перечисляя свойства

¹ Любимчик (букв. голубоглазый мальчик) — любимчик кого-либо — это молодой человек, которого любят больше, чем других, и к которому поэтому лучше относятся, чем к другим. В США используется выражение «светловолосый мальчик» (перевод мой. — В. К.).

и качества предмета, учитель приходит к выделению наиболее существенных признаков, т. е. к определению понятия. Если логическое определение строится на родовидовом соотношении признаков, то для педагогической дефиниции требуется не столько научная точность, сколько соответствие новой информации уровню знаний адресата. Важнейшим условием успешного педагогического дискурса выступает дозированная адаптация знаний по отношению к подготовке учащегося (Первухина, 2014).

Различные виды оценивающей, контролирующей и организующей коммуникативных стратегий в педагогическом дискурсе детально описаны в педагогической и психологической литературе и легко поддаются лингвистической интерпретации.

Жанры речи представляют собой исторически сложившиеся, ситуативно обусловленные, вербально организованные форматы коммуникации. В педагогическом дискурсе в средней школе сформировались такие жанры, как урок, экзамен, родительское собрание, беседа учителя с учеником, дневник и др. Наиболее важные жанры распадаются на субжанры, например обычный урок, урок-экскурсия, урок-зачет и др. Основными системообразующими признаками жанра служат функциональные потребности социального института, которые воплощаются в ролевых предписаниях коммуникативного поведения участников соответствующего события. Жанр не сводится к определенным лексическим, фразеологическим и грамматическим единицам, но должен соответствовать своей прототипной тональности. Педагогический дискурс в целом отвечает нормам литературного языка, иногда может включать в себя единицы высокого или сниженного регистра. Этот тип дискурса менее жестко запрограммирован, чем юридический дискурс в жанре судебного заседания, но более формализован, чем, например, рекламный дискурс. Некоторые жанры педагогического дискурса смыкаются с личностным дискурсом. Например, замечание учителя: *«Денис, обычно вы лучше готовитесь к занятиям»*. Отметим, что педагогический дискурс, как и любой институциональный, в своей исходной форме возникает на основе личностного дискурса, так говорят родители с детьми.

Новые проблемы педагогического дискурса

Стремительное развитие современных электронных технологий существенно повлияло на все типы коммуникации, включая педагогический дискурс. Этот вопрос, конечно, требует отдельного освещения. Но предварительно можно выделить две группы проблем: возможности и опасности дистантной коммуникации и общения с нейросетью. Дистантная коммуникация, получившая широкое распространение в период пандемии, стала одним из видов педагогического дискурса. В индивидуальном и микрогрупповом общении преподавателя и учащегося такой педагогический (и академический) дискурс в жанре консультаций оказывается вполне приемлемым, но в жанре лекций, стандартных уроков и других канонических форм коллективного взаимодействия данный формат коммуникации приводит к существенной потере эмоционального контакта между участниками дискурса. Нейросеть в ее нынешнем виде представляет собой приближение к искусственному интеллекту, способному порождать тексты и визуальные образы на любые темы. В качестве вспомогательного средства для поиска информации и обучения различным способам вербализации знаний эта система служит мощным подспорьем для преподавателей и учащихся. Вместе с тем вероятность машинного построения различных текстов, практически не отличимых от текстов, созданных людьми,

выхолащивает контролирующую функцию педагогического дискурса. Упреждение столь существенной опасности, которая ставит под вопрос объективную оценку институциональной познавательной деятельности, может вестись в двух направлениях: усложнение проверки оригинальности текста и возрастание значимости неподготовленного текста как непосредственно вербализуемого знания. Второе направление потребует серьезной перестройки базовых установок участников педагогического дискурса.

Заключение

Педагогический дискурс как тип институционального общения обусловлен функциональной потребностью социализировать новых членов общества. Его основными разновидностями являются собственно педагогический, академический и учебный дискурс. Этому типу институционального общения присущи определенные характеристики его субъектов, часто имеющие эмблематическое выражение. Ценности, нормы и традиции этого типа дискурса сводятся к проявлению уважения к обучению, учителю и ученику и вытекающим из этого уважения моделям поведения. Наиболее ярко этнокультурная специфика педагогического дискурса воплощается в свойственных ему традициях в той или иной лингвокультуре. Коммуникативные стратегии педагогического дискурса обусловлены его сущностными признаками — дозированной адаптацией транслируемых знаний и формируемых умений и навыков — и сводятся к объяснению, контролю, оценке и организационному обеспечению учебного процесса. Жанровая система педагогического дискурса представляет собой совокупность исторически сложившихся, вербально выражаемых, устных и письменных форматов коммуникации, направленной на социализацию новых членов общества.

Список источников

1. Димова, Г. В. (2002). Поведение преподавателя как «дискурсивной» личности в педагогической интеракции. *Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика». Вып. 4. Языковые явления в исторической ретроспективе и перспективе: эпистемология, диахрония, типология*, 152–159.
2. Кан-Калик, В. А. (1987). *Учителю о педагогическом общении*: книга для учителя. Просвещение.
3. Каратанова, О. А. (2001). Педагогический дискурс как один из видов институционального общения. *Вестник ВолГУ. Серия 9(1)*, 103–106.
4. Ленец, А. В. (1999). *Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск].
5. Милованова, Ж. В. (1998). Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса. *Языковая личность: жанровая речевая деятельность*: тезисы докладов научной конференции. Перемена, 63–64.
6. Михальская, А. К. (1998). *Педагогическая риторика: история и теория*. Академия.
7. Олешков, М. Ю. (2012). *Педагогический дискурс: учебное пособие*. Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.
8. Вернадский, В. И. (1989). *Биосфера и ноосфера*. Наука.
9. Дроздова, Д. Р. (2015). Основные манипулятивные тактики в академическом дискурсе. *Балтийский гуманитарный журнал*, 1(10), 28–30.
10. Зубкова, Я. В. (2009). Конститутивные признаки академического дискурса. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки»*, 5(39), 28–32.

11. Крапивкина, О. А. (2015). Вербализация субъекта в академическом дискурсе. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*, 4(34), 121–124. <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2015-4-121-124>
12. Стеблецова, А. О. (2020). Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: Эволюция направлений и концепций. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 19(5), 5–13.
13. Габидуллина, А. Р. (2009). *Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Донецк].
14. Коротеева, О. В. (1999). Загадка как вид учебной дефиниции в ситуации реального общения. *Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики*. Перемена, 51–56.
15. Токарева, П. В. (2005). Коммуникативные стратегии и тактики в учебном дискурсе. *Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе: материалы конференции*, 199–204.
16. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Перемена.
17. Стандарты оформления курсовой работы по ГОСТу 2023 + образец. (2023). *Заочник.ру*. <https://zaochnik.ru/blog/standarty-oformlenija-kursovoj-raboty-po-gostu>
18. Ливанская, И. (2023). Требования к презентации для защиты учебно-исследовательской работы обучающихся. *Pandia.ru*. <https://pandia.ru/text/80/128/51539.php>
19. Free online dictionary, thesaurus and reference materials. (2023). *Collins*. <https://www.collinsdictionary.com>
20. Первухина, С. В. (2014). *Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста*: монография. ФГБОУ ВПО РГУПС.

References

1. Dimova, G. V. (2002). The behavior of the teacher as a «discursive» personality in pedagogical interaction. *IGLU Bulletin. The series «Linguistics». Vol. 4. Linguistic phenomena in historical retrospect and perspective: epistemology, diachrony, typology*, 152–159. (In Russ.).
2. Kan-Kalik, V. A. (1987). *To the teacher about pedagogical communication: teacher's book*. Prosveshchenie. (In Russ.).
3. Karatanova, O. A. (2001). Pedagogical discourse as one of the types of institutional communication. *Science Journal of Volgograd State University. Series 9(1)*, 103–106. (In Russ.).
4. Lenets, A. V. (1999). *Pragmalinguistic diagnostics of the speech behavior of a German teacher* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Pytigorsk]. (In Russ.).
5. Milovanova, J. V. (1998). Genre-speech features of pedagogical discourse. *Linguistic personality: genre speech activity: abstracts of scientific conference reports*. Peremena, 63–64. (In Russ.).
6. Mikhalskaya, A. K. (1998). *Pedagogical rhetoric: history and theory*. Academia. (In Russ.).
7. Oleshkov, M. Yu. (2012). *Pedagogical discourse: textbook*. Nizhny Tagil. State socio-pedagogical academy. (In Russ.).
8. Vernadsky, V. I. (1989). *Biosphere and noosphere*. Nauka. (In Russ.).
9. Drozdova, D. R. (2015). The main manipulative tactics in academic discourse. *Baltic Humanitarian Journal*, 1(10), 28–30. (In Russ.).
10. Zubkova, Ya. V. (2009). Constitutive attributes of academic discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 5(39), 28–32. (In Russ.).
11. Krapivkina, O. A. (2015). Subject verbalization in academic discourse. *Science Vector of Togliatti State University*, 4, 121–124. <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2015-4-121-124> (In Russ.).
12. Stebletsova, A. O. (2020). Academic discourse in Western research at the turn of the 21st century: Evolution of approaches and concepts. *Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 19(5), 5–13. (In Russ.).

13. Gabidullina, A. R. (2009). *Educational and pedagogical discourse: categorical structure and genre originality* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.02. Donetsk]. (In Russ.).
14. Koroteeva, O. V. (1999). *Riddle as a kind of educational definition in real communication. Linguistic personality: Aspects of linguistics and linguodidactics*. Peremena, 51–56. (In Russ.).
15. Tokareva, P. V. (2005). Communicative strategies and tactics in educational discourse. *Issues of modern philology and methods of teaching languages at the university and school: conference materials*, 199–204. (In Russ.).
16. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Peremena. (In Russ.).
17. Standards for the design of the course work according to GOST 2023 + sample. (2023). *Zaochnik.ru*. <https://zaochnik.ru/blog/standardy-oformlenija-kursovoj-raboty-po-gostu> (In Russ.).
18. Lebanese, I. (2023). Requirements for the research paper presentation design. *Pandia.ru*. <https://pandia.ru/text/80/128/51539.php> (In Russ.).
19. Free online dictionary, thesaurus and reference materials. (2023). *Collins*. <https://www.collinsdictionary.com> (In Russ.).
20. Pervukhina, S. V. (2014). *Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text: monograph*. FGBOU VPO RGUPS.

Информация об авторе

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Information about the author

Vladimir I. Karasik — Doctor of Philology, Full Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 808.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.11

КЛАССИЧЕСКИЕ ДОСТОИНСТВА И НОВОВВЕДЕНИЯ СРЕДИ ТРАДИЦИОННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ РЕЧИ

Аннушкин Владимир Иванович¹,
Вэнь Суя²

^{1,2} Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия

¹ vladannushkin@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3121-4215, SPIN 2072-8658

² suyawen@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-9814-5950

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию богатейшего материала для называния достоинств и недостатков речи, который имеется в мировой и отечественной традиции. Исследователи современных речекommunikативных дисциплин обращаются, как правило, к ограниченному кругу коммуникативных качеств речи, однако риторико-стилистическая классика предлагает существенное увеличение состава слов, описывающих положительные и отрицательные свойства речи. Практический опыт реального употребления слов с характеристикой качеств речи также говорит о перспективах пополнения их состава. Такая классификация могла бы включать в себя, кроме классических коммуникативных качеств, активно используемые в характеристиках речи термины (живость, краткость, благозвучие, плавность и др.), новую современную терминологию наук о речи (эффективность, действенность, целесообразность и др.), огромный пласт качеств-нетерминов, метафорически осмысляющих речь и требующих всестороннего научного изучения и описания. Данная проблематика имеет значение не только для исследований прагматики, коммуникативистики и других новейших дисциплин, но и для речевой практики, в частности для оптимизации устных публичных выступлений.

Ключевые слова: коммуникативные качества речи, достоинства речи, совершенства речи, слог, стиль.

Для цитирования: Аннушкин, В. И., Вэнь, С. (2023). Классические достоинства и нововведения среди традиционных коммуникативных качеств речи. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 130–140. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.11>

Original article

UDC 808.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.11

**CLASSICAL ADVANTAGES AND INNOVATIONS
AMONG THE TRADITIONAL COMMUNICATIVE
QUALITIES OF SPEECH****Vladimir I. Annushkin¹,
Wen Suya²**^{1,2} Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia¹ vladannushkin@mail.ru, orcid.org/0000-0003-3121-4215, SPIN 2072-8658² suyawen@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-9814-5950

Abstract. This article describes the richest material for naming the advantages and disadvantages of speech, which is available in the world and domestic tradition. Researchers working within the modern speech-communicative disciplines, as a rule, turn to a limited range of communicative qualities of speech, however, the rhetorical and stylistic classics offer a significant increase in the composition of words describing the positive and negative properties of speech. The practical experience of the real use of words that describe the qualities of speech also signifies about the prospects of replenishing the composition of these words. Their classification could include, in addition to the classical communicative qualities, terms actively used in the characteristics of speech (liveliness, brevity, euphony, smoothness, etc.), the new modern terminology of the sciences of speech (efficiency, efficiency, expediency, etc.), a huge layer of qualities-non-terms that metaphorically interpret speech and requiring comprehensive scientific understanding and description. This issue is important not only for the research of pragmatics, communication studies and other new disciplines, but above all for speech practice, in particular, to optimize oral public speeches.

Keywords: communicative qualities of speech, dignity of speech, perfection of speech, syllable, style.

For citation: Annushkin, V. I., Wen, S. (2023). Classical advantages and innovations among the traditional communicative qualities of speech. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 130–140. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.11>

Введение

Категория «коммуникативные качества речи», оформленная впервые в работе Б. Н. Головина «Основы культуры речи», вовсе не является чем-то принципиально новым для истории филологической науки. Все хорошо знают десять основных коммуникативных качеств, которые представлены в книге Б. Н. Головина и постоянно присутствуют в энциклопедиях и словарях, изучаются и описываются в трудах отечественных ученых — классиков русской риторики и словесности. Для советского времени Б. Н. Головин, несомненно, был новатором, когда в 1980 году заявил о таких качествах речи, как *правильность, чистота, точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность, уместность*, и целую главу своей книги посвятил *богатству речи* (здесь и далее курсив наш. — В. А., С. В.) (Головин, 1988, с. 29). Однако в настоящее время эта теория требует

существенных обновлений и дополнений, поскольку не только предшествующие ученые-русисты писали о качествах речи, называя их то достоинствами, то совершенствами, то условиями, то требованиями к хорошей речи, но и наши современники внесли много новаторских предложений по обновлению вышеприведенного списка качеств речи.

Данная проблема имеет принципиальное значение для любых видов и жанров словесности, поскольку создание и оценка речи осуществляются по качественным показателям и, как будет установлено далее, не только определения самих наук о речи учитывают ее качества, но и описания самого языка и текстов в нем, как правило, ориентируются на качества и оценки речи. Особое значение эта проблема имеет для таких видов словесности, как устная публичная речь, поскольку именно с нее начиналась риторика как наука и искусство убедительной и целесообразной речи, а сегодня множество речесукоммуникативных дисциплин (например, прагматика, коммуникология, коммуникативистика, имиджелогия, связи с общественностью и др.) обращаются именно к данным характеристикам при исследовании современного дискурса — см. наше описание классических и современных речесукоммуникативных дисциплин в статье: (Annushkin, Budnik, & Zsukova, pp. 225–236).

Далее в кратком пересказе представлена эволюция историко-семантической классификации качеств речи в русской филологической традиции с тем, чтобы показать перспективу изучения данной темы в наше время. При этом использовались следующие методы исследовательской работы: *историко-описательный* (при поиске интересующей нас терминологии); *сравнительно-сопоставительный* (при сопоставлении и анализе эволюции состава терминов от эпохи к эпохе); *контекстуально-семантический* (с анализом смыслов найденных слов-терминов); *классификационно-культурологический*, поскольку каждый анализируемый период так или иначе отражает особенности этапов отечественной культуры.

Качества-достоинства речи в античной теории языка и стиля

Еще в Античности теория языка и стиля строилась именно на описании качеств речи (положительных и отрицательных), которое включало в себя огромный, на первый взгляд, бессистемный перечень достоинств и недостатков речи. В публикуемых текстах наиболее авторитетного сборника «Античные теории языка и стиля» категории «качества речи» посвящен пространный раздел, где первыми и наиболее ценными у Диогена Лаэртия названы пять достоинств речи: «чистота эллинской речи, ясность, краткость, уместность, красота» (Античные теории, 1936, с. 191). В описаниях античных ученых эти качества как бы перемешаны и подпитывают друг друга, что доказывается следующим рассуждением из «Риторики для Герения»: «Изящество — это то свойство, благодаря которому любое отдельное место речи кажется сказанным чисто и откровенно. Даруется это свойство обстоятельной ясностью хорошего латинского языка. А хорошим латинским языком будет говорить тот, который сохраняет чистую разговорную речь свободной от всяких пороков» (Там же). Итак, изящество (красота), чистота, откровенность, ясность ассоциированы с хорошей речью, а, как известно, именно термин «хорошая речь» также присутствует

в современной теории коммуникативных качеств — он введен О. Б. Сиротининой (Сиротинина, 2001, с. 16–28), хотя точнее будет сказать, *восстановлен*, потому что, как справедливо утверждает В. В. Соколова, термин «хорошая речь» (при его несовпадении с правильностью речи) использовался многими лингвистами и писателями, в частности В. Г. Белинским (Соколова, 1995, с. 84).

Характерно, что Цицерон считал *чистоту* и *ясность* речи «само собой разумеющимися свойствами», поэтому даже не считал нужным их комментировать (Античные теории, 1936, с. 192–193). Возможно, что и в нашей работе целесообразно показать не традиционные качества речи, а те из них, которые, с точки зрения античных теоретиков, могут составлять достоинства речи. В сочинении Геренния «Об идеях» (заметим попутно, что качества речи, которые мы традиционно относим к стилю, рассматриваются в разделе, касающемся мыслей, или содержания речи) перечислены следующие достоинства речи: *стремительность, блистательность, живость, суровость, горячность, пространность, простота, сладостность, правдивость, мощность, величавость, внушительность, торжественность* (Там же, с. 200–208).

И вновь надо сказать, что названные качества (свойства и достоинства) описываются с опорой или ссылками друг на друга: «*Величавость*, как и *внушительность*, придаются речи следующими качествами: *торжественностью, пространностью, блистательностью, живостью*, а кроме того, и *стремительностью*, мало чем отличающейся от *суровости...*» (здесь и далее курсив наш. — В. А., С. В.) (Там же, с. 200).

Большинство качеств, выделенных в эпоху Античности, конечно, не входят в сферу анализа современного языковеда, хотя основание коммуникативным качествам речи положено именно в античных трактатах. Из перечисленных нетерминологических в современном понимании качеств речи большой интерес должна представлять *живость*, ибо теория живого слова, как и само словосочетание «живое слово», станет исключительно популярной в отечественной традиции XIX – начала XX века. Так, в конце XIX века одним из наиболее влиятельных научно-педагогических изданий был журнал «Живое слово» (Барсов, 1889), а в начале XX века большую популярность в научно-театральных кругах приобрела концепция живого слова с апологетикой устной художественно-выразительной речи (Озаровский, 2009; Сережников, 1930, и др.). Этим же, безусловно претендующим на терминологичность, словосочетанием будет назван Институт живого слова в 1918 году, оно часто встречается и сегодня в названиях современных школьных курсов (Ладыженская, 1986) и научных сборников (Живое слово..., 2015).

Особую часть теории коммуникативных качеств речи должны составлять пороки и недостатки речи, т. е. качества речи с отрицательным значением. О них также говорили античные ученые после описания достоинств речи. К недостаткам речи у Гермогена отнесены *сбивчивость* («противоположность точности»), *напыщенность, ребячливость* и *ложный пафос* (Античные теории, 1936, с. 208–209).

Очевидно, что большинство из упомянутых прилагательных не являются терминами, т. е. словами, отражающими определенное понятие с точным смыслом. Однако они, безусловно, обозначают качества и характеристики речи, поэтому можно говорить об их потенциальном вхождении в резервный состав коммуникативных качеств речи.

Качества-совершенства речи в классической отечественной риторике и словесности

Изучение трудов по риторике и словесности русских классиков отечественной филологии свидетельствует, что они постоянно обращались в описаниях хорошей речи (или языка?) к качественным оценкам языка-речи. Самым ранним и выразительным примером могут быть ставшие хрестоматийными слова М. В. Ломоносова о русском языке, которому ученый приписал следующие свойства: «*великолепие* испанского, *живость* французского, *крепость* немецкого, *нежность* итальянского, сверх того *богатство* и сильная в изображениях *краткость* греческого и латинского языков» — все это, конечно, характеристики, данные через описание качеств русской речи или языка (Ломоносов, 1952, с. 391). Правда, подобные характеристики не стали научной терминологией, хотя в предисловии к «Словарю Академии Российской» 1789–1793 годов его создатели, безусловно, испытывавшие влияние М. В. Ломоносова, писали о том, что составляет «*обилие, красоту, важность и силу языка*» (Словарь Академии Российской, 1789, Предисловие, с. I; см. также репринтное издание: *Словарь Академии Российской*. (2001). Т. I. Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой).

Анализ учебников риторики и словесности XVIII – первой половины XIX века показывает, что различные ученые довольно широко использовали характеристики качеств речи при описании украшенного стиля. Так, М. М. Сперанский в «Правилах высшего красноречия» 1792 года называл следующие «общие свойства слога»: *ясность, разнообразие, единство слога, равенство слога с материею* (Сперанский, 1844, с. 254).

Профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков, занимавший кафедру словесности и красноречия с 1804 по 1830 год, называл три традиционных стиля или слога («словесной одежды мыслей и чувствований»), но при этом каждому добавлял оригинальные характеристики: слог мог быть *блестящим, трогательным, цветущим, живописным, отрывистым, периодическим* (Мерзляков, 1828, с. 43). Большинство из приведенных свойств имеет метафорический характер, но каждое из них говорит о качествах речи; как и предыдущие, они могут быть преобразованы в существительные, например *трогательность, цветистость, живописность* и т. д.

Показательно, что большинство ученых-классиков упоминают не только положительные, но и отрицательные качества речи. Так, немецкий профессор Л. Г. Якоб, написавший в начале XIX века «Умозрение словесных наук», перечислял свойства слога в оппозициях, характеризующих положительные и отрицательные качества речи. Согласно его классификации слог мог быть: *исправным/неисправным, ясным/темным, определенным/неопределенным, простым/сложным (цветным, уборным), тяжелым/легким, естественным/перехитренным* и т. д. (Якоб, 1813, с. 29–31).

Оригинальное описание «образа словесного выражения мыслей и чувствований» представлено в «Военном красноречии» Я. В. Толмачева (Толмачев, 1825, с. 123), который систематизировал должные совершенства с позиции общих и частных, особенных свойств. К общим совершенствам отнесены *правильность, ясность и красота*, а «частные красоты слога» порождаются «действиями души писателя» (Там же) — его умом, воображением, страстью. «Особыми качествами» называется своеобразие авторской стилистики, которая определяется: 1) языком, 2) слухом, 3) вкусом, 4) познаниями, 5) дарованиями, 6) наклонностями и другими отношениями.

В зависимости от языка, вкуса, познаний формируются особые качества, или совершенства речи, — их перечень поражает разнообразием и богатством качеств, которые современный исследователь вполне мог бы отнести к коммуникативным:

1) от знания языка зависит *исправность, чистота, ясность, точность, ровность, мягкость, легкость, доброгласность*;

2) по различию вкуса выделяют *строгость, важность, роскошность, благородство*;

3) от предмета, круга и степени познания зависит *безыскусственность, естественность, ученость, точность, твердость, метафоричность* (Толмачев, 1825, с. 98).

Преподававшие в Царскосельском лицее профессора Н. Ф. Кошанский и А. И. Галич предлагали собственные общие начала стиля, которые отличались от тех, что были сформулированы их предшественниками, оба автора дали особый перечень положительных и отрицательных свойств речи. Н. Ф. Кошанский, учивший лицеистов с 1811 по 1828 год, посвятил достоинствам и недостаткам слога в «Общей риторике» 1829 года целую главу, подробно, с примерами описав каждое достоинство и противопоставив ему недостатки. Например, *ясности* противопоставлены *темнота* или *непонятность*; *приличию, благопристойности, вкусу* — *неприличие, несообразность, нелепость*; *чистоте слога* — *использование архаизмов, барбаризмов, солецизмов, небрежность*; *плавности* — *принуждение*; *эвритмии* — *тяжелый слог*; *гармонии и благозвучности* — *какофония* (Аннушкин, Волков, Макарова, 2013, с. 105–113).

Любимый лицеистами и преподававший в Лицее русскую словесность около года (с мая 1814-го по июнь 1815 года) А. И. Галич написал в 1830 году «Теорию красноречия», где перечислил особенности авторского слога по отношению к общим родам стиля следующими эпитетами: «1) *сухой*, 2) *простодушный, безыскусственный*, 3) *цветущий, щеголеватый, кудрявый*, 4) *растянутый, обильный*, 5) *сжатый*, б) *пылкий, страстный (патетический), увлекающий, стремительный*» (Галич, 1830, с. 69). Очевидно, А. И. Галич соотносил оценочную характеристику каждого качества с уместностью употребления в конкретном тексте, потому что *простодушие* или *цветистость, обилие* или *пылкость* могли быть и достоинствами, и недостатками слога писателя или оратора.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть более подробно взгляды других классиков русской словесности и риторики, однако налицо их заинтересованность в использовании обильных характеристик речи, которые могли быть как положительными, так и отрицательными качествами речи.

Анализ качеств речи в последующей отечественной традиции

Как ни странно, дальнейшее развитие теории качеств речи свидетельствует, что с критикой риторики в середине XIX века многочисленные последующие курсы теории и истории словесности (вплоть до 1917 года) уже не предлагали такого богатого набора качеств, но ограничивались лишь указанием на *правильность, ясность, точность, чистоту, изящество* и *изобразительность* — см. подробный анализ учебников Н. Ливанова, В. Я. Яковлева, П. В. Смирновского, П. Белоусова в нашей книге (Аннушкин, 2019, с. 34–42).

В трудах советских русистов до вышеприведенной работы Б. Н. Головина указания на качества речи встречаются отрывочно, и прежде всего в изысканиях по культуре речи, правда, они, в сущности, не выходят за рамки традиционных, уже проанализированных нами качеств. Так, С. И. Ожегов, разбирая понятие высокой культуры речи, показывал, что «это — умение *правильно, точно и выразительно* передавать свои мысли с помощью средств языка. *Правильной* речью именуется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но высокая культура речи состоит не только в следовании нормам языка. Она еще состоит и в умении найти *точное* средство для выражения своих взглядов, наиболее *доходчивое* (т. е. наиболее *выразительное*) и наиболее *уместное* (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)» (Ожегов, 1974 с. 287–288).

По-настоящему новаторским можно считать период перестройки российского образования в 1990-е годы, как бы мы ни оценивали в настоящий момент это сложное время. Сегодня можно объективно утверждать, что менялся образ человека, а вместе с ним и оценка качеств личности индивида, а вслед за этим и оценка качеств его речи. Безусловно и то, что в перечне подобных качеств сказалось влияние западных моделей образования, на которые мы были ориентированы, поэтому выделялись качества личности: *мобильность, динамизм, самостоятельность, способность к творчеству (креативность), компетентность*. Как следствие, рождались безусловно по-новому объясняемые качества речи: *эффективность, влияние, целесообразность* (риторика связывалась, как правило, с этими качествами), *действенность* (отсюда теория речевого воздействия), *конгруэнтность* и, конечно, *коммуникабельность*. В сущности, таким образом в жизни и науке формировался новый стиль, который в ряде исследований был национально независимым и самостоятельным, — см., например, толкование *эффективности* и *влиятельности* речи в брошюре о современной риторике Ю. В. Рождественского (Рождественский, 1989, с. 11–12).

Изменение стиля жизни каждый раз приводит к кардинальной перемене ориентаций на новые слова и понятия, в то же время очевидно, что предложение нового в культуре может базироваться только на традиционных отечественных ценностях. Поэтому при изобретении новых терминов и понятий следует учитывать устоявшуюся терминологию в такой важнейшей области русистики и филологии в целом, как теория и практика качеств речи, которые мы называем сегодня коммуникативными.

Выводы

Обращение к истории описания и эволюции качеств речи, которые назывались в отечественной традиции достоинствами, свойствами, условиями, совершенствами и пр., как и всесторонняя оценка качественных прилагательных и существительных, обозначающих качества речи, позволяет сделать следующие выводы с планированием перспектив будущих исследований:

1. Категория «качества речи» может потенциально включать в себя любое качественное прилагательное, которое метафорически предлагает оценочную характеристику речи.

2. Мировая и отечественная традиция выделила основной состав качеств, или достоинств, речи, которые с безусловностью представляют положительные свойства речи (*ясность, правильность, точность, чистота* и др.).

3. Современная наука по преимуществу ориентирована на состав коммуникативных качеств речи, которые были определены Б. Н. Головиным в 70–80-е годы XX века (их всего десять), однако очевидно, что этот состав может существенно пополняться за счет имевшихся в классических риториках и теориях словесности примеров (живость, плавность, гармония, благопристойность и мн. др.) и уже дополнился современными качествами в новых теориях речеведческих и коммуникационных наук (*эффективность, целесообразность, действенность* и др.).

4. Поскольку любое качественное прилагательное может характеризовать речь с образованием соответствующего существительного, называющего это качество, представляется актуальным составление «Полного словаря качеств русской речи», который включал бы в себя описание всех качеств речи, дающих не только положительные, но и отрицательные характеристики речи. В настоящее время нами ведется работа над составлением такого словаря, в него вошли качественные прилагательные на буквы *А, Б, О, М*. Примеры для словаря берутся из художественной литературы, новых сфер общения (например, Интернета), Национального корпуса русского языка.

5. Семантическая классификация качеств речи по признакам терминированности/нетерминированности содержит следующие уровни: 1) традиционные термины с положительной оценкой речи (*правильность, ясность, точность, чистота* и др.); 2) классические малоупотребляемые термины, активно применяемые в нынешних описаниях речи (*живость, краткость, полнота, благозвучие, плавность, легкость, естественность* и др.); 3) новые современные термины, имплицитно вошедшие в характеристики речи и, несомненно, ставшие ее качествами и требованиями (*эффективность, действенность, целесообразность, коммуникабельность, экспрессивность* и др.); 4) огромный пласт качеств-нетерминов, дающих характеристики речи в метафорическом осмыслении и требующих научного изучения и описания. Их число (согласно предварительному подсчету по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова) составляет около 500 единиц (см. пробные материалы нашего словаря на букву *А*: *абсурдность, агрессивность, актуальность, азартность* и т. д.) (Аннушкин, 2019, с. 61–62).

Предложенный анализ свидетельствует о научных перспективах исследования темы качеств речи (как коммуникативных, т. е. положительных свойств речи, так и отрицательных, из которых также выводятся правила речи). Он говорит о неисчерпаемом богатстве русского языка, в котором качественные прилагательные составляют основную функцию стилистического украшения речи и, как выясняется, имеют прямое отношение к характеристике человека и его главного отличия от других одушевленных существ — владения словом, языком, речью.

Список источников

1. Головин, Б. Н. (1988). *Основы культуры речи*: учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература». 2-е изд., испр. Высшая школа.
2. Annushkin, V. I., Budnik, E. A., & Zsukova, A. G. (2021). Communicative disciplines in modern science, pedagogical and public speech practice. In V. M. Shaklein (Ed.). *The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment*. Vol. 115. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, European Publisher, 225–236. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.25>
3. *Античные теории языка и стиля* (под общ. ред. О. М. Фрейденберг). (1936). ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство.

4. Сиротинина, О. Б. (2001). Основные критерии хорошей речи. В М. А. Кормилицина (Ред.) и др. *Хорошая речь*. Издательство Саратовского университета, 16–28.
5. Соколова, В. В. (1995). *Культура речи и культура общения*. Просвещение.
6. Барсов, А. В. (Сост.). (1889). *Живое слово для изучения родного языка: методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам, в связи с логикой, грамматикой и словесностью, для всестороннего развития и воспитания учащихся, согласно с требованиями педагогических принципов: практический курс 1-го класса*. Репринтное изд. Типография В. И. Исаева.
7. Озаровский, Ю. Э. (2009). *Музыка живого слова. Основы русского художественного чтения: пособие для чтецов, певцов, драматических и оперных артистов, ораторов, педагогов*. 2-е изд., доп. Либроком.
8. Сержников, В. К. (1930). *Музыка слова и школа оратора: пособие для ораторов, чтецов, актеров, поэтов, лекторов, школьных работников, певцов, преподавателей художественного чтения и драматического искусства, кружководов и композиторов*. 3-е изд. Гостипография им. К. Маркса.
9. Ладыженская, Т. А. (1986). Качества речи. В Т. А. Ладыженская (Ред.). *Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения*. Просвещение, 6–24.
10. *Живое слово: логос – голос – движение – жест: сборник статей и материалов* (под отв. ред. В. В. Фещенко; ред. кол. А. М. Айламазьян, В. В. Аристов, Е. М. Князева, И. Е. Сироткина). (2015). Новое литературное обозрение.
11. Ломоносов, М. В. (1952). Российская грамматика. *Полн. собр. соч.*: в 10 т. Т. VII. Труды по филологии. Издательство АН СССР, 389–578.
12. *Словарь Академии Российской. Ч. 1. От А до Г*. (1789). При Императорской Академии наук.
13. Сперанский, М. М. (1844). *Правила высшего красноречия*. И. Ветринский.
14. Мерзляков, А. Ф. (1828). *Краткая риторика*. Университетская типография.
15. Якоб, Л. Г. (1813). *Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Гейнрихом Якобом, коллежским советником и кавалером, издан от Главного правления училищ*. Часть шестая, содержащая умозрение словесных наук. При Императорской Академии наук.
16. Толмачев, Я. В. (1825). *Военное красноречие*. Напечатано иждивением Кабинета Его Императорского Величества.
17. Кошанский, Н. Ф. (2013). *Риторика*. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова (Ред.). Русская панорама; Кафедра.
18. Галич, А. И. (1830). *Теория красноречия*. При Императорской Академии наук.
19. Аннушкин, В. И. (2019). *Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции: учебное пособие*. 4-е изд., стер. Флинта.
20. Ожегов, С. И. (1974). *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. Высшая школа.
21. Рождественский, Ю. В. (1989). *Риторика публичной лекции*. Знание.

References

1. Golovin, B. N. (1988). *Fundamentals of speech culture: textbook for universities in the specialty «Russian language and literature»*. 2nd ed., rev. Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Annushkin, V. I., Budnik, E. A., & Zsukova, A. G. (2021). Communicative disciplines in modern science, pedagogical and public speech practice. In V. M. Shacklein (Ed.). *The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment*. Vol. 115. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. European Publisher, 225–236. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.25> (In English).
3. *Ancient theories of language and style* (under the general editorship of O. M. Freudenberg). (1936). OGIZ, State socio-economic Publishing House. (In Russ.).

4. Sirotinina, O. B. (2001). Basic criteria for good speech. In M. A. Kormilitsyna (Ed.). *Good speech*. Publishing House of Saratov University, 16–28. (In Russ.).
5. Sokolova, V. V. (1995). *Culture of speech and culture of communication*. Prosveshchenie. (In Russ.).
6. Barsov, A. V. (Comp.). (1889). *A living word for learning the native language: the methodology of the Russian language in stories and explanations based on literary samples, in connection with logic, grammar and literature, for the comprehensive development and education of students, in accordance with the requirements of pedagogical principles: a practical course of the 1st grade*. Reprint ed. Printing House of V. I. Isaev. (In Russ.).
7. Ozarovskiy, Yu. E. (2009). *Music of the living word. Fundamentals of Russian artistic reading: textbook for readers, singers, dramatic and opera artists, speakers, teachers*. 2nd ed., supplement. Librocom. (In Russ.).
8. Serezhnikov, V. K. (1930). *Music of the word and the Orator's School: a manual for speakers, readers, actors, poets, lecturers, school workers, singers, teachers of artistic reading and dramatic art, circle leaders and composers*. 3rd ed. K. Marx State Printing House. (In Russ.).
9. Ladyzhenskaya, T. A. (1986). Speech qualities. In T. A. Ladyzhenskaya (Ed.). *Living word: Oral speech as a means and subject of learning*. Prosveshchenie, 6–24. (In Russ.).
10. *The living word: logos – voice – movement – gesture: collection of articles and materials* (comp., ed. by V. V. Feshchenko; ed. by A. M. Aylamazyan, V. V. Aristov, E. M. Knyazeva, I. E. Sirotkina). (2015). New Literary Review. (In Russ.).
11. Lomonosov, M. V. (1952). Russian grammar. *Complete collection of works: in 10 vol.* Vol. VII. Works on Philology. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 389–578. (In Russ.).
12. *Dictionary of the Russian Academy. Part I. From A to G*. (1789). At the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
13. Speransky, M. M. (1844). *Rules of higher eloquence*. I. Vetrinsky. (In Russ.).
14. Merzlyakov, A. F. (1828). *Brief rhetoric*. University Printing House. (In Russ.).
15. Jacob, L. G. (1813). *The philosophy course for the gymnasiums of the Russian Empire, composed by Dr. Ludwig Heinrich Jacob, a collegiate adviser and cavalier; was published on behalf of the Main Board of Schools*. Part six, containing the speculation of the verbal sciences. At the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
16. Tolmachev, Ya. V. (1825). *Military eloquence*. Printed by the dependent of His Imperial Majesty's Cabinet. (In Russ.).
17. Koshansky, N. F. (2013). *Rhetoric*. V. I. Annushkin, A. A. Volkov, L. E. Makarova (Eds.). Russian Panorama; Department. (In Russ.).
18. Galich, A. I. (1830). *Theory of eloquence*. At Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
19. Annushkin, V. I. (2019). *Communicative qualities of speech in the Russian philological tradition: textbook*. 4th ed., ster. Flinta. (In Russ.).
20. Ozhegov, S. I. (1974). *Lexicology. Lexicography. Culture of speech*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
21. Rozhdestvensky, Yu. V. (1989). *The rhetoric of a public lecture*. Znanie. (In Russ.).

Информация об авторах

Владимир Иванович Аннушкин — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Вэнь Суя — аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Information about the authors

Vladimir I. Annushkin — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Russian Literature and Intercultural Communication Department, Pushkin State Russian Language Institute.

Wen Suya — Postgraduate student of Russian Literature and Intercultural Communication Department Pushkin State Russian Language Institute.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81'366.5'42:070

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.12

**РЕГУЛЯТИВНАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ РЕКЛАМНОГО МЕДИАДИСКУРСА****Козловский Дмитрий Валентинович**Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.,
Саратов, Россияkozlovskydv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются способы репрезентации модусной категории эвиденциальности в рекламном медиадискурсе. Актуальность работы определяется важностью конкретизации и дифференциации эвиденциальной семантики, конструируемой автором дискурса в ходе передачи различных сведений в эвиденциальном дискурсивном контексте, а также недостаточной изученностью эвиденциальности в данном ракурсе. Цель исследования состоит в раскрытии роли регулятивной эвиденциальности в актуализации интенциональной доминанты рекламного дискурса массмедиа. Задачи включают в себя: описание аксиологического и логического подвидов регулятивной эвиденциальности; выявление специфики функционирования указанных подвидов эвиденциальности в дискурсе. Материалом для изучения выступают 1000 эвиденциальных контекстов, полученных методом сплошной выборки из электронной версии американского журнала The New York Times. В ходе исследования применялся лингвосинергетический анализ модусной категории «эвиденциальность», что способствовало идентификации добавочной полимодальной семантики, помимо основного значения эвиденциальности, связанного с маркировкой источника сведений о произошедшем событии. Результаты работы показали, что семантика регулятивной эвиденциальности совпадает с полимодальной семантикой, присущей рекламному медиадискурсу. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что регулятивная эвиденциальность репрезентирует интенциональную доминанту рекламного медиадискурса, сопряженную с осуществлением информационно-воздействующей стратегии, в рамках которой автор стремится проинформировать адресата о продукте или услуге, формирует у потребителя определенное впечатление, а также фиксирует восприятие полученной информации с помощью экспрессивных, эмоциональных и логических средств. При этом преобладание аксиологического подвида эвиденциальности (51,3 % примеров) над логическим (48,7 % примеров) обусловлено более ярко выраженной семантикой аксиологической эвиденциальности, а также преимущественной репрезентацией значений данного подвида в узловых точках развертывания эвиденциального контекста.

Ключевые слова: эвиденциальность, медиадискурс, автор, субъект, интенциональная доминанта, лингвосинергетика.

Для цитирования: Козловский, Д. В. (2023). Регулятивная эвиденциальность в пространстве рекламного медиадискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 141–154. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.12>

Original article

UDC 81'366.5'42:070

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.12

**REGULATORY EVIDENTIALITY
IN THE SPACE OF ADVERTISING MEDIA DISCOURSE****Dmitry V. Kozlovsky**Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, Russiakozlovskydv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>

Abstract. This article examines the representation of the modus category of evidentiality in advertising media discourse. The study proves relevant due to the importance of identifying and describing the evidential semantics formed by the author in the process of transmitting information within the evidential context, as well as by the lack of findings comprised in terms of evidentiality in this perspective. The aim of the study is to define the role of regulative evidentiality in actualizing the intentional dominant of the mass media advertising discourse. The objectives of the study include: description of the axiological and logical subspecies of regulative evidentiality; revealing the features of these evidentiality subspecies functioning within discourse. The material of the study comprises 1000 evidential contexts obtained by continuous sampling method from the electronic version of the The New York Times magazine. The course of the study implied a linguistic and synergetic analysis of the modus category «evidentiality», which contributed to identifying the extra polymodal semantics in addition to the principal meaning of evidentiality associated with marking the source of information about the event. The results of the study represent that the semantics of regulative evidentiality coincides with the polymodal semantics inherent to advertising media discourse. This allows to state that regulative evidentiality represents the intentional dominant of the advertising media discourse associated with the implementation of an information-influencing strategy, within which the author seeks to inform the addressee about the product or service, forms a certain impression in the consumer, and also fixes the perception of the received information with the help of expressive, emotional and logical means. At the same time, the predominance of the axiological subtype of evidentiality (51,3 % of examples) over the logical one (48,7 % of examples) is associated with a more explicit semantics of axiological evidentiality, as well as the predominant representation of the meanings of this subtype at the nodal points of deployment of the evidential context.

Keywords: evidentiality, media discourse, author, subject, intentional dominant, linguistic synergy.

For citation: Kozlovsky, D. V. (2023). Regulatory evidentiality in the space of advertising media discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 141–154. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.12>

Введение / Introduction

Активное развитие цифровых технологий ознаменовало начало глобальной цифровизации. Формируемая в результате перевода печатных текстов в электронный формат цифровая среда обладает такими характеристиками, как глобальность, виртуальность, динамичность, мультимедийность, коммуникативность, личностная направленность, а также ситуативная обусловленность (Сидорова, 2014, с. 10).

В подобном ракурсе дискурс предстает как элемент виртуальной, коммуникативной и информационной системы интернет-медиа и образует новую форму представления и обработки информации (Иванова, 2017; Холодова и др., 2018). Итогом цифровизации дискурсивного пространства является возникновение современных дискурсивных регуляторов организации содержания транслируемых сведений, отражающих языковую картину мира автора/субъекта коммуникации, его интерпретацию и квалификацию информации, а также специфику оказываемого воздействия на конечного адресата (Спиридонова, 2019). Тем самым значимость приобретает исследование характера передаваемых данных, а также источника получения сведений (Викулова и др., 2016, с. 62). Указанные значения ключевые при определении эвиденциальной семантики дискурса и приводят к необходимости рассмотрения функционирования категории «эвиденциальность» в дискурсивном медиaprостранстве. Вследствие этого в качестве цели настоящей работы выступает выявление особенностей актуализации регулятивной эвиденциальности в массмедийном дискурсе.

В ходе исследования мы остановимся на изучении эвиденциальной семантики в контексте рекламного медиадискурса. Необходимо отметить, что ранее нами уже была рассмотрена специфика синергии полимодальных эвиденциальных значений и способы их экспликации в данном типе дискурса (Козловский, 2022). Однако при выполнении исследования не учитывалась роль регулятивной эвиденциальности при передаче интенциональной доминанты рекламного дискурса. Актуальность работы определяется значимостью уточнения и разграничения эвиденциальной семантики, формируемой автором рекламного объявления в процессе передачи информации для оказания некоего воздействия на конечного адресата, а также недостаточной изученностью эвиденциальности в подобном ракурсе. К задачам исследования относятся идентификация аксиологической и логической регулятивной эвиденциальности, а также выявление особенностей выражения данных эвиденциальных подвидов в дискурсивном пространстве массмедиа.

Методология исследования / Methodology

Материалом исследования выступают 1000 эвиденциальных контекстов, полученных методом сплошной выборки из электронной версии журнала *The New York Times* (NYT, 2022).

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе методом сплошной выборки было отобрано 200 статей рекламной направленности, в рамках которых было выделено 1000 эвиденциальных контекстов, характеризовавшихся эвиденциальной семантикой и составивших эмпирическую базу исследования. Поскольку указание на источник передаваемой информации относится к числу ключевых составляющих рекламы новостных ресурсов, в качестве материала исследования были выбраны эвиденциальные контексты, принадлежавшие к данному жанру рекламного дискурса.

Необходимость определения коммуникативно-прагматической направленности данных дискурсивных контекстов обусловила проведение второго этапа исследования. Обращение к лингвосинергетическому анализу позволило выявить базовую и добавочную эвиденциальную семантику, разграничить аксиологическую и логическую

эвиденциальность, а также раскрыть роль регулятивной эвиденциальности в реализации интенциональной доминанты рекламного медиадискурса.

Достижение целей исследования требует представления краткой характеристики лежащих в его основе понятий.

В целом под эвиденциальностью понимается некоторый способ экспликации источника информации при помощи специальных маркеров. Данная категория также указывает на то, каким способом была получена информация (Aikhenvald, 2018). Эвиденциальность обладает семантикой явного и скрытого указания на источник сведений, при этом смысловое значение данной категории не всегда закреплено за определенной языковой формой и может случайным образом выражаться формами, основное значение которых связано с актуализацией иных смыслов (Lazard, 2001, с. 360).

Современные лингвистические исследования предполагают рассмотрение *эвиденциальности* как модусной категории, выполняющей роль указания на источник сведений, выражающей отношение автора/субъекта коммуникации к передаваемому сообщению и обеспечивающей возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания и формирования на его основе отдельных смыслов для оказания необходимого воздействия на адресата/читателя (Murray, 2011; Лунина, 2020; Макарецев, 2014). Эвиденциальность может актуализироваться в дискурсивном пространстве с помощью лингвистических средств, включающих в себя глаголы, модальные слова, наречия, прилагательные, существительные, устойчивые словосочетания и формирующих десять групп эвиденциальных операторов: неявного указания, явного указания, выражения мнения, усиления значимости высказывания, уверенности в знании, мыслительной деятельности, сомнения, умственного восприятия, предчувствия, а также чувственного восприятия (Козловский, 2022).

В ходе экспериментального исследования применялся *лингвосинергетический анализ* категории «эвиденциальность». Данный метод репрезентирует универсальный способ исследования функционирования эвиденциальности в дискурсе, предполагает изучение специфики взаимопроникновения и взаимодополнения модусных смыслов, возникающих в результате синергии различных эвиденциальных операторов с показателями других модусных категорий. В подобном ракурсе рассмотрения категория «эвиденциальность» (Ev) предстает как центральный элемент синергетической модели и включает в себя значения модусных категорий «авторизация» (A), «восприятие» (Ap), «персональность» (Ps), «темпоральность» (T), формирующих *базовую эвиденциальную семантику* ($Evs = Ev + A + Ap + Ps + T$). Кроме того, эвиденциальность (Evs) может дополняться семантикой категорий «отрицание» (D), «модальность» (M), «оценочность» (Evl), «персуазивность» (P), «экспрессивность» (Ex), «эмотивность» (Emt) и «аппроксимация» ($Aprx$). Различные комбинации модусных значений Evs и D , M , Evl , P , Ex , Emt , $Aprx$ составляют *добавочную эвиденциальную семантику* (Козловский, 2022).

Выявление особенностей реализации базовой и добавочной эвиденциальной семантики становится возможным в ходе лингвосинергетического анализа эвиденциальных контекстов, характеризующихся ситуационным и речевым компонентами и репрезентирующих рекламную информацию о тех или иных товарах/услугах. Ситуационный компонент содержит описание определенного события/контекста, в рамках которого происходит презентация рекламируемого объекта, в то время как речевой компонент представляет эвиденциальное высказывание, в предварительной фазе (профазе)

которого находится эвиденциальный оператор, отражающий оценку информации автором и маркирующий ее источник, а исполнительная фаза (эпифаза) определяет, изменяет либо обобщает смысл, выразителем которого является профаза (Борботько, 2011). Таким образом, значение конкретного эвиденциального высказывания обусловлено порядком смыслов, репрезентируемых профазой и эпифазой, а интенциональная направленность рекламного медиадискурса формирует его эвиденциальный ресурс. С позиции лингвосинергетики точки указания на источник информации, а также точки актуализации оператора составляют узловые точки развертывания, в то время как к промежуточной области развертывания относится все остальное пространство эвиденциального контекста.

Алгоритм лингвосинергетического анализа эвиденциального контекста включает в себя пять ступеней: обозначение границ и структурно-тематической организации контекста; исследование его субъектно-объектной организации (C2, C3); идентификацию эвиденциальных операторов и определение базовой эвиденциальной семантики (Evs); изучение взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов, описание добавочной/полимодальной эвиденциальной семантики (D, M, Ev1, P, Ex, Emt, Aprx); определение специфики воздействия автора (C1) на адресата (O).

Возникающая в дискурсивном пространстве эвиденциальная семантика непосредственно связана с его *интенциональной доминантой*, определяющей характер повествования, его направленность и обусловленной коммуникативными намерениями автора дискурса (Шмелева, 2012, с. 43). Интенциональная доминанта также влияет на выбор автором тех или иных эвиденциальных операторов в процессе актуализации принципов лингвосинергетического взаимодополнения и взаимопроникновения модусных смыслов. Результатом данного процесса является формирование полимодальной семантики, воздействующей на адресата эвиденциального контекста. При этом интенциональная доминанта рекламного медиадискурса связана с присвоением оценочных знаний, дифференциацией и созданием определенного образа рекламируемого продукта, привлечением внимания, а также оказанием непосредственного воздействия на мнения и установки конечного потребителя с целью убедить приобрести товар либо воспользоваться предлагаемыми услугами (Тяллева, 2020, с. 52).

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Учет интенциональной доминанты рекламного медиадискурса способствует выявлению особой полимодальной семантики, возникающей в процессе передачи/маркировки источника сведений автором эвиденциального контекста, и позволяет говорить о реализации регулятивной эвиденциальности в дискурсивном пространстве рекламного медиадискурса. Нами было проанализировано 1000 контекстов, характеризующихся подобной семантикой.

Яркой особенностью *регулятивной эвиденциальности* является выбор автором/субъектом коммуникации актуального и проверенного источника сведений, обеспечивающего адекватную передачу содержания сообщения, его нацеленность на осуществление познавательной и интерпретационной деятельности, а также умение автора заинтересовать и акцентировать внимание адресата на наиболее важных элементах высказывания. Кроме того, данный вид эвиденциальности раскрывает

способность автора осуществлять квалификацию информации, оценивать вероятность и потенциальный эффект дальнейшего развития описываемых событий, тем самым воздействуя на процесс восприятия сообщения адресатом, а также стимулируя последнего мысленно сопоставлять полученные сведения с личным опытом, что способствует более четкому пониманию и обработке информации. Наконец, регулятивная эвиденциальность делает возможным достижение коммуникативных целей и задач автора при помощи убеждения читателя в истинном/ложном характере описываемых сведений и их источника, а также маркировки информации с опорой на оценочные, экспрессивные и эмоциональные языковые средства. С учетом специфики воздействия описываемый эвиденциальный вид разделяется на два подвида:

А. Аксиологическая эвиденциальность (51,3 % примеров). Данный подвид модусной категории «эвиденциальность» предполагает обращение автора/субъекта коммуникации к тактикам контрастивного анализа, обоснованных оценок, а также иллюстрирования в процессе передачи информации и обозначения ее источника. Рассмотрим реализацию аксиологической эвиденциальности, проанализировав следующий пример:

The prestige of The New York Times extends to our email portfolio — where readers trust The Times to deliver exceptional journalism straight to their inboxes. Editorial newsletters showcase the diverse voices of our well-known journalists as well as in-depth, expert commentary on an array of subjects that our readers are passionate about. Reach unique audiences via 40+ productized newsletters, including our flagship newsletter, The Morning, which had over 1.7 B+ unique opens in 2021. 85 % of subscribers say the native ads captured their attention and nearly as many agreed it inspired them to learn more about the advertised product. Our newsletter offerings reflect the breadth and depth of our newsroom. Editorial newsletters showcase The Times's trademark expert commentary that our readers have come to expect and connect with (NYT, 2022) / Авторитет The New York Times распространяется и на наше электронное почтовое портфолио, в рамках которого читатели доверяют The Times направлять превосходные журналистские материалы прямо на их почтовые ящики. Редакционная новостная рассылка представляет различные мнения известных журналистов, а также подробные экспертные комментарии по целому ряду тем, которыми увлечены наши читатели. Привлекайте уникальную аудиторию с помощью более 40 информационных новостных рассылок, включая нашу флагманскую рассылку The Morning, по которой в 2021 году было совершено более чем 1,7 миллиарда переходов. 85 % подписчиков говорят, что нативная реклама привлекла их внимание, и почти столько же признали, что она вдохновила их узнать больше о рекламируемом продукте. Предлагаемая нами информационная рассылка отражает широту и глубину нашего новостного отдела. Редакционная новостная рассылка представляет фирменные экспертные комментарии журнала The Times, которые всегда ждут наши читатели и с которыми они себя ассоциируют (здесь и далее перевод наш. — Д. К.).

Настоящий эвиденциальный отрывок представляет собой фрагмент рекламного объявления рассылки журнала The New York Times, описывающего преимущества оформления платной подписки на электронную версию таблоида. Эвиденциальная семантика репрезентируется посредством оператора уверенности в знании *trust* 'доверять', выражающего высокий уровень доверия читателей (O) к материалам, входящим в рассылку The New York Times (C2); оператора явного указания *showcase* 'представлять', позволяющего описать содержание редакторской рассылки (C3); операторов явного указания *say* 'говорить' и выражения мнения *agree* 'признавать', представляющих благоприятное мнение подавляющего большинства пользователей (C4)

о сопутствующей нативной рекламе; операторов усиления значимости высказывания *reach* 'привлекать', явного указания *reflect* 'отражать' и *showcase* 'представлять', демонстрирующих непосредственную засвидетельствованность автора рекламного сообщения (*C1*), оценивающего потенциальный положительный эффект использования предлагаемой информации и описывающего большие ожидания *O* от рассылки.

Анализируемый эвиденциальный контекст актуализирует эвиденциальную модель *Evs*. *C1* умело сочетает свою точку зрения с позицией *C2*, *C3* и *C4*, акцентируя внимание потенциального читателя (*O*) на основных преимуществах предлагаемой подписки. Кроме того, *C1* описывает процесс использования подписки, а также рассказывает об ожиданиях *O*. Тем самым *C1* оказывает эксплицитное воздействие на *O*, представляя приобретение подписки как свершившийся факт. Важно подчеркнуть, что восприятие *O* передаваемых сведений формируется *C1* при помощи конструирования и модификации информации, что выражается сочетанием базовой эвиденциальной семантики (*Evs*) со смыслами, репрезентируемыми другими модусными категориями.

В рамках актуализации принципа взаимопроникновения модусных смыслов употребляемый *C1* в повелительном наклонении эвиденциальный оператор усиления значимости высказывания *reach* 'привлекать' одновременно является маркером персуазивности (*P*) и может использоваться *C1* для убеждения *O* в исключительной эффективности применения предлагаемых рассылок в процессе привлечения целевой аудитории.

Эвиденциальная семантика (*Evs*) дополняется экспрессивностью (*Ex*), что проявляется в использовании *C1* экспрессивно окрашенной лексики в промежуточной области развертывания анализируемого дискурсивного контекста. Примерами обращения к экспрессивности является употребление языковых единиц *prestige* 'авторитет', *inspire* 'вдохновлять', *capture* 'захватывать', *breadth* 'широта', *depth* 'глубина'. Добавочная экспрессивная семантика демонстрирует положительную оценку *C1*, *C2*, *C3*, *C4* сообщаемых сведений и может способствовать привлечению внимания и повышению значимости описываемой информации для *O*.

Эвиденциальность (*Evs*) также сочетается с оценочностью (*Evl*), актуализируя принцип взаимодополнения модусных смыслов. Взаимодействие категорий проявляется в использовании *C1*, *C2*, *C3* и *C4* таких словосочетаний, как *exceptional journalism* 'превосходные журналистские материалы', *expert commentary* 'экспертные комментарии', *unique audiences* 'уникальная аудитория', *flagship newsletter* 'флагманская рассылка', *trademark expert commentary* 'фирменные экспертные комментарии' в промежуточной области развертывания анализируемого контекста. Формируемая полимодальная семантика предполагает совмещение указательной и эмоционально-оценочной функции эвиденциальных операторов и оценочных показателей, что может способствовать формированию положительного отношения *O* к преподносимой субъектами информации.

Наконец, в рамках исследуемого эвиденциального контекста наблюдается пересечение значений эвиденциальности (*Evs*) и эмотивности (*Emt*). Семантика эмотивности актуализируется в эпифазе эвиденциального высказывания *that our readers have come to expect and connect with* 'которые всегда ждут наши читатели и с которыми они себя ассоциируют', свидетельствует о личной вовлеченности *C1* в освещаемую тематику и указывает на субъективный характер транслируемой *O* информации.

Следовательно, в анализируемом эвиденциальном контексте базовая семантика *Evs* дополняется значением *P*, *Ex*, *Evl*, *Emt*, формируя лингвосинергетическую модель *Evs + Ex + Evl + Emt*. Подобная полимодальная семантика может быть призвана побудить *O* воспользоваться платной подпиской.

Б. Логическая эвиденциальность (48,7 % примеров). Основу логической регулятивной эвиденциальности составляют сознательные нарушения / грамотное использование автором/субъектом коммуникации базовых законов, правил и принципов формальной логики в процессе маркировки релевантности источника сведений, а также передачи основного содержания сообщения. Кроме того, автор может интерпретировать информацию определенным образом для оказания желаемого воздействия на адресата. Реализация коммуникативных целей и задач автора анализируется на следующем примере:

Attendees of NYT Events are *passionate, curious and deeply engaged* with the journalism they seek. They've moved past a *casual* interest — and are ready to connect on an emotional level. NYT Events *might* provide *opportunities* to elevate your brand and connect with a *hyper-engaged* audience through intentional experiences. 92 % *believe* that The Times covers topics in ways that others do not. 85 % of NYT event attendees *seem* to share the event experience. 87 % **believe** that The Times has the *expertise* to create a *one-of-a-kind* experience (NYT, 2022) / *Посетители NYT Events страстно увлечены, поистине любопытны и глубоко заинтересованы* такого рода журналистикой. Это уже не просто праздный интерес — они готовы к воздействию на эмоциональном уровне. Секция NYT Events *может* обеспечить *возможность* продвижения вашего бренда, а также позволит наладить контакт с *гипервовлеченной* аудиторией за счет уже имеющегося опыта. 92 % *считают*, что The Times освещает темы так, как другие не освещают. 85 % посетителей сайта NYT *намереваются* поделиться своим опытом с другими пользователями. 87 % *считают*, что у The Times обладает *специальными знаниями*, чтобы создать *уникальный* контент.

Рассматриваемый эвиденциальный контекст является фрагментом рекламного объявления секции NYT Events электронной версии журнала The New York Times, содержащим общие сведения о пользователях сайта, а также статистические данные, репрезентирующие степень удовлетворенности посетителей предоставляемыми ресурсами.

Семантика косвенной эвиденциальности выражается при помощи оператора предчувствия *opportunities* 'возможности', отражающего осторожную позицию автора рекламного объявления (C1) относительно перспектив обращения к секции New York Times Events; оператора выражения мнения *believe* 'считать', оператора сомнения *seem* 'намереваться' и оператора уверенности в знании *expertise* 'опыт', репрезентирующих обобщенное мнение посетителей о ресурсе (C2), подтверждающее достоверность высказываемых C1 суждений.

В анализируемом контексте автор (C1) выстраивает повествование определенным образом, умело оперирует имеющимися данными о пользователях секции (C2) NYT Events, высоко оценивает их степень заинтересованности в предлагаемом журналом контенте. C1 стремится повысить достоверность сведений о возможностях, предоставляемых в рамках платной подписки, за счет обращения к статистическим данным, объективирующим положительные отзывы C2, актуализируемые при помощи комбинации эвиденциальных операторов выражения мнения и сомнения. Избегая категоричности в своих суждениях и опираясь на мнение активных пользователей, C1 логически подводит адресата (O) рекламного объявления к мысли о необходимости приобретения подписки. При этом эвиденциальная семантика дополняется значением других модальных категорий, что усиливает возможный эффект воздействия.

В рамках осуществления принципа лингвосинергетического взаимодополнения эвиденциальность (Evs) дополняется оценочностью (Evl), выражаемой посредством

показателей *passionate* 'увлеченный', *curious* 'любопытный', *deeply engaged* 'глубоко заинтересованный', *casual interest* 'праздный интерес', способствующих актуализации субъективной оценки *C1* интереса *C2* к рекламируемой секции журнала, а также готовности пользователей грамотно воспринимать освещаемые сведения.

Наряду с этим эвиденциальность (*Evs*) сопровождается семантикой модальности (*M*), обнаруживаемой в показателе *might* 'может', репрезентирующем нежелание *C1* давать категоричную оценку, брать на себя ответственность за достоверность передаваемых сведений об эффективности использования секции *NYT Events* для привлечения целевой аудитории.

Эвиденциальная семантика (*Evs*) сочетается со значением экспрессивности (*Ex*), актуализируемой как в промежуточной области развертывания, так и в узловых точках эвиденциального контекста. Экспрессивные маркеры *hyper-engaged* 'гипервовлеченный', *one-of-a-kind* 'уникальный', *expertise* 'специальные знания' призваны сформировать образный, эмоциональный, а также логический акцент на значимых для *C1* сведениях об аудитории, квалификации коллектива авторов и материалах секции и тем самым привлечь внимание *O* к данной информации.

Таким образом, настоящий эвиденциальный контекст представляет собой эвиденциальную модель $Evs + Ex + M + Evl$, отражает логический подвид регулятивной эвиденциальности и может побудить *O* приобрести платную подписку *NYT Events*.

Необходимо отметить, что достоверность перевода выявленных эвиденциальных операторов на русский язык обеспечивалась обращением к их дефинициям, представленным в электронной версии словаря *Longman Dictionary of Contemporary English* (LDOCE, 2022).

Рассмотрение функционирования регулятивной эвиденциальности предполагает исследование актуализации эвиденциальных операторов в дискурсивном пространстве рекламного медиадискурса. Ввиду того, что характер регулятивной эвиденциальности зависит от коммуникативных намерений автора, указанный эвиденциальный вид часто репрезентируется посредством комбинации операторов выражения мнения с иными эвиденциальными операторами, в наибольшей мере подходящими для решения коммуникативных задач, стоящих перед автором сообщения. В процессе передачи информации и маркировки ее источника автор осуществляет одну из стратегий, представленных аксиологическим и логическим подвидами регулятивной эвиденциальности. Полученные данные количественного анализа эвиденциальных операторов, отражающих данные подвиды категории «эвиденциальность», содержатся в диаграммах (см. рис. 1–2).

Результаты сравнительного анализа демонстрируют преобладание аксиологической эвиденциальности (51,3 % примеров) над логической (48,7 % примеров). Основным средством актуализации исследуемых эвиденциальных подвидов являются операторы выражения мнения (31,8 и 29 % примеров соответственно) и операторы явного указания (26,2 и 13,8 % примеров), что обусловлено значимостью отражения активной позиции адресанта в ходе осуществления интенциональной стратегии автора. При этом несовпадение добавочных средств репрезентации аксиологической и логической эвиденциальности объясняются различиями в способах воздействия на адресата. Так, аксиологическая эвиденциальность может быть выражена операторами усиления значимости высказывания (13,2 % примеров) и уверенности в знании (11,6 % примеров), в то время как логическая эвиденциальность — операторами предчувствия (22,1 % примеров) и сомнения (11,1 % примеров).

Рис. 1. Группы эвиденциальных операторов, выражающих аксиологическую эвиденциальность

Fig. 1. Groups of evidential operators, representing axiological evidentiality

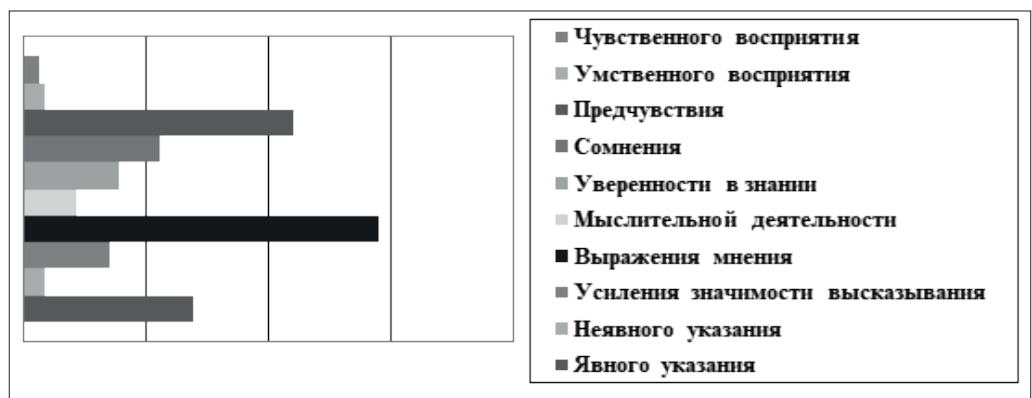

Рис. 2. Группы эвиденциальных операторов, выражающих логическую эвиденциальность

Fig. 2. Groups of evidential operators, representing logical evidentiality

Достижение стоящих перед автором целей и задач может приводить к раздельной либо одновременной актуализации рассматриваемых подвидов эвиденциальности. Возникающая в результате комплексная эвиденциальная семантика (89,7 % примеров) требует тщательного лингвосинергетического анализа, предполагающего исследование области возникновения добавочных модусных значений, и, как следствие, дифференциации аксиологической и логической семантики. Вопреки сходствам в частотности операторов, выражающих значения указанных эвиденциальных подвидов, они обладают различной полимодальной семантикой. Разграничение указанных значений становится возможным в связи с преобладанием операторов явного указания и выражения мнения в регулятивной эвиденциальности, а также ввиду возникновения полимодальной эвиденциальной семантики не только в узловых точках, но и в промежуточной области развертывания эвиденциального контекста. Данные количественного анализа представлены в диаграммах (рис. 3–4).

Как следует из диаграмм, добавочная семантика аксиологической эвиденциальности в большинстве случаев выражается с помощью модальности (*M*) (25 % примеров), оценочности (*EvI*) (24,6 % примеров), экспрессивности (*Ex*) (18 % примеров)

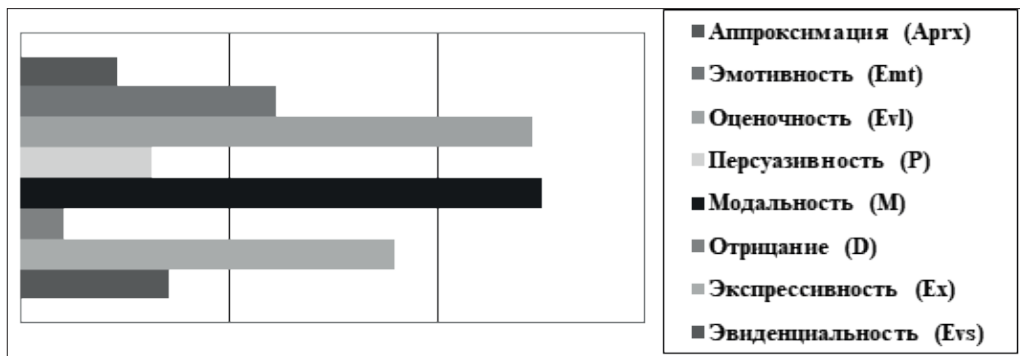

Рис. 3. Реализация полимодальной семантики в рамках аксиологической эвиденциальности

Fig. 3. Realization of polymodal semantics in terms of axiological evidentiality

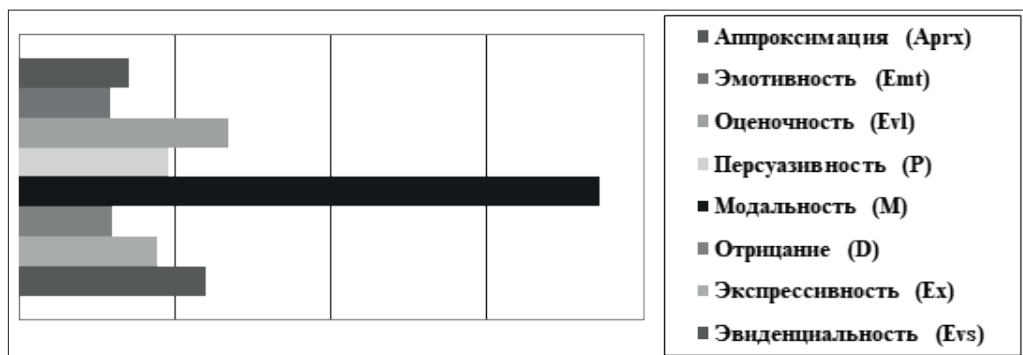

Рис. 4. Реализация полимодальной семантики в рамках логической эвиденциальности

Fig. 4. Realization of polymodal semantics in terms of logical evidentiality

и эмотивности (*Emt*) (12,3 % примеров). При этом результаты количественного анализа не противоречат интенциональной направленности рассматриваемого эвиденциального подвида, связанной с передачей сведений и обозначением их источника наряду с имплементацией речевых инструментов, стимулирующих адресата/потребителя к тем или иным действиям либо способствующих определенному восприятию сообщения адресатом. Характерной особенностью логической эвиденциальности является предоставление информации и квалификация ее источника с опорой на приемы логики. Данная стратегия объединяет различные речевые действия в целях формирования положительного и доверительного отношения адресата к сообщаемым фактам посредством грамотного использования законов и правил логики в ходе интерпретации сведений и определения релевантности их источника. В связи с этим логическая эвиденциальность чаще всего дополняется семантикой модальности (*M*) (37,2 % примеров), оценочности (*Evl*) (13,4 % примеров), экспрессивности (*Ex*) (8,9 % примеров) или выражаться с помощью базовой эвиденциальной семантики (*Evs*) (12 % примеров). Необходимо отметить, что преобладание аксиологической над логической эвиденциальностью обусловлено более ярко выраженным характером первого подвида, а также преимущественной репрезентацией значений аксиологической эвиденциальности в узловых точках развертывания эвиденциального контекста.

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование показывает, что в пространстве медиадискурса и в процессе передачи различных сведений с учетом коммуникативной направленности рассматриваемого эвиденциального контекста автор может обращаться к семантике регулятивной эвиденциальности, выступающей инструментом актуализации интенциональной доминанты рекламного дискурса массмедиа. Формируемая в указанном контексте семантика идентична полимодальной семантике, свойственной рекламному массмедийному дискурсу в целом. Регулятивная эвиденциальность чаще всего эксплицируется в данном типе дискурса, отражает его базовую интенциональную направленность, связанную с осуществлением информационно-воздействующей стратегии, а также реализацией стремления автора проинформировать адресата о том или ином продукте/услуге, сформировать определенное впечатление и закрепить восприятие полученных сведений с помощью экспрессивных, эмоциональных и логических средств. Изменения, вносимые автором в передаваемые сведения, а также выбор тех или иных инструментов воздействия определяются потребностью привлечения внимания адресата к сообщаемым данным. При этом реализация интенционального потенциала эвиденциального сообщения вызывает потребность в обращении к добавочным полимодальным смыслам, способствующим детальной интерпретации информации и ее источника. Итогом возникающей синергии модусных смыслов является усиление эффекта воздействия на потенциального потребителя товаров и услуг.

Список источников

1. Сидорова, И. Г. (2014). *Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград].
2. Иванова, С. В. (2017). Дискурсивная адаптация культурно обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США). *Политическая лингвистика*, 1(61), 31–42.
3. Холодова, Д. Д., Манаенко, Г. Н., & Плотникова, С. Н. (2018). *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия* (под ред. О. А. Сулеймановой). Ленанд.
4. Спиридонова, Т. А. (2019). Оценочный потенциал цитат в новостном дискурсе. *Матрица ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов*, 196–202.
5. Викулова, Л. Г., Макарова, И. В., & Новиков, Н. В. (2016). Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 3, 54–65. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.6>
6. Козловский, Д. В. (2022). Специфика формирования мультимодальных эвиденциальных смыслов в пространстве рекламного дискурса массмедиа. *Русский лингвистический бюллетень*, 3(31), 1–8.
7. NYT. (2022). *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/>
8. Aikhenvald, A. Y. (2018). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford Handbooks. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198759515.001.0001>
9. Lazard, D. (2001). On the grammaticalization of evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33, 359–367.
10. Murray, S. E. (2011). A Hamblin semantics for evidentials. *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT)*, 324–341.

11. Лунина, Т. П. (2020). О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 5(148), 92–97.
12. Макарецев, М. М. (2014). *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. Нестор-История.
13. Борботко, В. Г. (2011). *Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике*. Libroком.
14. Шмелева, Т. В. (2012). *Медийное речеведение: сборник статей*. <https://www.novsu.ru/file/1145792>
15. Тяллева, И. А. (2020). Коммуникативные стратегии и тактики современного англоязычного рекламного дискурса. *Academy*, 3(54), 51–54.
16. *Longman*. (2022). <https://www.ldoceonline.com/>

References

1. Sidorova, I. G. (2014). *Communicative-pragmatic characteristics of personal Internet-discourse: Website, blog, social network, comment* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.19. Volgograd]. (In Russ.).
2. Ivanova, S. V. (2017). Discursive adaptation of culturally based language signs in political mass media discourse (based on political mass media discourse of the USA). *Politicheskaya lingvistika*, 1(61), 31–42. (In Russ.).
3. Kholodova, D. D., Manaenko, G. N., & Plotnikova, S. N. (2018). *Discourse as a universal matrix of verbal interaction* (Ed. by O. A. Suleymanova). Lenand. (In Russ.).
4. Spiridonova, T. A. (2019). Citation in news media discourse: From evaluation to persuasiveness. *The Magic of INNO: Integrative trends in linguistics and Linguodidactics: collection of scientific papers*, 196–202. (In Russ.).
5. Vikulova, L. G., Makarova, I. V., & Novikov, N. V. (2016). Institutional discourse of digital diplomacy: new communication practices. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 54–65. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.6> (In Russ.).
6. Kozlovskiy, D. V. (2022). Specifics of the formation of multimodal evidential meanings in the advertising discourse media space. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten'*, 3(31), 1–8. (In Russ.).
7. NYT. (2022). *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/> (In English).
8. Aikhenvald, A. Y. (2018). *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford Handbooks. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198759515.001.0001> (In English).
9. Lazard, D. (2001). On the grammaticalization of evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 33, 359–367. (In English).
10. Murray, S. E. (2011). A Hamblin semantics for evidentials. *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory (SALT)*, 324–341. (In English).
11. Lunina, T. P. (2020). Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5(148), 92–97. (In Russ.).
12. Makartsev, M. M. (2014). *Evidentiality in the space of Balkan text*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).
13. Borbotko, V. G. (2011). *Principles of discourse formation: psycholinguistics and linguo-synergetics*. Librokom. (In Russ.).
14. Shmeleva, T. V. (2012). *Media speech: a collection of articles*. (In Russ.).
15. Tyalleva, I. A. (2020). *Communucative strategies of modern advertising discourse*. *Academy*, 3(54), 51–54. (In Russ.).
16. *Longman*. (2022). <https://www.ldoceonline.com/> (In English).

Информация об авторе

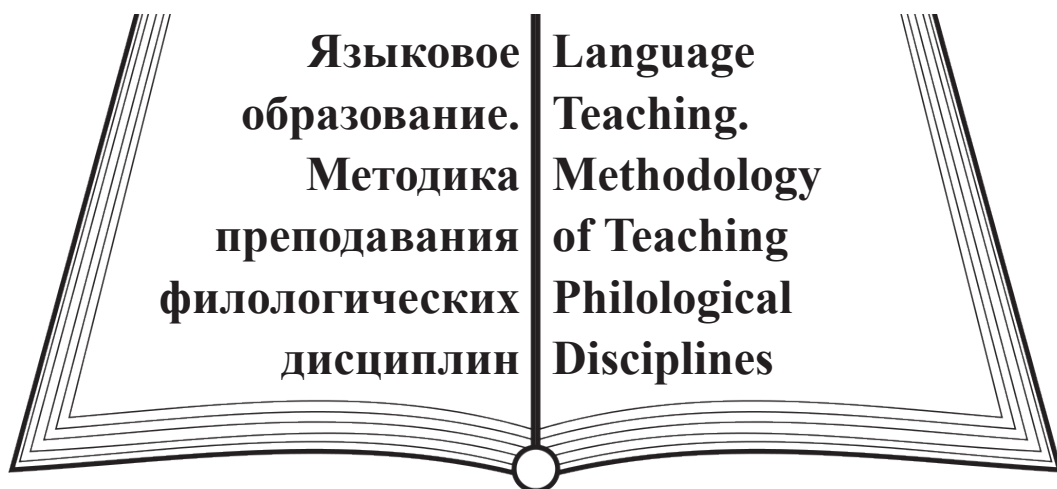
Дмитрий Валентинович Козловский — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.

Information about the author

Dmitry V. Kozlovsky — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 378.091.64:811.531

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.13

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНИКА ПО ФОНЕТИКЕ (СЕГМЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

Воронина Людмила Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

LyudaVoronina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0696-9288>

Аннотация. Статья посвящена раскрытию структуры и содержания вузовского учебника по фонетике (сегментный уровень) на примере корейского языка. Актуальность исследования обусловлена противоречием между стабильно возрастающей популярностью корейского языка и недостаточностью научно-методических разработок для его преподавания в вузе, в том числе и по обучению фонетике. В связи с этим статья направлена на разработку концепции современного учебника по фонетике (сегментный уровень) изучаемого иностранного языка и представление фрагментов учебника применительно к обучению корейскому языку в рамках языкового профиля современного вуза. Исследование прошло несколько этапов: 1) анализ фонетических ошибок студентов и их систематизация (1997–2018); 2) разработка концепции учебника (2018); 3) пробное обучение и внесение коррективов в макет учебника (2019–2022); 4) подготовка макета к печати (2022). В статье обосновано, что при разработке учебника по фонетике (сегментный уровень) должны учитываться: 1) языковой уровень лингвистического материала (сегментный или суперсегментный); 2) вид интерференции (межъязыковой и внутриязыковой), что предполагает разные технологии обучения; 3) экстралингвистические знания, владение которыми позволяет обучающимся свободно оперировать фонологической компетенцией на изучаемом языке в реальной жизни. Разработанная автором технология обучения фонетике на сегментном уровне представляет собой конкретный сценарий обучающей деятельности на начальном этапе овладения студентами корейским языком, реализация

которого способна обеспечить прочное формирование у обучающихся слухопроизносительных навыков, фонетических умений анализировать лингвистические (межъязыковые и внутриязыковые соответствия/различия) и экстралингвистические особенности (факторы) порождения звучащей речи на корейском языке и понимать ее при восприятии на слух.

Ключевые слова: учебник по фонетике, сегментный уровень фонетики, пейоративная интерференция, корейский язык.

Для цитирования: Воронина, Л. А. (2023). Структурно-содержательная концепция учебника по фонетике (сегментный уровень корейского языка). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 155–167. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.13>

Благодарности. Выражаю сердечную благодарность Елене Генриховне Таревой за готовность вникать в проблемы так называемых редких языков и поддерживать исследования в этой области, даже несмотря на их очевидную сложность.

Scientific and practical article

UDC 378.091.64:811.531

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.13

STRUCTURAL AND CONTENT CONCEPT OF A PHONETICS TEXTBOOK (SEGMENTAL LEVEL OF THE KOREAN LANGUAGE)

Lyudmila A. Voronina

Moscow City University,
Moscow, Russia

LyudaVoronina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0696-9288>

Abstract. The article discloses the structure and content of the university textbook on phonetics (segment level) on the example of the Korean language. The relevance of the research is due to the contradiction between the steadily growing popularity of the Korean language and the lack of scientific and methodological findings for its teaching at the university, including the phonetics aspect. The article aims at developing the concept of a modern textbook on foreign language phonetics (segment level) and presenting parts of the textbook in relation to teaching Korean at linguistic faculties of a modern university. The study went through several stages: 1) analyzing students' phonetic errors and their systematization (1997–2018); 2) designing the textbook concept (2018); 3) trial training and making adjustments to the textbook layout (2019–2022); 4) preparing the layout for printing (2022). The article proves that when developing a textbook on phonetics (segment level) the following should be taken into account: 1) the linguistic level of empirical material (segmental or super-segmental); 2) the type of interference (interlanguage and intra-lingual), which implies different learning technologies; 3) extralinguistic knowledge, which allows students to apply phonological competence in the studied language to real life. The technology of teaching phonetics to 1st year students developed by the author represents a specific scenario of teaching activity at the 1st stage of mastering the Korean language by students. Such a scenario implemented adds to ensuring the solid formation of auditory-pronouncing skills, phonetic skills of analyzing linguistic (interlanguage and intra-linguistic correspondences/differences) and extralinguistic features (factors) of generating sounding speech in Korean and its understanding when listening.

Keywords: phonetics textbook, segment level of phonetics, pejorative interference, Korean.

For citation: Voronina, L. A. (2023). Structural and content concept of a phonetics textbook (segmental level of the Korean language). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 155–167. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.13>

Acknowledgements. I express my heartfelt gratitude to Elena G. Tareva for her willingness to get into the issues of the minority languages and support research in this area, even despite its obvious complexity.

Введение

Корейский язык (КЯ) с каждым годом становится все более популярным: за последнее десятилетие только в столице нашей страны появилось несколько образовательных программ овладения корейским языком в ведущих университетах (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный педагогический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и пр.). В связи с такой востребованностью становится острой проблема наличия качественных современных средств обучения, прежде всего учебника. Особенно актуален вопрос разработки современных учебников для обучения языковым аспектам в целях формирования фонетических, лексических и грамматических навыков, углубленного овладения иностранным языком (ИЯ) в ходе освоения программ лингвистического и филологического профилей подготовки студентов языкового вуза.

Причин недостаточности необходимых средств обучения КЯ две. Во-первых, имеет место слабая разработанность лингвистических основ данного языка; такие основы, как известно, должны стать *источником учебной информации* — материалом для отбора содержания обучения. Во-вторых, отсутствует современная концепция вузовского учебника по обучению аспектам языка, в частности фонетике, — концепция, которую можно было бы взять за основу практикума по обучению средствам общения на КЯ, в первую очередь фонетическим (сегментным).

Таким образом, *целью* описываемого в статье исследования является разработка концепции современного учебника по фонетике (сегментный уровень) изучаемого ИЯ и представление фрагмента учебника применительно к обучению КЯ в языковом вузе. Для достижения поставленной цели решаются следующие *задачи*: 1) раскрывается сущность проблем обучения фонетическим средствам общения на КЯ; 2) определяются роль и место фонетических средств общения в профессиональной подготовке лингвиста со знанием КЯ; 3) обосновывается процедура отбора содержания обучения фонетическим средствам общения на КЯ; 4) описывается структура учебника с распределением отобранного содержания обучения по разделам.

Теоретической базой исследования послужили классические труды по теории языковых контактов (Е. Naugen (1956); S. P. Corder (1967); Ю. А. Жлуктенко (1974); Г. М. Бурденюк, В. М. Григорьевский (1978); В. Ю. Розенцвейг (1974); У. Вайнрайх (1979); А. А. Залевская (2000); А. Е. Карлинский (2011) и пр.), в том числе по билингвизму в лингводидактическом аспекте (Л. И. Баранникова (1972); Н. В. Баграмова (2005); Н. Н. Rogoznaya (2003)).

Методология исследования

Материал, представленный в настоящей статье, — результат многолетних поисков ключевых положений для разработки вузовского учебника по фонетике корейского языка на сегментном уровне. Исследование прошло четыре этапа. Первый, самый продолжительный этап начался в 1997 году, а завершился в 2018 году. Он заключался в сборе, анализе и систематизации фонетических ошибок, допускаемых студентами корейского отделения в процессе обучения. Благодаря собранному данным удалось классифицировать ошибки в произношении звуков корейского языка в градации от самых редко допускаемых русскоязычными обучающимися до самых частотных. На этом этапе была составлена коллекция ошибок, допущенных студентами Уссурийского государственного педагогического института (ныне — Дальневосточный федеральный университет) и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Второй этап предусматривал разработку концепции учебника по фонетике (2018). На третьем этапе проводилось пробное обучение, в котором приняли участие: в 2019–2021 годах — студенты 1-го и 2-го курсов восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; в 2021–2022 годах — студенты 1-го курса Института иностранных языков МГПУ. Одновременно с этим вносились коррективы в макет учебника. В течение 2021/22 учебного года осуществлялась подготовка макета к печати с внесением поправок после завершающего пробного обучения, что мы считаем четвертым этапом исследования.

Результаты и обсуждение

Проблемы обучения фонетическим средствам общения на корейском языке

Первый блок проблем предопределен состоянием дел в области *лингвистических* теорий, рассматривающих КЯ. В 2016 году автором статьи было проведено исследование в целях выявления фонетического материала, подлежащего обязательному усвоению в вузе (Воронина, 2016). С опорой на имеющийся опыт изучения проблемы обучения слухопроизносительной стороне речи на КЯ установлено, прежде всего, отсутствие единой терминологии (Тен, 2012, с. 121). Это затрудняет ведение исследований в обозначенной области. Не выявлено и единое мнение специалистов по вопросу о количестве и составе фонем КЯ (Капарушкина, 2014, с. 41; 2018, с. 290). До сих пор этот вопрос остается открытым. В этом языке нет ни одного звука, полностью совпадающего с родным для русскоязычных студентов, хотя большинство из них (звуков) рассматриваются как сходные. Как следствие сходства и при этом различия звучащего материала возникает особая интерференция (об этом подробнее см.: Воронина, 2021). Преодоление подобной интерференции предполагает учет точных данных по артикуляционно-акустическим характеристикам фонем, их аллофонам и индивидуальной произносительной вариативности (индивидуальным типам произнесения), которые могут быть получены с помощью специальной современной диагностики, например методом магнитно-резонансной томографии. Приходится констатировать, что такие исследования не ведутся (впрочем, по понятной причине больших финансовых

и трудовых затрат) и что последние разработки в области обучения произношению на КЯ для русскоязычных обучающихся опираются на классические и удаленные во времени исследования Л. Р. Зиндера и его учеников.

Еще одна проблема связана с наличием богатой диалектной палитры корейских аллофонов, сосуществующей со стандартизированной нормой (표준어). Эта тема пока остается без внимания специалистов. Как видится, разработка фонетических практикумов без учета произносительной региональной (диалектной) вариативности не представляется возможной.

Второй блок проблем обучения студентов произношению при овладении КЯ связан с тем, что традиция обучения фонетическим средствам общения на КЯ в российских вузах, воплощенная в основном средстве — специализированном учебнике, пока не сформирована. Корейские учебные издания тоже мало подходят для использования в российском образовательном контексте. Во-первых, согласно требованиям федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) (Приказ Минобрнауки России, 2020) иноязычные учебные пособия не могут быть основным средством обучения. Во-вторых, даже при условии привлечения их в качестве дополнительных реализация образовательной цели ставится под сомнение из-за отсутствия учета родного языка и культуры русскоязычных обучающихся. В-третьих, иноязычные учебные издания придерживаются своей культурной традиции (Ли, 2015, с. 431–432), в том числе национальных установок (Тарева и Павлова, 2020, с. 123).

Благодаря анализу научных достижений предшественников известны различные методические решения проблемы обучения фонетике изучаемого языка. Обзор основных концепций обучения в отечественных вузовских учебниках по ИЯ с 1940-х по конец 1990-х годов, произведенный Я. В. Тараскиной, показывает, что фонетический материал различных ИЯ укладывался в основном в логику грамматико-переводного и коммуникативного методов обучения (Тараскина, 2016, с. 149). Сегодня такие методы не целесообразны; во главу учебного процесса в настоящее время ставится *личность обучающегося*, его потребности и интересы. Преподавателям — разработчикам учебных пособий или учебников — необходимо учесть особенности усвоения нового материала студентами, например уходить от единого для всей учебной группы порядка усвоения фонетического материала и т. п. Значит, требуются иные принципы отбора и организации дидактического материала.

Специфика современного учебника по фонетике обусловлена еще и тем, что у обучающихся должен быть не столько комплекс знаний и фонетических навыков, сколько опыт оперирования полученными знаниями и приобретенными навыками при решении коммуникативных задач, достижении коммуникативных намерений. Это требует особых технологических решений на уровне разработки концепции соответствующего учебника или учебного пособия.

Роль и место фонетического компонента в системной языковой подготовке лингвиста со знанием корейского языка

Согласно требованиям ФГОС фонетический компонент заложен во всех видах компетенций. Универсальная компетенция (УК-4) ставит цель овладения фонетикой для реализации общения в устной форме. Общепрофессиональные компетенции

обозначают необходимость усвоения системы лингвистических знаний об основных фонетических явлениях и о закономерностях их функционирования (ОПК-1), а также реализацию этих знаний на уровне навыков и умений в виде способности порождать и понимать устные тексты (ОПК-3, ОПК-4, ОПК-5). Профессиональные компетенции предусматривают использование освоенных способностей на заявляемом ФГОС уровне. Оперирование *фонологической компетенцией* (подробнее см.: Тарева и Малых, 2013, с. 311) предполагает готовность и способность лингвиста разбираться в фонетических понятиях, подбирать и разрабатывать фонетические материалы для обучения КЯ, организовывать обучающую деятельность с их помощью и т. п. У выпускника-лингвиста должны быть *знания и умения воспринимать, воспроизводить* и при необходимости *интерпретировать*: 1) звуки (фонемы) и их варианты; 2) артикуляционно-акустические характеристики фонем; 3) фонетическую организацию слов; 4) просодику; 5) фонетическую редукцию (Щукин, 2011, с. 35). Следует добавить умения соотносить особенности гласных и согласных изучаемого языка в сравнении с родным, самостоятельно приходя к умозаключениям в отношении различий на сегментном уровне фонетической системы контактирующих языков. Нами доказывается (Воронина, 2021) необходимость включения в содержание обучения КЯ (в том числе его произносительной стороне) *экстралингвистического компонента*. В итоге усвоению подлежит большой объем учебного материала.

В соответствии со сказанным заметим, что русский и корейский языки характеризуются не только серьезной системной, но и, главное, структурной разницей, что, по мнению И. П. Пугачевич и Н. Н. Рогозной, служит гарантированным потенциалом для проявления пейоративной интерференции у обучающихся (Пугачевич и Рогозная, 2015, с. 436). Данные факты обуславливают необходимость включения в процесс подготовки лингвиста со знанием КЯ отдельной дисциплины, предусматривающей постепенное предупреждение у обучающихся этого вида интерференции. В таблице 1 показано, что сегментный уровень фонетики КЯ должен стать предметом обучения сначала в целях предупреждения *межъязыковой* (1-й семестр), а потом и внутриязыковой интерференции (2-й семестр). В этой таблице отражен примерный календарный план обучения произношению (сегментный уровень) на начальном этапе обучения студентов КЯ (1-й курс) (о целях и задачах начального этапа обучения студентов языкового вуза см.: Скосоренко, 1993).

Содержательной разницей двух обозначенных периодов является акцент на сопоставительном обучении родному, первому иностранному (как правило, английскому) и корейскому языкам. На первом этапе при введении нового дидактического материала опорой служит фонетический материал русского и иногда первого ИЯ, а на втором — в основном корейского, но при этом активизация языкового опыта на родном для обучающихся языке также фрагментарно присутствует. Предполагается два режима интенсивности работы с учебным материалом: активная и пассивная фазы. В первом случае предмету обучения уделяется все отведенное для него аудиторное и внеаудиторное время, а во втором — часть учебного времени.

Обозначенная в таблице (календарном плане) последовательность объектов, которыми овладевают студенты 1-го курса, влияет на построение вводной части учебника по обучению сегментному уровню КЯ, отсюда значимость осознания важности действий по преодолению различных видов интерференции, обеспечиваемому соответствующими заданиями/упражнениями.

Таблица 1 / Table 1

**Место сегментного уровня в общей системе обучения фонетическим
средствам общения на корейском языке**

The place of the segment level in the system of teaching Korean phonetic

Семестр	Дисциплина	Сроки реализации дисциплины	Интенсивность работы над звуками (сегментный уровень)		Предмет обучения	Доминирующий вид интерференции
			Активная фаза	Латентная фаза		
1	Вводный курс корейского языка	01.09–30.01	01.09–14.09	15.09–30.01	Гласные и согласные фонемы	Межъязыковая
					Основные типы интоном	
2	Практическая фонетика	09.02–30.06	09.02–30.06		Гласные и согласные фонемы	Внутриязыковая
					Основные типы интоном	Межъязыковая
3	Практическая фонетика	01.09–30.01	–	01.09–30.01	Гласные и согласные фонемы	Внутриязыковая
					Интономы	То же
4	Практическая фонетика	09.02–30.06	–	09.02–30.06	Гласные и согласные фонемы	То же
					Интономы	То же

**Содержание разделов учебника
и последовательность введения языкового материала**

К учебнику предъявляются одинаковые требования в отношении его материального конструирования (ГОСТ). Его исторически сложившаяся форма характеризуется суммой издательских и полиграфических признаков, которые не зависят от содержательной сути конкретного издания. Эти признаки позволяют, с одной стороны, составить перечень частей, образующих этот вид учебного издания (обложка, оборот титула, оглавление, основная часть, список источников, ответы, приложение и т. д.). С другой стороны, имеется возможность обозначить специфику предмета обучения, на который нацелен учебник. При обучении сегментному уровню КЯ надлежит ориентироваться на следующие структурные компоненты учебника: «От автора», «Корейские гласные фонемы», «Корейские согласные фонемы», «Приложение».

Раздел «От автора» предназначен для преподавателя и содержит: 1) теоретическое обоснование предлагаемой технологии обучения, 2) рекомендации по ее реализации, 3) разъяснения нововведений. Надо подробнее конкретизировать вводимые в учебник нововведения.

Во-первых, к ним относится новая форма традиционной трапеции гласных. В целях сохранения единообразия введенная английским фонетистом Д. Джоунзом

в 1917 году трапеция гласных в учебнике по фонетике КЯ развернута в противоположную общепринятой сторону для возможности создания динамического образа наглядности в демонстрации изменения положения органов артикуляции согласных звуков при произнесении (см. рис. 1). Для формирования продуктивного (активного) фонетического навыка важно показать обучающемуся, что сначала необходимо выполнить артикуляторный жест, а потом фонационный. Русскоязычный носитель привык считывать информацию слева направо, и визуальное изображение представляется целесообразным давать в направлении привычных когнитивных процессов обучающихся.

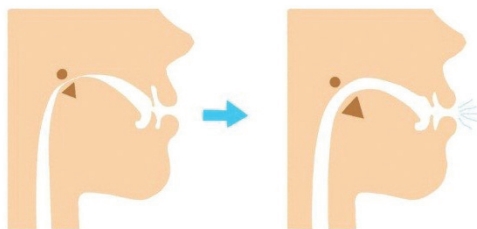

Рис. 1. Артикуляционно-фонационная схема образования звука /ㄱ/ (Articulation-phonation scheme of sound /ㄱ/ formation)

Во-вторых, появился новый знак транскрипции ($\equiv \equiv$). Как правило, фонетисты, занимающиеся исследованиями на материале КЯ, используют для обозначения корейской фонемы /л/ латинский знак, что выбивается из ряда корейских графических образов. Принимая во внимание основное правило возникновения этого звука (на стыке двух дрожащих $\equiv \equiv$), в учебнике применяется новое обозначение для удобства различения дрожащего согласного ($\equiv \equiv$) и бокового ($\equiv \equiv$).

В-третьих, к новациям следует отнести графическое обозначение гласных звуков. Вопреки отечественной традиции обозначать гласные фонемы буквенными знаками, например /л/ (Монголов, Мусаев и Скорбатюк, 1978, с. 20), вслед за некоторыми корейскими фонетистами был сохранен знак немой в начале слога фонемы /о/, например /о/ (이해영 & 등, 2021, s. 102; 최은규 & 등, 2009, s. 19).

Раздел «Корейские гласные фонемы». Отбор и последовательность введения учебного (фонетического) материала опираются на частотность ошибок русскоязычных обучающихся в узнавании и артикуляции звуков КЯ. С учетом дидактического принципа «от простого к сложному» сначала для работы предлагаются редко встречающиеся отклонения от нормы, например звуки /о/ и /о/, а затем, по мере нарастания трудностей, вводится оппозиция звуков, например /о/ и /о/, ошибки в произнесении которых часто допускают сами носители КЯ. На оппозиционное совершенствование фонетических навыков отводится восемь занятий, каждое из которых направлено на одну оппозиционную пару: /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/, /о/ – /о/.

В целом гласные звуки КЯ русскоязычными обучающимися усваиваются легче: они меньше допускают ошибок в их использовании, поэтому раздел по обучению гласным предшествует разделу, нацеленному на освоение согласных звуков. Оба раздела объединяет наличие заданий для усвоения экстралингвистического компонента процесса освоения произносительной стороны речи на КЯ: различие женской и мужской,

детской и взрослой речи. Это проявляется не только в работе с соответствующими аудиозаписями, но и в содержании упражнений, например, на акцентировании разницы значений слов с похожими звуками.

Раздел «Корейские согласные фонемы» предполагает совершенствование фонетических навыков на материале 21 фонемы в оппозициях — всего их девять: /ㄱ/ — /ㅋ/ — /ㆁ/; /ㄷ/ — /ㅌ/ — /ㄴ/; /ㅂ/ — /ㅃ/ — /ㅁ/; /ㅈ/ — /ㅉ/ — /ㅇ/; /ㄹ/ — /ㄺ/; /ㄴ/ — /ㄷ/; /ㄷ/ — /ㅌ/; /ㄹ/ — /ㄺ/; /ㄴ/ — /ㄷ/; /ㄷ/ — /ㅌ/; /ㄹ/ — /ㄺ/. Этот раздел более насыщен упражнениями. В отличие от других слоговых языков, где отдельные звуки — элементы слога — привязаны к фонетическому положению и оказываются в тесной зависимости друг от друга и в подчиненном положении по отношению к целому, в КЯ «одним из средств сегментной организации слова служит преимущественная закреплённость отдельных классов фонем за определенными позициями» (Баландюк, 2003, с. 73). В связи с этим при обучении согласным звукам необходимым является усвоение большого количества фонетических правил, где звуки различаются в начальной и конечной позициях слога.

Раздел «Приложение» носит справочный характер и содержит характеристики гласных и согласных фонем русского и корейского языков, в том числе и в виде трапеции гласных. В разделе три подраздела: 1) «Гласные корейского и русского языков», 2) «Согласные корейского и русского языков» и 3) «Разница между гласными и согласными фонемами корейского и русского языков».

Приложение содержит также аудиодорожки. Аудиозаписи представлены в исполнении как носителей КЯ, так и преподавателей. Согласно дифференцированному подходу у студентов должен быть развит фонематический слух на примере не только носителей, поскольку межнациональный состав корейского общества ежегодно увеличивается в пользу иностранцев, произношение которых не всегда в точности совпадает с родным языком носителей. Поэтому для совершенствования аудитивных навыков предполагается включение аудиозаписей не только носителей корейского языка.

Технологические особенности основных разделов учебника («Корейские гласные фонемы» и «Корейские согласные фонемы»)

В учебнике, как известно, должен быть заложен «понятный и конкретный сценарий деятельности, четко задающий вектор планируемого развития обучающихся, этапы этого процесса, набор используемых средств и приемов работы» (Яроцкая, 2021, с. 39). Это книга, в ее традиционной трактовке содержащая систематическое изложение учебного материала в целях достижения планируемых результатов обучения. Несмотря на то что учебник обладает хорошо известной структурой и архитектурой, его инновационное моделирование весьма оправданно с учетом современных образовательных тенденций, особой целевой заданности (на развитие обучающегося как языковой личности) и новых (часто электронных) способов его организации (об этом см., например: Тарева и Тарев, 2014).

В предлагаемой концепции учебника освоение студентами знаниевого и деятельностного компонентов обеспечивается комплексом заданий и упражнений, в своей совокупности отражающих технологию формирования фонетической компетенции обучающихся.

Для формирования знаний о звуках (фонемах), их вариантах, артикуляционно-акустических характеристиках, механизмах образования как информации, подлежащей сохранению в долговременной памяти, предлагаются задания и упражнения следующих типов:

1) *вспомните, как произносятся корейские фонемы /ʌ/ и /ɚ/, охарактеризуйте вторую из них;*

2) *объясните, чем отличается корейская фонема /ɚ/ от /ʌ/, используя предложенную схему.*

Обучающая деятельность построена таким образом, чтобы задействовалось максимальное количество рецепторов: визуальные (схемы и рисунки), слуховые (аудио-записи), тактильные (работа с органами артикуляции).

Примечательно, что в формировании знаний отсутствует традиционная привязка только к информации, касающейся артикуляционно-акустических характеристик фонем. К традиционным данным добавляется работа с экстралингвистической (фоновой) информацией (насколько это возможно на сегментном уровне). Такие упражнения либо расширяют этап ознакомления (*расставьте следующие слова-синонимы в порядке нарастания интенсивности качества, которые они обозначают*), либо помещаются после этапа применения (*как вы думаете, кому принадлежат следующие звуки смеха*). Все остальные упражнения выстроены в логике формирования сначала артикуляционных, а потом и аудитивных навыков с подключением проблемных заданий для повышения эффективности усвоения учебного материала и развития обучающихся.

Заключение

В основе концепции учебника по обучению фонетическим средствам общения в вузе (на материале КЯ) должна быть заложена идея предупреждения интерференции у обучающихся. Согласно этой идее в формате учебника учету подлежат:

1) языковой уровень лингвистического материала (сегментный или супер-сегментный);

2) вид интерференции (межъязыковой и внутриязыковой), что предполагает разные технологии обучения;

3) экстралингвистические знания, владение которыми позволяет обучающимся свободно оперировать фонологической компетенцией на изучаемом языке в реальной жизни.

Тем самым учебник по фонетике КЯ, в основу которого положена авторская концепция технологии преодоления внутриязыковой интерференции при обучении фонетическим средствам общения на сегментном уровне, представляет собой конкретный сценарий обучающей деятельности на начальном этапе овладения студентами КЯ. Реализация этого сценария способна обеспечить прочное формирование у обучающихся слухопроизносительных навыков, фонетических умений анализа лингвистических (межъязыковые и внутриязыковые соответствия/различия) и экстралингвистических особенностей (факторов) порождения звучащей речи на КЯ и ее понимания при восприятии на слух.

Список источников

1. Воронина, Л. А. (2016). *Специфика методики обучения корейскому языку как иностранному на начальном этапе в вузе*. РГПУ им. А. И. Герцена.
2. Тен, Ен Сун. (2012). К проблеме единства понятийного аппарата в преподавании корейского языка русскоговорящим учащимся. *Вестник Российского корееведения*, 4, 121–131.
3. Капарушкина, Д. И. (2014). Особенности консонантной системы корейского языка (обзор корейской научной литературы). *Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность»*, 2, 35–42.
4. Капарушкина, Д. И. (2018). Постановка вопроса о необходимости создания методики обучения произношению корейских взрывных согласных ориентированной на русскоговорящих студентов. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 3(3), 289–294.
5. Воронина, Л. А. (2021). Обоснование понятия экстралингвистической (фоновой) интерференции в обучении корейскому языку как иностранному. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 10, 36–47.
6. Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 969 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика». (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2020 № 59448). https://www.rea.ru/ru/org/managements/uchmetupr/Documents/Standarts/FGOS%20VO/Bakalavriat/Standart_45.03.02_Lingvistika_2020.pdf
7. Ли, Ц. (2015). *Культурные основы обучения: Восток и Запад*. Издательский дом Высшей школы экономики.
8. Тарева, Е. Г., & Павлова, Е. О. (2020). Критерии выбора зарубежного учебника как средства подготовки обучающихся к межкультурному общению. *Общество. Коммуникация. Образование*, 11(3), 121–130.
9. Тараскина, Я. В. (2016). Основные концепции обучения в отечественных вузовских учебниках по иностранным языкам. *Вестник Бурятского государственного университета*, 1, 142–151.
10. Тарева, Е. Г., & Малых, О. А. (2013). Подходы к изучению проблемы формирования фонологической компетенции в языковом вузе. *Язык и социальная динамика*, 13(1), 310–312.
11. Щукин, А. Н. (2011). *Методика обучения речевому общению на иностранном языке*. Икар.
12. Воронина, Л. А. (2021). Обоснование понятия экстралингвистической (фоновой) интерференции в обучении корейскому языку как иностранному. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 10, 36–47.
13. Пугацевич, И. П., & Рогозная, Н. Н. (2015). Интерязык как промежуточная система в условиях билингвизма. *Вестник ИрГТУ*, 4(99), 435–439.
14. Скосоренко, Е. Г. (1993). *Цели и задачи практической подготовки студентов языкового вуза на начальном этапе (первый курс)* [Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва].
15. ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. <https://docs.cntd.ru/document/1200034382>
16. Монголов, К. Н., Мусаев, О. С., & Скорбатюк, И. Д. (1978). *Теоретическая фонетика корейского языка*. Военный институт.
17. 이해영 & 등 (2021). *손에 잡히는 한국어 교육학 개론*. Hawoo Publishing, Inc.
18. 최은규 & 등 (2009). *외국인을 위한 한국어 발음 47. 한글파크*.
19. Баландюк, Ю. В. (2003). *Просодическое устройство слова в корейском языке: на материале двуслова* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Москва].
20. Яроцкая, Л. В. (2021). Учебник иностранного языка как инструмент смыслообразования в профессиональной сфере: неязыковой вуз, уровень магистратуры. *Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки*, 2(839), 36–44.
21. Тарева, Е. Г., & Тарев, Б. В. (2014). Инновационный потенциал образовательных традиций: учебник иностранного языка открытого типа. *Вопросы методики преподавания в вузе*, 3(17), 364–373.

References

1. Voronina, L. A. (2016). *The specifics of a Korean training technique for the 1st year students in University*. Herzen University Publishing House. (In Russ.).
2. Teng, Yong Sun. (2012). On the problem of the unity of the conceptual apparatus in teaching Korean to Russian-speaking students. *Bulletin of Russian Korean Studies*, 4, 121–131. (In Russ.).
3. Kaparushkina, D. I. (2014). Features consonant system of the Korean language. *Peoples Friendship University of Russia Journal*, 2, 35–42. (In Russ.).
4. Kaparushkina, D. I. (2018). A statement of creation the methodology and methods of teaching Korean pronunciation of plosive consonants to Russian speaking students. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 3(3), 289–294. (In Russ.).
5. Voronina, L. A. (2021). Concept of the extralinguistic (background knowledge) interference in teaching Korean as a foreign language. *Scientific-methodological electronic journal «Concept»*, 10, 36–47. (In Russ.).
6. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 969 dated 12.08.2020 «On approval of the Federal State educational standard of higher education — Bachelor's degree in the field of training 45.03.02 Linguistics». (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 59448 on 25.08.2020). https://www.rea.ru/ru/org/managements/uchmetupr/Documents/Standarts/FGOS%20VO/Bakalavriat/Standart_45.03.02_Lingvistica_2020.pdf (In Russ.).
7. Li, Jin. (2015). *Cultural Foundations of Learning: East and West*. HSE Publishing House. (In Russ.).
8. Tareva, E. G., & Pavlova, E. O. Teaching of intercultural communication: Criteria for selection of foreign textbooks. *Society. Communication. Education*, 11(3), 121–130. (In Russ.).
9. Taraskina, Ya. V. (2016). The main concepts of education in the domestic high school textbooks for foreign languages. *Vestnik of Buryat State University*, 1, 142–151. (In Russ.).
10. Tareva, E. G., & Malykh, O. A. (2013). Approaches to the study of the problem of phonological competence formation in a language university. *Language and Social Dynamics*, 13(1), 310–312. (In Russ.).
11. Shchukin, A. N. (2011). *Methods of teaching speech communication in a foreign language*. Ikar. (In Russ.).
12. Voronina, L. A. (2021). Concept of the extralinguistic (background knowledge) interference in teaching Korean as a foreign language. *Scientific-methodological electronic journal «Concept»*, 10, 36–47. (In Russ.).
13. Pugatsevich, I. P., & Rogoznaya, N. N. (2015). Interlanguage as an intermediate system in bilingualism. *Bulletin of IrSTU*, 4(99), 435–439. (In Russ.).
14. Skosorenko, E. G. (1993). *Goals and objectives of practical training for the 1st year students of a language University* [Dissertation for the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow]. (In Russ.).
15. GOST 7.60-2003. Edition. *The main types. Terms and definitions*. <https://docs.cntd.ru/document/1200034382> (In Russ.).
16. Mongolov, K. N., Musaev, O. S., & Skorbatyuk, I. D. (1978). *Theoretical phonetics of the Korean language*. Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation Publishing House. (In Russ.).
17. I, Hae Yeong, et. al. (2021). *Popular methods of teaching Korean*. Hawoo Publishing Inc. (In Korean).
18. Ch'oe, E. G., et. al. (2009). *Korean pronunciation for foreigners 47*. Hangeulpark. (In Korean).
19. Balandyuk, Yu. V. (2003). *Prosodic structure of a word in the Korean language: based on the material of a two-word* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.22. Moscow]. (In Russ.).
20. Yarotskaya, L. V. (2021). Foreign language textbook as a sense building tool in the field of professional expertise: non-linguistics university, master's course. *Herald of the MGLU. Education and Pedagogical Sciences*, 2(839), 36–44. (In Russ.).

21. Tareva, E. G., & Tarev, B. V. (2014). The innovative potential of educational traditions: an open-type foreign language textbook. *Questions of teaching methods in higher education*, 3(17), 364–373.

Информация об авторе

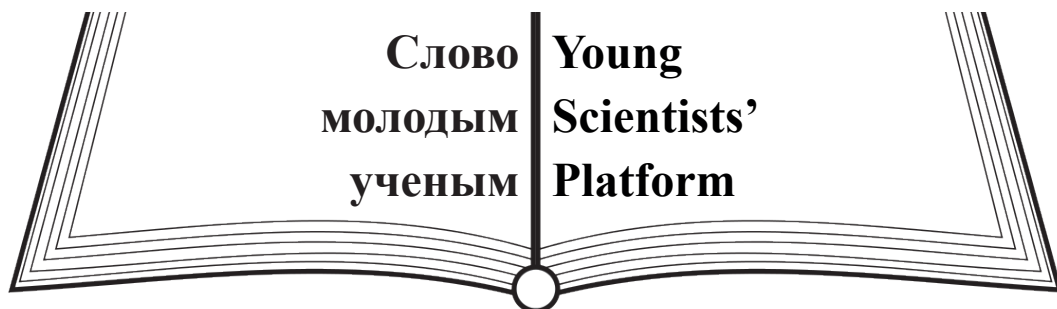
Людмила Александровна Воронина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Lyudmila A. Voronina — PhD (Pedagogy/Education), Associate Professor of Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1-2.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.14

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»

Воронина Юлия Владимировна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

julvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы масок, используемых персонажами пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в общении друг с другом. Сменяемость ситуативных ролей действующих лиц, их иллюзорных представлений имеет различный характер и подразделяется на три вида, которые условно называются дивергенцией (от единого к многоликости), конвергенцией (от многоликости к единству), интерференцией (взаимодействие первых двух видов). Иллюзии персонажей «Вишневого сада» отсылают к будущему, приобретая прогностический характер в проекции «история России XX века». Часть героев проходит через цикл *жизнь – смерть – жизнь*. Нередко смена масок и ролей лишает героев типичности, отрывает от реальности (помешательство и «игра воображения» Лопахина). Одни персонажи способны сменить несколько ролей за очень короткое время (Гаев), другие, напротив, постоянны (роли Вари в мечтах и реальности). Самый сложный тип, интерференцию масок, представляет Раневская: кающаяся грешница, любящая мать и мотовка денег дочери.

Ключевые слова: иллюзии и реальность, ситуативные маски, виды кажимости, прогностический характер иллюзий, чередование противоположностей.

Для цитирования: Воронина, Ю. В. (2023). Взаимодействие иллюзии и реальности в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 168–175. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.14>

Original article

UDC 821.161.1-2.09

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.14

**INTERACTION OF ILLUSION AND REALITY
IN A. P. CHEKHOV'S PLAY «THE CHERRY ORCHARD»****Julia V. Voronina**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russiajulvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Abstract. The article considers various types of masks used by the characters of A. P. Chekhov's play «The Cherry Orchard» in communication with each other. The change in the situational roles of actors, their illusory representations have a different character. It can be divided into three types, which we conditionally call divergence (from unity to diversity), convergence (from diversity to unity), interference (interaction of the first two types). The illusions of the characters in «The Cherry Orchard» refer to the future, acquiring a prognostic character in the projection on the history of Russia in the 20th century. Some heroes go through a life – death – life cycle. Often the change of masks and roles deprives the characters of their typicality, disconnects them from reality (Lopakhin's insanity and «play of imagination»). Some characters are able to change several roles in a very short time (Gaev), others, on the contrary, are constant (Vary's roles in dreams and reality). The most complex type, an interference of masks, is represented by Ranevskaya: a penitent sinner, a loving mother and a her daughter's money-grubber.

Keywords: illusions and reality, situational masks, types of appearances, predictive nature of illusions, alternation of opposites.

For citation: Voronina, Ju. V. (2023). Interaction of illusion and reality in A. P. Chekhov's Play «The Cherry Orchard». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 168–175. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.14>

Введение

Категории «быть» и «казаться» тесно переплетены в философии, литературе и культуре. В философии диалектического материализма реальность понимается двояко. В узком смысле — это внешний объективный мир, противопоставленный его субъективному отражению, в широком — «все существующее, т. е. материальный мир и все его идеальные продукты» (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 723). По мнению А. Г. Спиркина, «бытие и реальность, как всеохватывающие понятия», являются синонимами (Спиркин, 2007, с. 224). В этом смысле и самая изощренная фантастика — реальность сознания. Литературная реальность при всей ее условности есть отражение предметного мира, объективных событий и процессов. Но в ней находят место иллюзии, грезы, ожидания героев, не соотносимые с происходящим. Есть реальное «я» персонажей, отраженное в объективных процессах, их поступках. А есть «я», которое желает казаться кем-то иным перед самим собой, другими и высшею истиной. Иллюстрируя эту мысль, приведем высказывание одного из отцов православной церкви Г. Богослова: «То, что я сам в себе таков, или осудит меня, или оправдает, сделает несчастным или блаженным; а то, каким я кажусь, ничего для меня не значит, равно как чужое сновидение».

Но «не кажусь, но весь открыт пред Тем, который все знает до рождения людей» (Богослов, 1994, с. 506).

Проблема взаимодействия реальности и иллюзии в чеховской драматургии уже не раз ставилась в работах Г. А. Бялого, Л. В. Карасева, В. Б. Катаева, Л. Е. Кройчика, В. Я. Лакшина, М. Ч. Ларионовой, Э. А. Полоцкой, А. П. Скафтымова, Г. И. Тамарли, А. П. Чудакова, С. Л. Шелехова, В. Б. Шкловского и целого ряда других исследователей. Однако в настоящей работе избран иной ракурс исследования. Цель статьи — рассмотреть персонажей пьесы «Вишневый сад» через призму двух категорий — реальности и кажимости, представив три вида ситуативных ролей персонажей.

Результаты и дискуссия

Один из видов намеренной кажимости — маска. М. М. Бахтин широко понимал маску: «Исчерпать многосложную и многозначную символику маски, конечно, невозможно. Нужно отметить, что такие явления, как пародия, карикатура, гримаса, кривляния, ужимки и т. п., являются по своему существу дериватами маски» (Бахтин, 1990, с. 48). В чеховском художественном мире эти явления приобрели свои оригинальные черты. Как заметил Р. Г. Назиров, «Чехов создал *конструктивную пародию*, т. е. пародию, превышающую задачу осмеяния...» (курсив мой. — Ю. В.) (Назиров, 2005, с. 155). С динамикой ролей индивида в чеховском художественном мире тесно связана проблема идентификации героя (кто он?) и самоидентификации (кто я?). Как полагает Э. С. Афанасьев, чеховский герой лишь иллюзорно свободен: «Эта кажимость внутренней свободы чеховского героя, наличия альтернатив в выборе жизненного пути порождает эффект иронии, особенно выразительный в драматургии» (Афанасьев, 2011, с. 19). «Эстетический статус героя Чехова — герой иронический, поскольку у него отсутствует возможность выбора той или иной линии поведения» (Там же, с. 20).

Для чеховедения большое значение имеет оппозиция, введенная В. Б. Катаевым для понимания заблуждений и прозрений персонажей: «Точнее всего переход героя к новому видению жизни и новому мироощущению можно обозначить при помощи оппозиции *казалось – оказалось*» (Катаев, 1979, с. 21). В пьесе «Вишневый сад» уже многое «оказалось», но герои продолжают творить свое «казалось», не пытаясь прозреть. Любовь Андреевна за границей уже была на краю смерти, уже дважды была обманута любовником и все-таки уезжает к нему снова в образе все прощающей женщины. Здесь налицо ирония в виде «самой жизни, всевидящей и всезнающей» (Полоцкая, 2001, с. 19).

В художественном мире писателя «ничто так надежно не скрывает от героев <...> истину, как иллюзия обладания ею» (Линков, 1982, с. 13). Маска может сопутствовать развитию сущностных сил человека, а может скрывать и уничтожать эти силы, частично или полностью снимать ответственность с индивида за свои поступки в той или иной ситуативной роли. М. Бахтин считал, что «отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна, неукоренима» (Бахтин, 2003, с. 51). Случайность и неукоренимость масок в пьесе проявляются в их дивергенции (от единого к многоликости), конвергенции (от многоликости к единству), интерференции (синтез первых двух видов).

Развивая ряд идей М. М. Бахтина, Г. И. Тamarли разделяет героев «Вишневого сада» на две группы: персонажи-лица и персонажи-маски. Последние «создают в произведении смеховое эмоционально-смысловое поле, на которое проецируются эмоционально-смысловые поля главных персонажей с самыми разными тональностями» (Тамарли, 1993, с. 82). В большинстве случаев в художественном мире Чехова «иллюзия не выдерживает столкновения с реальностью» (Кройчик, 1986, с. 163), но иногда предсказывает другую реальность. Так, Лопахин в минуту торжества не уверен в реальности своего приобретения. Свое кажется ему чужим. И он отдает «двадцати двум несчастьям» контролировать частную собственность на землю.

А. Белый, утверждая совпадение истинного символизма с истинным реализмом, заметил, что крайний реализм впадает в свою противоположность: «В последовательном проведении детерминизма как метода обнаруживается призрачность его <...> иллюзия, еще недавние ужасы отлетают в область миражей. Открывается царство Вечного Покоя» (Белый, 1994, с. 174). Чехов, по мысли Белого, умеет показать, «что и Рок – иллюзия» (Там же). Д. С. Мережковский сравнил персонажей «Трех сестер» и «Вишневого сада» Чехова с живыми мертвецами из рассказа Достоевского «Бобок», которые «не живут, а разлагаются», назвав Лопахина «грядущим хамом» (Мережковский, 2004, с. 73). Если А. Белый фиксирует взаимопереход реальности и иллюзии, то Мережковский говорит о среднем звене между жизнью и смертью, истиной и ложью, в котором пребывают герои Чехова.

Иллюзорная неизменяемость персонажей чеховского театра постоянно сопровождается их включением в реальный поток биологического и исторического времени (Катаев, 1998, с. 47). Вместе с тем иллюзия, как отрыв от тоскливой реальности, властвует над действующими лицами, ибо «дело, которым они заняты или к которому стремятся, заботы, в которые они погружены, и есть тот иллюзорный спасительный мир» (Кройчик, 1986, с. 223). Они сходят с ума и приходят в норму, ошибаются и прозревают истину, тем самым высвечивая три значения истинности этики чеховских героев: *зло – не зло – добро*.

В «Вишневом саду» действуют все три вида кажимости: перед Богом, или перед тем, что человек считает высшей истиной, перед самим собой, перед другими людьми. А. П. Скафтымов подчеркивал двойное освещение, в котором представлен каждый персонаж: «С одной стороны, пьеса стремится оттенить и выдвинуть субъективную важность, серьезность и значительность той сосредоточенности, которая волнует данное лицо, а с другой — показать всю ее относительность, эмоциональную неразделенность и удивляющую или смешную странность в глазах других лиц» (Скафтымов, 1972, с. 350). При этом каждый персонаж имеет свой «эмоциональный комплекс», который «захватывает зрителей» (Pitcher 1973, p. 10). Переживания заставляют героев быть и казаться, т. е. соответствовать их жизненной парадигме. Трагизм обрушивающейся на героев реальности вытесняет утешительные иллюзии, их жизнь рушится, надежды не сбываются.

Сад действительно дорог только Варе и Фирсу. Сначала он дорог и юной Ане. Троекратное «боже мой» прозвучит из Аниных уст в диалоге с Варей как реакция на то, что проценты по заложенному имению не уплачены и что на август назначены торги. Это не обращение к Богу, но горестное восклицание по поводу предстоящей утраты вишневого сада. Неслучайно во время диалога девушек в дверь заглядывает Лопахин и мекает, что, по ремарке автора, похоже на бляение козла, «в котором

народное сознание видело нечистую силу» (Ларионова, 2007, с. 289). И Варя тут же развеивает кажущуюся близость ее свадьбы с Лопахиним: «Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, все как сон...» (Чехов, 1983, с. 201).

Лопахин только притворяется женихом. Все домочадцы пребывают в иллюзии относительно его намерений, лишь Варя знает истину, недаром она кажется Любви Андреевне монашкой. Именно Варя чаще всего обращается к Богу как к высшей инстанции с просьбой о спасении вишневого сада. Для себя на будущее она примеривает роль странницы, служащей благолепию. Мечтая выдать Аню «за богатого человека», она готова забыть о себе, понимая, что с Лопахиним ей не по пути.

Во втором действии, когда реальное положение дел становится более очевидным, Леонид Андреевич уходит в мир грез, уверяя, что его «обещали познакомить с одним генералом, который может дать под вексель», но сестра его тут же разоблачает: «Это он бредит. Никаких генералов нет» (Чехов, 1983, с. 223). Практический путь спасения имения — сдать в аренду под дачи — никак не интересует хозяев. Капиталисту Лопахину непонятно, как можно отказаться от личной выгоды ради красивой иллюзии. В статье 1907 года «О веселом ремесле и умном веселии» В. Иванов отметил в пьесе Чехова «сведение к абсурду <...> загнившей и затосковавшей действительности, изображение маразма и разложение застоявшейся России» (Иванов, 1994, с. 64). Представляя Гаеву и Раневской план спасения имения, Лопахин выходит из себя: «Я зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили! (Гаеву) Баба вы!» (Чехов, 1983, с. 219). Сам впадая в истерику, как женщина, он именуется бабой собеседника. В нем возникает ответная маска, спровоцированная бабьим поведением собеседника. Но убедить хозяев, образованных и интеллигентных, Лопахин не в силах. У Раневской и Гаева отсутствует воля к преобразованию хозяйства. Однако Гаев не так прост, как кажется. Он прикрывается игрой, бильярдными терминами, чтобы скрыть обнаженную истину, «опасную для человеческой жизни, ибо в ней разрушающей силы гораздо больше, чем созидательной» (Саяпова, 2004, с. 162).

Принято считать, что Чехов изображает обыкновенных людей. Но в последней пьесе это не совсем так даже по отношению к второстепенным персонажам. Интересна маска персонажа Яши. Поразительна жестокость лакея, его откровенное презрение к Гаеву, брату его госпожи, и даже к своей собственной матери. Маску образованного человека он может носить только перед глупенькой горничной Дуняшей, Варя видит его истинное лицо ужасного человека. Удивителен конторщик Епиходов, неудачный соперник Яши, «двадцать два несчастья», каждый день переживающий злоключения, готовый застрелиться. Его маска романтического влюбленного, поющего серенады под аккомпанемент мандолины, никак не соответствует его истинному образу. Но именно ему Лопахин поручил присматривать за только что купленным имением, не доверив ответственное дело практичной Варе, к тому же когда-то симпатизировавшей новоявленному хозяину.

К образу Любви Андреевны Раневской вполне приложимы слова Л. А. Колобаевой: «Перед нами скорее бесхарактерность, нежели характер, если под характером понимать <...> устойчивую систему мотивации человека» (Колобаева, 1990, с. 39). Раневская угасает, но ей кажется, что она живет во имя любви. Маска прекрасной женщины намертво приросла к ее лицу.

Поражает Фирс, преданный саду и хозяевам, сетующий: «Жизнь-то прошла, словно и не жил...» (Чехов, 1983, с. 254). Фраза забытого в доме слуги обнажает призрачность не только его жизни, но и судеб всех персонажей пьесы.

Заключение

Большинство персонажей «Вишневого сада» живут как в иллюзорном, так и в реальном мире. Они испытывают все три вида кажимости: перед самими собой, перед другими людьми, перед Богом. В реальности бывшие хозяева вишневого сада разочаруются, в то же время у них возникают иллюзорные надежды на выгодное замужество Ани, влюбленной в непрактичного Петю; на богатство ярославской тетушки, осуждающей поведение Любви Андреевны; на доброго генерала, выдуманного Гаевым. Положение между иллюзией и реальностью в момент изменения судеб героев расцветается Чеховым яркими красками. Иллюзии персонажей подвергаются дивергенции, конвергенции и интерференции. Как узкий пучок света, попадая на стеклянную призму и преломляясь в ней, дает многоцветную радугу, так и возвращение хозяев вишневого сада к родным пенатам обнаруживает многоликость их масок. Сияет всеми красками делового человека Гаев, предлагая иллюзорные проекты спасения сада. Забывает себя и думает, что становится барышней, горничная Дуняша. Невиданную энергию обнаруживает старый Фирс, ездивший встречать на станцию свою барыню, а энергичный Лопехин, почти влюбленный в Раневскую, проспал ее приезд.

Дивергенция сниженных масок и ролей присуща самокритичному Лопехину (он именует себя мужиком, дураком, свиньей). Убеждая в своей правоте, он ведет себя порой как истеричная женщина, хотя многие персонажи видят в нем бескорыстного заимодавца, сердечного человека. Интерференцию этих оценок прерывает центральное событие пьесы. Трезвый, практичный Лопехин одержим идеей несовместимости маленьких людей с громадными просторами России, в которой, по его мнению, должны жить великаны. Потомок крепостных, он вольно или невольно зовет Русь к топору. Он надеется через двадцать лет получить огромный капитал. Но у истории другие планы: революции и гражданская война. Поэтому его торжество отравляет иллюзорность приобретения. То, что ему мерещится, не соотносится с реальностью — с предстоящей революцией, городом-садом В. Маяковского. Вместе с такой выразительной деталью, как передача ключей Епиходову, финал пьесы прочитывается как пролог к бедствиям России, обрушившимся на нее в XX веке.

Список источников

1. Афанасьев, Э. С. (2011). Проблема самоидентификации человека в прозе Чехова. Известия РАН. *Серия литературы и языка*, 5(70), 18–25.
2. Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.
3. Бахтин, М. М. (2003). *Собр. соч.* Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. Русские словари; Языки славянской культуры.
4. Белый, А. (1994). *Символизм как миропонимание*. Республика, 371–375.
5. Богослов, Г. (1994). *Собр. творений*: в 2 т. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра.
6. Иванов, В. И. (1994). *Родное и вселенское*. Республика.
7. Катаев, В. Б. (1998). *Сложность простоты: рассказы и пьесы А. П. Чехова*: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Издательство Московского университета.
8. Колобаева, Л. А. (1990). *Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв.* Издательство МГУ.
9. Кройчик, Л. Е. (1986). *Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова*. Издательство Воронежского университета.

10. Ларионова, М. Ч. (2007). Драматургия А. П. Чехова и народный театр: Симеонов-Пищик. *Виноградовские чтения. Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методологический аспекты*: материалы Международной научной конференции, 15–17 ноября 2007 г.: [в 4 т.]. (Ред.-сост.: С. А. Джанумов, И. А. Беляева, Б. А. Гиленсон, М. Б. Лоскутникова). Т. 2, 112–116.
11. Линков, В. Я. (1982). *Художественный мир прозы А. П. Чехова*. Издательство Московского университета.
12. Мережковский, Д. С. (2004). *Грядущий хам*. Чехов и Горький. Республика, 40–75.
13. Назиров, Р. Г. (2005). Пародии Чехова и французская литература. *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет*: сборник статей РИО БашГУ, 150–158.
14. Полоцкая, Э. А. (2001). *О поэтике Чехова*. Наследие.
15. Саяпова, А. М. (2004). «Стремление за границу языка»: философия драматургии А. П. Чехова. *Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности*: материалы VI Всероссийской научной конференции, 2–3 октября 2002 г. Издательство УрГУ, 159–164.
16. Скафтымов, А. П. (1972). Нравственные искания русских писателей. *Статьи и исследования о русских классиках*. Художественная литература.
17. Спиркин, А. К. (2007). *Философия*: учебник. 2-е изд. Гардарики.
18. Тамарли, Г. И. (1993). *Поэтика драматургии А. П. Чехова*. Издательство Ростовского университета.
19. *Философский энциклопедический словарь*. (1983). Советская энциклопедия.
20. Чехов, А. П. (1983–1986). *Полн. собр. соч. и писем*: в 30 т. Т. 13. Наука.
21. Pitcher, H. (1973). *The Chekhov play. A New Interpretation*. Barnes & Noble.

References

1. Afanasiev, E. S. (2011). The problem of human self-identification in Chekhov's prose. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 5(70), 18–25. (In Russ.).
2. Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
3. Bakhtin, M. M. (2003). *Sobr. op.* Т. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s. Russian dictionaries; Languages of Slavic culture. (In Russ.).
4. Bely, A. (1994). *Symbolism as a worldview*. Republic, 371–375. (In Russ.).
5. Bogoslov, G. (1994). *Collection of works*: in 2 vol. Vol. 1. Holy Trinity Sergius Lavra. (In Russ.).
6. Ivanov, V. I. (1994). *Native and universal*. Republic. (In Russ.).
7. Kataev, V. B. (1998). *The Complexity of Simplicity: Stories and Plays by A. P. Chekhov*: to help teachers, high school students and applicants. Publishing house of the Moscow University. (In Russ.).
8. Kolobaeva, L. A. (1990). *The concept of personality in Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries*. Moscow State University Publishing House. (In Russ.).
9. Krojchik, L. E. (1986). *The Poetics of the Comic in the Works of Anton Chekhov*. Voronezh University Publishing House. (In Russ.).
10. Larionova, M. Ch. (2007). Dramaturgy A. P. Chekhov and the People's Theatre: Simeonov-Pishchik. *Vinogradov readings. Text and context: linguistic, literary and methodological aspects*: Proceedings of the International Scientific Conference on November 15–17, 2007: [in 4 vol.]. (Ed.-comp.: S. A. Dzhanumov, I. A. Belyaeva, B. A. Gilenson, M. B. Loskutnikova). Т. 2, 112–116. (In Russ.).
11. Linkov, V. Ya. (1982). *The artistic world of A. P. Chekhov's prose*. Moscow University Publishing House. (In Russ.).

12. Merezhkovsky, D. S. (2004). *The coming ham*. Chekhov and Gorky. Republic, 40–75. (In Russ.).
13. Nazirov, R. G. (2005). Parodies of Chekhov and French Literature. *Russian classical literature: a comparative historical approach. Studies of different years: collection of articles*. RIO BashGU, 150–158. (In Russ.).
14. Polotskaya, E. A. (2001). *On Chekhov's Poetics*. Heritage. (In Russ.).
15. Sayapova, A. M. (2004). «Striving beyond the borders of the language»: Philosophy of dramaturgy of A. P. Chekhov. *Dergachev readings – 2002. Russian literature: national development and regional features: materials of the VI All-Russian Scientific Conference, October 2–3, 2002*. Publishing house of USU. (In Russ.).
16. Skaftymov, A. P. (1972). *Moral quests of Russian writers. Articles and studies about the Russian classics*. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
17. Spirkin, A. K. (2007). *Philosophy: textbook*. 2nd ed. Gardariki. (In Russ.).
18. Tamarly, G. I. (1993). *Poetics of the dramaturgy of A. P. Chekhov*. Publishing house of the Rostov University. (In Russ.).
19. *Philosophical encyclopedic dictionary*. (1983). Soviet encyclopedia. (In Russ.).
20. Chekhov, A. P. (1983–1986). *Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 13. Science*. (In Russ.).
21. Pitcher, H. (1973). *The Chekhov play. A New Interpretation*. Barnes & Noble. (In English).

Информация об авторе

Юлия Владимировна Воронина — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Julia V. Voronina — Post-graduate Student of the History of Russian Literature Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 37.091.64:811.112.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.15

**ТИПОЛОГИЯ КОМИКСОВ
В НЕМЕЦКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ****Яковлева Виктория Вадимовна**Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россияvipanteleeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8820-4088>

Аннотация. В статье речь идет о разработке классификации немецкоязычных комиксов, зафиксированных в образовательном дискурсе Германии. Актуальность работы обусловлена тем, что представленный в учебниках для иностранцев немецкоязычный комикс недостаточно изучен в современной германистике. Новизна исследования состоит во введении терминов: «монокадровый комикс» и «поликадровый комикс», — определяющих структурные особенности образовательного комикса. Ведущим методом выступил структурный анализ, наряду с которым использовались: метод семантического анализа, количественного подсчета, структурного анализа, моделирования, а также контент-анализ. Выборка исследования включала в себя 215 комиксов, занимавших 2832 страницы немецких учебников для иностранцев. Автором публикации сделан вывод о том, что число поликадровых комиксов превалирует в незначительном количестве над монокадровыми комиксами.

Ключевые слова: образовательный дискурс, комикс, монокадровый комикс, поликадровый комикс, образовательный комикс.

Для цитирования: Яковлева, В. В. (2023). Типология комиксов в немецком образовательном дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 176–184. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.15>

Original article

UDC 37.091.64:811.112.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.15

**TYPOLGY OF COMICS
IN GERMAN EDUCATIONAL DISCOURSE****Viktoriya V. Iakovleva**National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
Moscow, Russiavipanteleeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8820-4088>

Abstract. In Germany's article, we are talking about the analysis of German-language developments recorded in educational discourse. The relevance of the work is due to the fact that the German language presented in textbooks for foreigners is experimentally insufficiently studied in modern German studies. The novelty of the study lies in the introduction of the terms “single-frame comics” and “poly-frame comics” — the observed structural features of educational comics. The leading

method of structural analysis, detection analysis: the method of semantic analysis, counting counting, structural analysis, modeling, and content analysis. The research sample included 215 comics dealing with 2832 pages of technical textbooks for foreigners. The author of the publication concluded that the number of polyframe comics prevails in an insignificant number over monoframe comics.

Keywords: educational discourse, comics, monoframe comics, polyframe comics, educational comics.

For citation: Iakovleva, V. V. (2023). Typology of comics in German educational discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 176–184. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.15>

Введение / Introduction

Образовательный комикс, представляющий собой симбиоз текстового и изобразительного компонентов, все чаще находится в фокусе изучения исследователей различных областей науки ввиду того, что реципиентом легче воспринимаются гетерогенные тексты. Мы понимаем под образовательным комиксом разновидность поликодового текста как совокупности последовательных кадров, связанных единством темы и сюжета, функциональной особенностью которого является трансляция новых знаний в рамках образовательного процесса. Интерес многих ученых к исследованиям такого рода текстов приводит к возникновению обилия их номинаций: поликодовые тексты (Сонин, 2005; Корепанов, 2021; Омеляненко, Ремчукова, 2018), креолизованные тексты (Сорокин, Тарасов, 1990; Окунева, Латун, 2017; Стуколова, Ежова, 2020), дикодовые тексты (Ларина, 2021), изовербальные комплексы (Бернацкая, 2000), мультимодальные тексты (Adami, Kress, 2014; Stöckl, 2019) и др. Мы останавливаемся на варианте наименования текстов с негомогенной фактурой, а именно на поликодовых текстах, определяемых как «тексты, возникшие на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» (Сонин, 2005, с. 97).

В связи с тем, что комиксы, встречающиеся в учебниках немецкого языка как иностранного, выступают частью образовательного процесса, выходящего за пределы учебных классов и аудиторий, мы рассматриваем область применения такого рода комиксов в рамках образовательного дискурса. На сегодняшний день встречается несколько точек зрения на сущность термина «образовательный дискурс» (Сарайкина, 2017; Исаева, Кривченко, 2019; Яковлева, 2021; Руденко, 2022). В нашем исследовании образовательный дискурс представляется разноуровневой системой образовательного процесса, выходящей за пределы учебных классов и аудиторий и охватывающей все сферы деятельности человека, где наряду с классическими образовательными задачами (обучение и воспитание) включаются также околообразовательные процессы, вследствие чего круг участников данного типа дискурса расширяется.

Говоря о комиксе и его смежных формах, выделяют такие эквиваленты термина «комикс», как: истории в картинках, карикатура, графический роман, графическая новелла, стрипы, манга (японские комиксы, которые выполнены в стиле аниме и, как правило, читаются справа налево), БД (сокращение от *bande dessinée* — французское название комикса, которое переводится как «разрисованная полоса») и др. Непосредственно сам термин «комикс» (от *англ.* *comics*) является сокращением словосочетания *comic strips*, которое синтезирует два понятия: *comic* (комичный) и *strips* (полоски) (Kluge, 2002, S. 136).

На наш взгляд, комикс представляет собой неразрывное единство буквенного и иконического знаков, где под буквенным знаком мы понимаем все речевое единство, при помощи которого передаются предметно-логические связи и временные соотношения комикса, а иконические знаки участвуют в организации композиционно-пространственного оформления, будучи дополнительным источником информации. Таким образом, комикс — это единство изображения, речи и паралингвистических средств, которые задают дискурсивное пространство комикса. Именно количество взаимодействующих семиотических систем, образующих сложную гетерогенную структуру и синтезирующих в своем составе вербальные, изобразительные и визуальные средства, заставляет нас трактовать комикс как поликодовый, а не креолизованный текст, несмотря на семантическую близость двух понятий. Применительно к комиксу данный термин считаем избыточным, поскольку он охватывает многоплановые структуры. «Использование современных технических средств приводит к более тесному смыканию визуальной и вербальной составляющих, вследствие чего меняется традиционное представление о тексте. Понятие текста расширяется и включает в себя визуальный компонент в статическом и динамическом исполнении, звуковое сопровождение и собственно текст, объединенные одним доминантным смыслом» (Хлопова, 2021, с. 233). Речь идет о, несомненно, более сложных единствах гетерогенных семиотических кодов, оказывающих комплексное воздействие на реципиента посредством комбинации звука, действия, изображения и вербальной составляющей, определяющих коммуникативную эффективность сообщения.

Таким образом, комикс представляет собой неразрывное единство буквенного и иконического знаков, где под буквенным знаком мы понимаем все речевое единство, при помощи которого передаются предметно-логические связи и временные соотношения комикса, а иконические знаки участвуют в организации композиционно-пространственного оформления, будучи дополнительным источником информации.

В работе впервые предложена классификация комиксов в зависимости от количества представленных в них кадров. Рассмотрение расположения вербальных и невербальных компонентов комикса, являющихся его составляющими частями, предоставляет возможность выявить особенности немецкоязычного образовательного комикса, а также способствует выделению ряда признаков, необходимых для создания классификации комикса.

Цель настоящего исследования — создание и обоснование классификации немецкоязычного комикса в образовательном дискурсе по форме на основе анализа входящих в его состав частей. Материалом исследования послужили учебники немецкого языка, целевую аудиторию которых составляют взрослые обучающиеся.

Методология исследования / Methodology

С помощью анализа сплошной выборки, контекст-анализа, метода количественного подсчета, структурного и семантического анализов, а также метода моделирования были проанализированы 2832 страницы учебников, предназначенных для людей, не являющихся носителями немецкого языка. Общее количество комиксов в данных учебниках составило 215 единиц.

Ход исследования / Results and discussion

В ходе исследования была составлена классификация комиксов в учебниках для изучающих немецкий язык в качестве иностранного. Нами было выделено две разновидности наиболее частотно встречающихся комиксов, которые мы предложили классифицировать по их форме. Так, комиксы, содержащие один изобразительный компонент (кадр), мы именуем как *монокадровые комиксы*. Соответственно, комиксы, состоящие из двух и более изобразительных компонентов, мы дефинируем как *поликадровые комиксы*, в которых кадры могут быть расположены линейно: по горизонтали, вертикали, диагонально, в несколько рядов или строк, но в целом они имеют упорядоченное расположение, что позволяет реципиенту ориентироваться в их последовательности. Монокадровые комиксы, в свою очередь, мы дифференцируем на линейные и нелинейные. В линейных монокадровых комиксах в рамках одного кадра демонстрируется одна ситуация. Ко второй разновидности монокадрового комикса мы причисляем нелинейные, где в рамках одного кадра развивается более одной ситуации одновременно.

Классификацию комиксов по форме можно представить следующим образом:

- 1) поликадровые (упорядоченное/линейное расположение кадров);
- 2) монокадровые:
 - а) линейные — кадр демонстрирует одну речевую ситуацию, где последовательность прочтения речевых высказываний играет семантическую роль;
 - б) нелинейные — кадр раскрывает несколько речевых ситуаций, происходящих одновременно, и последовательность их прочтения не несет семантического значения.

Рассмотрим каждый случай подробно.

Поликадровые комиксы представляют собой упорядоченное расположение картинок, которые могут демонстрировать повествование в динамике, показывая ряд событий (рис. 1).

Рис. 1. Пример поликадрового комикса с динамическим повествованием

Fig. 1. An example of a polyframe comics with dynamic narration

Так, действие первых трех кадров комикса начинается с беседы двух викингов, обсуждающих главные качества человека, рожденного в созвездии льва, такие как самоуверенность, тщеславность, властность и хвастливость. Несмотря на это, положительной стороной данного знака служит способность к построению счастливых отношений в браке: *Sie haben Glück in der Ehe* 'Они счастливы в браке' (Mebus u. a., 1997, S. 15). Следующее действие разворачивается уже в другой локалии; действующим лицом по-прежнему остается викинг, владеющий определенными знаниями в области астрологии, а также его дочь Хони, которая жалуется на свое недоверительное отношение к противоположному полу. До свадьбы мужчины обещают превозносить и боготворить, но после заключения брака ситуация изменяется: *Sie versprechen, dich auf ein Podest zu stellen und dich anzubeten vor der Ehe! Ich traue keinem von Ihnen!* 'До брака они (мужчины. — В. Я.) обещают возводить тебя на пьедестал и поклоняться! Я никому из них не верю!' (Там же). В это время ее возлюбленный Гарольд с трудом вносит во двор ее дома пьедестал с подписью «Хони». В данном случае транслируется информация для реципиента в виде цепочки взаимосвязанных событий, происходящих неодновременно.

В учебнике *Stufen. Kolleg als Fremdsprache* (3. Teil, Informationsaustausch) (Vorderwülbecke, 1993, S. 105) мы констатируем присутствие двух изображений, что позволяет нам причислить его к поликадровому комиксу, раскрывающему содержание предоставляемой читателю информации посредством вербального компонента. На обоих изобразительных составляющих представлена одна и та же супружеская пара, но межсобытийный период составляет один год, о чем реципиент узнает из вербального компонента-подписи: 1955 и 1956. На первом изображении (1955) дается описание качеств молодоженов — *intelligent, selbstständig und tüchtig* 'интеллигентных, самостоятельных и прилежных' специалистов — учительницы и техника, заключивших брак. Второе изображение (1956) демонстрирует их обыденный день: супруг спокойно читает свежую прессу за чашкой горячего напитка, в то время как супруга, на руках у которой непоседливый ребенок, жалуется на длительное отсутствие присылаемых ей по подписке выпусков учительской газеты: *Komisch, meine Zeitungen kommen gar nicht mehr...* 'Забавно, что мои газеты больше не приходят'. Показав смятение *Ah die...*, супруг сообщает, что отменил подписку ввиду того, что она и так ежедневно имеет дело с педагогикой, подразумевая воспитание их ребенка. За счет противопоставления невербальных компонентов реципиент комикса наблюдает за изменениями, произошедшими за один год. Благодаря совокупности вербальных и невербальных компонентов передается контрастная информация комикса — на первом изображении героиня в свадебном платье, на втором — *Von nun an muss sie Robert fragen, wenn sie ein neues Kleid kaufen will* 'Теперь она должна спрашивать разрешения Роберта, когда она хочет купить себе новое платье'. Таким образом, комикс, состоящий из двух изображений, может передавать информацию, сопоставленную во временном континууме.

Комиксы в немецком образовательном дискурсе могут состоять из большего количества компонентов в зависимости от автора и ориентации учебников. В поликадровом комиксе было выявлено максимальное количество кадров в виде 16 изображений (Vimpage u. a., 1993, S. 119). Однако важно отметить, что такой вид поликадрового комикса представляется нерелевантным в данном изыскании в связи с отсутствием вербального компонента, что не соответствует целям исследования поликодовых текстов. Максимальное количество изображений в поликадровом комиксе с вербальной составляющей равняется 10 (Там же, S. 103).

В выделенном поликадровом комиксе изображена типичная бытовая ситуация в семье, где девушка возвращается уставшей домой *Ich bin völlig fertig heute* ‘Я сегодня совершенно вымотана’, делится новостями прошедшего дня со своим, по всей видимости, партнером, выполняя параллельно некие бытовые обязанности, в то время как мужчина, лежа на диване, слушает в наушниках музыку. Кульминационной сценой данного поликадрового комикса становится фраза мужчины *Jetzt hat diese Platte auch einen Kratzer* ‘Теперь и на этом диске есть царапина’, после которой героиня осознает, что весь ее нарратив был не в фокусе внимания персонажа и его волнуют совершенно другие проблемы. В данном комиксе информация передается в виде совокупности невербального компонента — последовательности из десяти изображений, а также вербального компонента — развернутого монолога героини и единственной фразы героя.

На наш взгляд, монокадровые комиксы можно разделить на два вида. К первому виду (нелинейный комикс) отнесем кадр комикса из учебника *Deutsch Aktiv Neu: Lehrbuch 1A* (Neuner u. a., 1986, S. 7–8). В данном комиксе события происходят именно в изображаемый момент речи. Параллельно разворачиваются диалоги различных людей. Локально действие происходит на курсах немецкого языка, о чем свидетельствуют вербальные компоненты: надпись на стене: *Internationaler Deutschkurs* ‘Международный курс немецкого языка’, а также вывеска на информационной стойке *Deutschkurs*. Все диалоги объединены общей темой — знакомство. Изображены различные вариации приветствия, самопредставления, а также прощания. В комиксе фигурируют 21 человек, которые ведут беседу одновременно:

(1) — Hallo, Visa!	(1) — Привет, Виза!
— Hallo, Paul!	— Привет, Пауль!
(2) — Ich heiÙe Anne, und du?	(2) — Меня зовут Анна, а тебя?
— Tomi.	— Томи.
(3) — Auf Wiedersehen Frau Lentiris!	(3) — До свидания, госпожа Лентирис!
— Wiedersehen!	— До свидания!

Тем самым перед читателем разворачиваются различные сценарии коммуникативных ситуаций; при этом комикс не разделен на кадры, и читатель самостоятельно определяет основную часть кадра, так как последовательность речевых высказываний в данном кадре не имеет семантической привязанности.

Вторая разновидность монокадрового комикса — это цепочка связанных друг с другом событий, объединенных одной темой. Например, в учебнике *Mit uns leben. Ein Kursbuch für Aussiedler, Teil 1*, на монокадровом изображении (линейный комикс) показана сцена, во время которой действие разворачивается в одном месте — в зале ресторана, но действующими персонажами являются посетители заведения. (Vimpage u. a., 1993, S. 83). У каждого из сидящих клиентов происходит свой диалог, но всех их объединяет потребность обратиться к единственному официанту, который в этот момент находится в центре зала. Таким образом, монокадровый комикс демонстрирует некоторое количество связанных событий, выделенных одной рамкой для подчеркивания важности их тематического единства.

Обратимся к количественному подсчету примеров указанных выше видов комиксов для выяснения частотности их использования в текстах анализируемых учебников. Результаты подсчета представим в диаграмме (см. рис. 2).

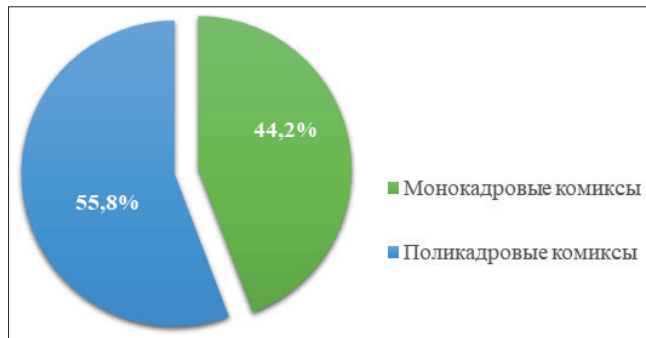

Рис. 2. Частотность использования монокадровых и поликадровых комиксов в немецких учебниках

Fig. 2. Frequency of use of monoframe and polyframe comics in German textbooks

Как показывает диаграмма на рисунке 2, в общем количестве примеров, отраженных в учебниках немецкого языка как второго иностранного, с разницей в 11,6 % преобладают поликадровые комиксы (55,8 %). В меньшей мере представлены монокадровые комиксы (44,2 %).

Заклучение / Conclusion

Материалом исследования послужили немецкоязычные комиксы из учебников для изучающих немецкий в качестве иностранного языка. В ходе анализа была предложена классификация по количеству кадров, входящих в состав рассматриваемых комиксов: содержащие один кадр — монокадровые; с двумя и более — поликадровые. В общем количестве примеров было выявлено незначительное преобладание поликадровых комиксов. Помимо этого, мы предложили классификацию монокадровых комиксов по форме в зависимости от разворачивающихся в них ситуаций на линейные (одна речевая ситуация, требующая последовательного прочтения речевых высказываний для смысловой завершенности) и нелинейные (несколько происходящих одновременно речевых ситуаций, где последовательность их прочтения не играет смысловой роли).

Список источников

1. Сонин, А. Г. (2005). *Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект*. Институт языкознания РАН.
2. Корепанов, Б. О. (2021). *Средства конструирования современного имиджа Вооруженных сил ФРГ в рекламном дискурсе* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
3. Омеляненко, В. А., & Ремчукова, Е. Н. (2018). Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности. *Коммуникативные исследования*, 3(17), 66–78. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.3.66-78>
4. Сорокин, Ю. А., & Тарасов, Е. Ф. (1990). Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Р. Г. Котов (Ред.). *Оптимизация речевого воздействия*, 180–186.
5. Окунева, И. А., & Латун, В. В. (2017). Особенности использования структурных компонентов креолизованных текстов в зарубежной учебной книге: моменты концептуальной инверсии. *Мир науки*, 2(5). (2023, 20 апреля). <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf>

6. Стуколова, Е. А., & Ежова, Т. В. (2020). Креолизованный Интернет-текст как средство эффективной подготовки будущего учителя иностранного языка. *Мир науки. Педагогика и психология*, 4(8). (2023, 20 апреля). <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf>
7. Ларина, Т. С. (2021). *Лингвокультурные особенности директивных речевых актов в немецком языке* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
8. Бернацкая, А. А. (2000). К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние. *Речевое общение: Специализированный вестник*, 3(11), 104–110.
9. Adami, E., & Kress, G. (2014). Introduction: Multimodality, meaning making, and the issue of «text». *Text & Talk*, 34(3), 233–237.
10. Stöckl, H. (2019). Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state of-the-art sketch. *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*. Ed. by J. Wildfeuer, J. Pflaeging, J. Bateman, O. Seizov, C. Tseng. De Gruyter, 41–68.
11. Сарайкина, Ю. С. (2017). *Современные тенденции в англоязычном образовательном дискурсе (на материале серии учебных пособий «OUTCOMES»)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
12. Исаева, О. Н., & Кривченко, И. Б. (2019). Функциональные характеристики малоформатных текстов заглавий в образовательном дискурсе (на материале американских учебников по гражданскому правоведению). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9, 234–237.
13. Яковлева, В. В. (2021). Дискурс в образовательной деятельности (терминологический аспект). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 11(853), 191–203.
14. Руденко, Т. И. (2022). *Особенности русского и немецкого образовательного дискурса (на материале официальных документов органов образования)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва].
15. Kluge, F. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 24, durchges. und erw. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter.
16. Хлопова, А. И. (2021). Интернет-открытка как поликодовый текст. *Глобальный научный потенциал*, 4(121), 232–235.
17. Mebus, G., Pauldrach, A., Rall, M., & Röster, D. (1997). *Sprachbrücke. 2. Teil. Deutsch als Fremdsprache*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH.
18. Vorderwülbecke, A., & Vorderwülbecke, K. (1993). *Stufen. Kolleg als Fremdsprache. 3. Teil. Informationsaustausch*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH.
19. Bimpage, H., Buchholz, Ch., Kaiser, I., Kempf, A., Kersting, H., Menke, D., Ost, G., Schulenburg, O., Schwaderer, M., & Wolf, L. (1993). *Mit uns leben. Ein Kursbuch für Aussiedler. 1. Teil*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH.
20. Neuner, G., Scherling, T., Schmidt, R., & Wilms, H. (1986). *Deutsch Aktiv Neu: Lehrbuch 1A*. Langenscheidt KG.

References

1. Sonin, A. G. (2005). *Understanding of polycode texts: cognitive aspect*. Russian Academy of Sciences Press. (In Russ.).
2. Korepanov, B. O. (2021). *Means of constructing the modern image of the Armed Forces of Germany in advertising discourse* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Moscow] (In Russ.).
3. Omelianenko, V. A., & Remchukova, E. N. (2018). Polycode texts in the aspect of the theory of multimodality. *Communication Studies*, 3(17), 66–78. (In Russ.).
4. Sorokin, Yu. A., & Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact*, 180–186. (In Russ.).
5. Okuneva, I. A., & Latun, V. V. (2017). Features of the use of structural components of creolized texts in a foreign textbook: moments of conceptual inversion. *Mir nauki*, 2(5). (2023, April 20). <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf> (In Russ.).

6. Stukolova, E. A., & Ezhova, T. V. (2020). Creolized Internet text as a means of effective training of future foreign language teachers. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 4(8). (2023, April 20). <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf> (In Russ.).
7. Larina, T. S. (2021). *Linguistic and cultural features of directive speech acts in the German language* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Moscow]. (In Russ.).
8. Bernackaya, A. A. (2000). On the problem of «creolization» of the text: history and current state. *Speech communication: Specialized bulletin*, 3(11). (In Russ.).
9. Adami, E., & Kress, G. (2014). Introduction: Multimodality, meaning making, and the issue of «text». *Text & Talk*, 34(3), 233–237. (In English.).
10. Stöckl, H. (2019). Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state of-the-art sketch. *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*. Ed. by J. Wildfeuer, J. Pflaeging, J. Bateman, O. Seizov, C. Tseng. De Gruyter, 41–68. (In English.).
11. Saraikina, Yu. S. (2017). *Modern trends in the English-language educational discourse (on the basis of a series of textbooks «OUTCOMES»*) [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.04. Moscow]. (In Russ.).
12. Isaeva, O. N., & Krivchenko, I. B. (2019). Functional Characteristics of Small Format Title Texts in Educational Discourse (on the Material of American Civil Law Textbooks). *Philology. Theory & Practice*, 9, 234–237. (In Russ.).
13. Yakovleva, V. V. (2021). Discourse in educational activity (terminological aspect). *Herald of the MGLU. Humanities*, 11(853), 191–203. (In Russ.).
14. Rudenko, T. I. (2022). *Features of Russian and German educational discourse (on the material of official documents of educational authorities)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Moscow]. (In Russ.).
15. Kluge, F. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 24, durchges. und erw. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter. (In German.).
16. Khlopova, A. I. (2021). Internet postcard as polycode text. *Global Science Potential*, 4(121), 232–235. (In Russ.).
17. Mebus, G., Pauldrach, A., Rall, M., & Röster, D. (1997). *Sprachbrücke. 2. Teil. Deutsch als Fremdsprache*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH.
18. Vorderwülbecke, A., & Vorderwülbecke, K. (1993). *Stufen. Kolleg als Fremdsprache. 3. Teil. Informationsaustausch*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH. (In German.).
19. Bimpage, H., Buchholz, Ch., Kaiser, I., Kempf, A., Kersting, H., Menke, D., Ost, G., Schulenburg, O., Schwaderer, M., & Wolf, L. (1993). *Mit uns leben. Ein Kursbuch für Aussiedler. 1. Teil*. Verlag Klett Edition Deutsch GmbH. (In German.).
20. Neuner, G., Scherling, T., Schmidt, R., & Wilms, H. (1986). *Deutsch Aktiv Neu: Lehrbuch 1A*. Langenscheidt KG. (In German.).

Информация об авторе

Виктория Вадимовна Яковлева — старший преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ».

Information about the author

Viktoria V. Iakovleva — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, National Research University «Moscow Power Engineering Institute».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 82-312.9

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.16

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ
ФЭНТЕЗИ-ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Полянская Арина Игоревна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россияarina.safronova.mgpu.mka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5291-4531>

Аннотация. В настоящей статье раскрываются особенности классификации фэнтези-произведений. Проведенное исследование показало, что, несмотря на наличие различных подходов, имеющиеся классификации несовершенны. На основе работ отечественных и зарубежных исследователей предлагается модифицированная классификация фэнтези-произведений, которая была апробирована на основе анализа известных творений «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, «Игра престолов» Дж. Р. Р. Мартина и др.

Ключевые слова: фэнтези, классификация, системный подход, мифология, национальная и фольклорная окрашенность.

Для цитирования: Полянская, А. И. (2023). Проблема классификации фэнтези-произведений. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2(50), 185–194.* <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.16>

Original article

UDC 82-312.9

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.16

FANTASY WORKS CLASSIFICATION ISSUE

Arina I. Polyanskaya

Moscow City University,
Moscow, Russiaarina.safronova.mgpu.mka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5291-4531>

Abstract. The article describes characteristic features of the modern fantasy classifications. The material under study shows that despite various approaches to the problem, the existing classifications are still questionable. Based on the works of Russian and foreign scholars a modernized classification is offered in the article. It has been probated through the analysis of the famous works «The Lords of The Rings» by J. Tolkien, «Game of Thrones» by G. Martin and others.

Keywords: fantasy, classification, system approach, mythology, national and folklore colouring.

For citation: Polyanskaya, A. I. (2023). Fantasy works classification issue. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2(50), 185–194.* <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.16>

Введение / Introduction

Фэнтези отличается высокой степенью вариативности, которая со временем только возрастает. Следовательно, актуален вопрос о модификации классификации подобных произведений. В наши дни ученый, проводя свои изыскания, может столкнуться с трудностями в научном обосновании принадлежности изучаемого сочинения к тому или иному жанру, являющемуся одним из «способов классификации и группировки текстов» (Зубов, 2021, с. 217). Как известно, внутри любого жанра в процессе развития отмечается все большее его разнообразие, что мотивирует ученых к созданию детализированной классификации фэнтези-произведений.

Зарубежные и отечественные исследователи предпринимали неоднократные попытки создать подобные классификации, основываясь на различных характеристиках художественных сочинений, включая сюжетные особенности, целевую читательскую аудиторию, сеттинг (от *англ.* *setting* — место действия) и т. д. (Е. А. Афанасьева, Е. Н. Ковтун, Е. А. Сафрон). Неоднородность подобных классификаций вновь подчеркивает необходимость обновленного подхода к дифференциации произведений в рамках стиля фэнтези, исходя «из высшего принципа разумности, основанного на строгой дисциплине творчества» (Викулова, 2016, с. 267).

Методология исследования / Methodology

Концепция проводимого исследования основывается на научных изысканиях отечественных и зарубежных ученых в области классификации фэнтези-произведений. В работе используется сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы, которые в совокупности обуславливают системность подхода к изучению выявленной проблемы.

В статье анализируются работы таких исследователей, как Е. Афанасьева, Р. Боуэр (R. Boyer), К. Захорски (K. Zakhorski), Е. Н. Ковтун, В. Л. Гопман, Р. Шидфар и др. Новая модифицированная классификация, предлагаемая в статье, основана на изучении текстовых примеров из произведений таких писателей, как Н. Гейман (N. Gaiman), О. Громько, Д. Емец, Дж. Мартин (G. Martin), К. Паолини (K. Paolini), Дж. Роулинг (J. K. Rowling), А. Сапковский (A. Sapkowski), Дж. Толкин (J. Tolkien).

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Следует отметить, что первые классификации фэнтези-произведений появились значительно позже времени завершения формирования самого стиля, несмотря на популярность жанра, отмечаемую исследователями: «Fantasy fiction is the current favorite genre of a large number of adolescents and young»¹ (Shaikh, 2022, p. 37). Данная ситуация, вероятно, связана со спецификой подобных сочинений, в основе которых лежит творческая индивидуальность автора, а она фактически не подчиняется

¹ Фантастика в стиле фэнтези в настоящее время является любимым жанром большого числа подростков и молодежи (здесь и далее перевод наш. — А. П.).

установленным литературным правилам. Кроме того, фэнтези по-прежнему воспринимается «как детский, либо не вполне серьезный, легкий жанр» (Михельсон, Тесман, 2022, с. 132) и критикуется за отсутствие реализма (Łaszkiwicz, 2019, р. 14), хотя исследователи отмечают, что одна из задач автора при создании вымышленного мира — сделать его максимально правдоподобным (Винтерле, 2012, с. 37).

Тем не менее с расширением текстового материала начали формироваться и первые базовые классификации. Так, американские литературоведы К. Захорски и Р. Боуэр предложили дуальную классификацию фэнтези, подразделяя такие произведения на низкие (low) и высокие (high). Противопоставление основывается на сеттинге сочинений. События в низком фэнтези происходят в нашем «первичном мире» (термин Дж. Толкина), во временном режиме здесь и сейчас, тогда как высокое фэнтези полностью относится к вымышленной авторской реальности (Zahorski, Boyer, 1982, с. 56).

Р. Шидфар создает свою классификацию, расширяя ее до четырех типов: героического, фольклорно-сказочного, героико-эпического и мифообразующего (Шидфар, 1997). Первый тип неразрывно связан с кельтским фольклором и мифологической системой. Действие фольклорно-сказочного фэнтези происходит в реальном мире, наполненном при этом некоторыми иррациональными элементами (сказочными существами и животными, магическими явлениями). Третий тип определяется как нарратив, сконцентрированный на приключенческой составляющей, в центре которой находится главный герой. Кратко назвать его можно фэнтези меча и магии (Там же). Мифообразующий тип характеризует произведения, в которых автор создает собственную мифологическую систему. При этом в самих сочинениях «параллельно с детальным описанием <...> событий можно обнаружить мифы <...> где находила отражение их мечта о будущем» (Баранова, Афанасьева, 2014, с. 11).

Отечественный исследователь Е. Н. Ковтун также придерживается четырехкомпонентной классификации, однако выделяет иные компоненты: мистическо-философское, метафорическое, черное и героическое фэнтези (Ковтун, 2008, с. 101). В основе первого типа сочинений лежат иррациональные допущения, от которых во многом зависит судьба главных персонажей. Метафорическое фэнтези характеризуется как утопическая иррациональность вымышленного мира, причем в центре сюжета находятся переживания и внутренний мир героя. Третий тип имеет определенные связи с литературой жанра ужасов: потусторонние силы вторгаются в жизнь действующих лиц, будучи недоступными для большинства людей в плане осмысления. В героическом фэнтези иррациональные допущения и фантастическая реальность становятся лишь фоном для авантурных походов главного героя (Там же). По сути, его «можно воспринимать как художественный сплав многообразных жанров» (Баранова, 2011, с. 10).

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» вниманию исследователей предлагается обобщающая классификация работ фэнтези, которая учитывает научные изыскания других авторов, но подразделяет все произведения, ориентируясь на принципы общности или различия фантастического в тексте:

- высокое фэнтези — действие происходит в вымышленном мире (например, сага «Песнь льда и огня» Дж. Мартина, «Сага о ведьмаке» польского писателя Анджея Сапковского, трилогия «Властелин колец» Дж. Толкина);
- низкое фэнтези — элементы сверхъестественного проявляются в реальном мире (например, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Тайный круг» Л. Смит) (Литературная энциклопедия..., 2002, с. 1162).

В соответствии с проблемно-тематическим принципом составители вычленяют:

- героическое фэнтези — действие происходит в вымышленных мирах и повествует о приключениях главного героя;
- готическое фэнтези, которое включает в себя элементы готики и ужасов;
- христианское фэнтези — в основе которых лежат христианские мотивы, идеи, сюжеты, иными словами, в них предлагается христианская модель устройства Вселенной (Литературная энциклопедия..., 2002, с. 1162–1163).

Представленная классификация свидетельствует о том, что исследователи постепенно фокусируют внимание не на перипетиях сюжета, а на характерных чертах, присущих непосредственно фэнтези: наличии фантастического в произведении и его особенностях (Карпова, 2020). Следующим шагом в разработке классификации является попытка вычленить и описать инструментарий для создания фэнтези-произведений. Отечественный исследователь Е. А. Афанасьева в своей работе «Жанр фэнтези: проблемы классификации» (2008) показала, что конкретно используют авторы для усиления элемента системности в изучении фэнтези, а это, в свою очередь, позволяет учесть всю вариативность подобных сочинений. Е. А. Афанасьева предлагает принимать во внимание следующие аспекты фэнтези-произведений:

- сюжетно-тематический принцип (эпическое, темное, мифологическое, мистическое и романтическое в сочинении);
- мировоззренческое начало (христианские постулаты, техномагические положения и элементы философского боевика);
- национальная специфика (скандинавские, славянские и монгольские традиции в мифологии в зависимости от выбранной мифологической системы);
- время действия (далекое будущее, исторические события, современность);
- адресат произведения (выделяется только одна группа — детская читательская аудитория);
- аксиологическая плоскость (произведения противопоставляются по системе ценностей, выделяются героические и юмористические произведения) (Афанасьева, 2009, с. 89).

Рассмотренные нами классификации доказывают, что в настоящий момент в литературоведении отсутствует единая система детализированной классификации произведений в стиле фэнтези. Тем не менее можно выделить определенные специфические характеристики, которые учитываются исследователями при разработке соответствующих концепций. Например, внимание уделяется реальности (созданной или адаптированной), в которой происходит действие произведения. Этот мир может быть как первичным, т. е. тем, в котором мы живем, так и вторичным, т. е. полностью вымышленным. Мифологичности фэнтези-произведения также уделяется особое внимание. Р. Шидфар классифицирует работы по принципу наличия заимствований из кельтского фольклора. Е. А. Афанасьева, как и исследователи более раннего периода, учитывает сюжетные характеристики. Такой же подход свойствен большинству любительских классификаций. Некоторыми учеными в отдельных случаях отмечается такая отличительная черта фэнтези, как религиозность (Николюкин, 2002, с. 1163; Афанасьева, 2009, с. 89).

Изначальной классификацией, предлагаемой еще в 1980-х годах, о чем упоминалось ранее, было подразделение фэнтези на высокое и низкое. Тогда эти термины указывали на место и время действия, однако постепенно, в том числе под влиянием читательской аудитории, их понимание трансформировалось. В современной отечественной науке данный термин используется весьма ограниченно. Место действия

играет большую роль с точки зрения описания творческой манеры автора. Писатели либо адаптируют существующую реальность, добавляя в нее элементы иррационального, либо создают в своих сочинениях вымышленный мир. Для обозначения этих типов фэнтези были выбраны термины «псевдоисторическое» и «историческое фэнтези». Поясним суть данной терминологии. В псевдоисторическом фэнтези мир полностью создается автором (естественно, с определенным количеством заимствований из мира реального для реалистичности). При этом традиционно для фэнтези действие происходит в аналоговом вымышленном историческом периоде, например в Псевдосредневековье (Дж. Толкин, Дж. Мартин, О. Громько, К. Паолини, Р. Сальваторе и т. д.). Авторы исторического фэнтези адаптируют реальные исторические периоды, добавляя в них ирреалистичные элементы (Дж. Роулинг, Н. Гейман).

Здесь нужно отметить, что тип мифообразующего фэнтези, предложенный Р. Шидфаром, не всегда актуален. Действительно, фэнтези тесно связано с мифами различных народов: заимствование волшебных существ, артефактов и даже героев часто встречается в современных повествованиях стиля фэнтези. Однако мифотворчество, к которому апеллирует исследователь, присуще всем произведениям. Каждый писатель, адаптирующий и создающий новую реальность, фактически выступает в роли мифотворца, организующего собственный мир. Поэтому в большинстве случаев мифообразующий тип произведений будет дублировать предложенный ранее псевдоисторический тип.

Поддерживая классификацию произведений по сюжетно-тематическому принципу Е. А. Афанасьевой, отметим, что она согласуется с мнением читателей, в частности с подразделением фэнтези на эпическое, темное, мистическое и романтическое. Сюжетно-тематический принцип логичен с точки зрения внутреннего наполнения произведения, а также сходства, которое, действительно, прослеживается во многих нарративах. Однако необходимо сделать дополнение к вышеназванной классификации, добавив в ее структуру натуралистический тип. Действие произведения такого типа может происходить как в историческом, так и в псевдоисторическом мире. Подобные работы отличаются повышенным вниманием автора к деталям вымышленного мира, аспектам быта, оружию, доспехам, точному и непредвзятому изображению действительности (Дж. Мартин, «Игра престолов»).

Поясним с помощью практического примера необходимость включения этой характеристики в вышерассмотренную классификацию. Дж. Толкин в своих произведениях преимущественно концентрируется на морально-философских аспектах борьбы абсолютного зла с добром, мотивах путешествия и высшего замысла. При этом автор не обращает внимания на практические детали быта, например одежду персонажей, хотя и наделяет свой мир расовым разнообразием: «The hominids of Middle-Earth show extreme variation for many life history traits»² (Maley, Seyedi, 2022, p. 2). И, напротив, в натуралистическом фэнтези Дж. Мартина костюмы персонажей прописаны детально, в том числе в соответствии с социальным статусом, климатом, местоположением. Натуралистическое фэнтези вызывает у читателя эффект присутствия и воспринимается как отдельная реальность.

Следующей характеристикой, на основе которой исследователи группируют произведения, является национальная и фольклорная окрашенность. Она не представляется релевантной для предлагаемой в статье модифицированной классификации.

² Гоминиды Средиземья демонстрируют крайнюю вариативность по многим признакам истории жизни.

Попытки такой дифференциации, вероятно, связаны с историко-географической локализацией первых фэнтези-авторов. Большинство из них — выходцы из англосаксонских стран, что обуславливает выбор привычных мифологических и фольклорных идей. Однако активно использовать подобные культурно-ориентированные характеристики представляется не совсем корректным, поскольку постепенно география произведений в жанре фэнтези расширяется. Приведем, например, цикл романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг, в которых так называемая английскость выражена во множестве специфических элементов повествования и сюжета. Изображаются типичные для английской культурной и ирландской фольклорной традиций явления: частные школы-пансионы, лепреконы и т. д. В романе Р. Куанга «Опиумная война» (R. Kuang, «The Poppy War») явно прослеживаются элементы китайской мифологии. При этом авторы подобных классификаций не выделяют, например, английское или китайское фэнтези в отдельные группы.

Теоретически фэнтези-произведения можно подразделять, учитывая географическую локацию, но тогда перед исследователями может встать вопрос относительно отдельных фэнтези-сочинений. Например, если условный индонезийский писатель, взяв за основу африканские фольклорные традиции, создаст произведение, действие которого происходит в адаптированной исторической реальности средневековой Франции, к какому типу по мифологическому принципу стоит его отнести? Или как поступать с произведениями, в которых мифологические единицы заимствуются из различных систем (Д. Емец, «Мефодий Буслаев»)? Следовательно, можно сделать вывод, что подобная четкая градация произведений на основе мифологических систем и географических регионов представляется не совсем корректной.

Подобную же ситуацию можно наблюдать и в контексте подразделения произведений с учетом их нацеленности на ту или иную читательскую аудиторию. Наличие разграничений по возрасту целевой аудитории или гендерным признакам считается устаревшим и дискриминирующим. Кроме того, сами читатели не видят подобных ограничений и выбирают произведения, руководствуясь исключительно собственными предпочтениями. Например, серия романов о Гарри Поттере изначально была нацелена на детей и подростков, но вскоре эти книги стали популярны у читателей всех возрастов. Разделение на женское и мужское фэнтези также является достаточно сомнительным. Произведения, в основе сюжета которых лежит романтический конфликт и имеются эротические или романтические сцены, скорее уместно отнести к романтическому фэнтези.

Последняя классификация, которая видится релевантной в рамках данной статьи, относится к категории юмора — одной из древнейших форм выражения эмоций. Он находит отражение во многих работах, принадлежащих различным жанрам. Это могут быть романы, повести, трагедии, комедии, трагикомедии и т. д. Так или иначе, но практически в каждом из них может быть обнаружен юмористический элемент. Фэнтези-произведения также могут дифференцироваться по этому признаку. С такой точкой зрения согласны и читатели. Например, одним из наиболее популярных типов сочинений в открытых онлайн-библиотеках выступает так называемое женское юмористическое фэнтези. Важно определить, является ли этот элемент сюжетно значимым или используется только в качестве стороннего стилистического приема. В первом случае при удалении юмористического контента теряется значительная часть авторского посыла и общего антуража произведения, соответственно, его можно отнести к юмористическому типу. Во втором случае исключение юмористической

составляющей не привносит значительных перемен в текст, оставляя авторский замысел в первоначальном виде, поэтому произведение не относится к юмористическому типу.

Для более наглядной демонстрации предлагаемой нами модифицированной классификации используем условную схему дифференциации произведений в стиле фэнтези (рис. 1):

Рис. 1. Модифицированная классификация фэнтези-произведений

Fig. 1. Modified classification of fantasy works

Полагаем необходимым предложить некоторые пояснения к вышеприведенной схеме. В рамках данной классификации фэнтези-произведение может относиться одновременно к нескольким типам, что коррелирует с инструментарием Е. А. Афанасьевой. Рассмотрим это на примере двух знаковых фэнтези-работ — «Властелин колец» Дж. Толкина (Толкин, 2008) и «Игра престолов» Дж. Мартина (Мартин, 2021). Во-первых, проанализируем их в контексте вымышленного мира, в котором происходит действие произведений. Для сюжета «Властелина колец» писатель создал вымышленный мир Арду (Arda) со своими географическими особенностями, историческими событиями и мифологией. Аналогично европейским традициям особое внимание уделяется артефактам, символизирующим власть: «the regalia highlight the principle of hereditary succession of supreme power»³ (Vikulova, Baranova, Merkulova, Borbotko, Vasileva, 2022, p. 110). Действие «Игры престолов» также происходит в вымышленном мире, на континентах Эсос (Esos) и Вестерос (Westeros). Географические, культурные, социальные и иные особенности описаны чрезвычайно точно, как и реалистичный социальный строй, который напоминает систему взаимоотношений в Европе Средних веков: «that resembles vassal systems in medieval Europe»⁴ (Larsson, Lundström, 2020, p. 120). Таким образом, оба произведения относятся к псевдоисторическому типу.

«Властелин колец» — глубоко философское произведение, в основе которого лежит борьба созидającego добра с разрушающим злом. Несмотря на то что добро побеждает, увядание и искажение мира не останавливаются. Можно определить данное произведение как эпическое. В «Игре престолов» абсолютное зло, угрожающее миру людей, на протяжении всего повествования остается как бы за кадром, а основное внимание уделяется человеческим взаимоотношениям, порокам и страстям персонажей, их непрекращающейся борьбе за власть. Автор использует красочные описания

³ регалии подчеркивают принцип наследственной передачи верховной власти

⁴ это напоминает вассальные системы в средневековой Европе

событий и детально представляет многие эпизоды, начиная со сцен обезглавливания антигероев и заканчивая изображением, например, пиров, благодаря чему у читателя создается эффект реального присутствия. Такое произведение можно назвать натуралистическим.

Юмористическая составляющая слабо выражена в обоих произведениях, и при ее игнорировании сюжет и основополагающие идеи авторов не претерпевают особого изменения, что позволяет не относить их к юмористическому фэнтези.

Заключение / Conclusion

В данной статье был проведен анализ имеющихся литературных классификаций фэнтези-произведений, который показал, что, несмотря на очевидное развитие и усовершенствование подхода к научному исследованию подобных сочинений, вопрос их классификации все еще стоит достаточно остро, а имеющиеся концепции, будучи объективно актуальными в одном или даже нескольких планах, не полностью охватывают все многообразие работ в стиле фэнтези в современной литературе.

На основе имеющихся классификаций с использованием актуального инструментария была предложена модифицированная классификация, учитывающая также любительский интерес к сочинениям в стиле фэнтези. Несомненно, ее можно подвергнуть объективной критике, однако она дает возможность взглянуть на концепцию фэнтези по-новому.

В финале исследования была предпринята попытка на базе предложенной классификации провести дифференциацию двух знаковых произведений фэнтези. Посредством анализа удалось определить результаты данного исследования как практико-ориентированные и перспективные с точки зрения дальнейшего использования предлагаемой классификации при работе с фэнтези-произведениями.

Список источников

1. Зубов, А. А. (2021). Жанры популярной литературы и механизмы когнитивного распознавания. *Вестник Томского государственного университета*, 71, 216–228.
2. Сафрон, Е. А. (2020). *Поэтика городского фэнтези*. ПетрГУ.
3. Викулова, Л. Г. (2016). Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романя*, 17, 266–278.
4. Shaikh R., Harihrasudan, A., & Nawaz, N. (2022). The Portrayal of Discourse of Violence in Fantasy Fiction and Its Impact among Adolescents and Early Teenagers. *World Journal of English Language*, 12(2), 36–46.
5. Михельсон, О. К., & Тесман, А. (2022). Религия и фэнтези в контексте постсекуляризма. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 38(1), 132–142.
6. Łaszkiwicz, W. (2019). *Exploring Fantasy Literature: Selected Topics*. Collegium Columbinum.
7. Винтерле, И. Д. (2012). Миф как основа литературы фэнтези. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 1–2, 37–39.
8. Zahorski, K., & Boyer, R. (1982). *The Aesthetics of Fantasy Literature and Art edited by Roger C. Schlobin*. University of Notre Dame Press.
9. Шидфар, Р. (1997). Бесконечная история. Очерк развития зарубежной фэнтези. *Книжное дело*, 1, 86–90.

10. Баранова, К. М. (2011). Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(7)*, 8–13.
11. Ковтун, Е. Н. (2008). *Художественный вымысел в литературе XX века: учебное пособие*. Высшая школа.
12. Баранова, К. М., & Афанасьева, О. В. (2014). Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3(15)*, 8–17.
13. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). Интелвак.
14. Карпова, А. В. (2020). *Форма презентации фантастического во французском романе XX века (на примере романов Ж. Грака и Р. Баржавеля)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Москва].
15. Афанасьева, Е. А. (2009). Жанр фэнтези: проблема классификации. *Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сборник материалов Международной научной конференции, 29–31 марта 2007 г.*, 86–93.
16. Maley, C. C., & Seyedi, S. (2022). The life history theory of the Lord of the Rings: a randomized controlled trial of using fact versus fiction to teach life history theory. *Evolution: Education and Outreach, 15(2)*, 1–12.
17. Толкин, Дж. Р. Р. (2008). *Властелин колец: Дружество кольца. Две твердыни. Возвращение государя*. АСТ.
18. Мартин, Дж. Р. Р. (2021). *Игра престолов: из цикла «Песнь льда и огня»*. АСТ.
19. Vikulova, L. G., Baranova, K. M., Merkulova, M. G., Borbotko, L. A., & Vasileva, E. G. (2022). Semiotization of power in the French kings' ceremonial portraits: linguophilosophical approach. *XLinguae, 15(3)*, 98–113.
20. Larsson, S., & Lundström, M. (2020). Anarchy in the Game of Thrones. *Neohelicon, 47*, 117–129.

References

1. Zubov, A. A. (2021). Genres of popular literature and mechanisms of cognitive recognition. *Tomsk State University Journal, 71*, 216–228. (In Russ.).
2. Safron, E. A. (2020). *The poetics of urban fantasy*. PetrSU. (In Russ.).
3. Vikulova, Л. Г. (2016). The writer in the French society of the 17th century: encyclopedic domination, language competence, communicative leadership. *Ancient and New Romania, 17*, 266–278. (In Russ.).
4. Shaikh, R., Harihrasudan, A., & Nawaz, N. (2022). The Portrayal of Discourse of Violence in Fantasy Fiction and Its Impact among Adolescents and Early Teenagers. *World Journal of English Language, 12(2)*, 36–46. (In English).
5. Mikhelson, O. K., & Tessmann, A. (2022). Religion and fantasy in the context of post-secularism. *Vestnik of Saint Petersburg University, 38(1)*, 132–142. (In Russ.).
6. Łaskiewicz, W. (2019). *Exploring Fantasy Literature: Selected Topics*. Collegium Columbinum. (In English).
7. Winterle, I. (2012). Myth as the basis of fantasy literature. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 1(2)*, 37–39. (In Russ.).
8. Zahorski, K., & Boyer, R. (1982). *The Aesthetics of Fantasy Literature and Art edited by Roger C. Schlobin*. University of Notre Dame. (In English).
9. Shidfar, R. (1997). An endless story. An essay on the development of foreign fantasy. *Book business, 1*, 86–90. (In Russ.).
10. Baranova, K. M. (2011). Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1*, 8–13. (In Russ.).

11. Kovtun, E. N. (2008). *Fiction in the literature of the twentieth century: a textbook*. Vysshaya shkola. (In Russ.).
12. Baranova, K. M., & Afanasyeva, O. V. (2014). The new Adam figure in American colonial literature of the XVIIth century. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3, 8–17. (In Russ.).
13. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). Intelvak Press. (In Russ.).
14. Karpova, A. V. (2020). *The form of the presentation of the fantastic in the French novel of the XX century (on the example of the novels of J. Grak and R. Barzhavel)* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Moscow]. (In Russ.).
15. Afanasyeva, E. A. (2009). Fantasy genre: the problem of classification. *Science fiction and Technology (in memory of Stanislav Lem)*: Proceedings of the International Scientific Conference, March 29–31, 2007, 86–93. (In Russ.).
16. Maley, C. C., & Seyedi, S. (2022). The life history theory of the Lord of the Rings: a randomized controlled trial of using fact versus fiction to teach life history theory. *Evolution: Education and Outreach*, 15(2), 1–12. (In English).
17. Tolkien, J. (2008). *The Lord of The Rings: The Fellowship of The Rings. The Two Towers. The Return of the King*. AST. (In Russ.).
18. Martin, G. (2021). *The Game of Thrones: from the cycle «The Song of Ice and Fire»*. AST. (In Russ.).
19. Vikulova, L. G., Baranova, K. M., Merkulova, M. G., Borbotko, L. A., & Vasileva, E. G. (2022). Semiotization of power in the French kings' ceremonial portraits: linguo-philosophical approach. *XLinguae*, 15(3), 98–113. (In English).
20. Larsson, S., & Lundström, M. (2020). Anarchy in the Game of Thrones. *Neohelicon*, 47, 117–129.

Информация об авторе

Арина Игоревна Полянская — аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Arina I. Polyanskaya — Postgraduate of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 378.24:82

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.17

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В РАМКАХ НАУЧНЫХ ШКОЛ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ, МГПУ, 2016–2022)

Меркулова Майя Геннадиевна¹,
Герасимова Светлана Анатольевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ mercurovamaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

² gerasvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Аннотация. В статье анализируются диссертационные исследования и научные публикации соискателей, защитившихся в диссертационном совете Д 850.007.12 на базе Московского городского педагогического университета. Обосновывается актуальность проведенных исследований, связанная с обновлением теоретического знания, методологических принципов и подходов к изучению литературы стран Западной Европы, Северной и Южной Америки. Показано, что тематика, концепции, достоверность выводов докторских и кандидатских диссертаций, защищенных в 2016–2022 годах, анализируются в контексте научных парадигм и с учетом актуальности проблематики этих работ для современного фундаментального литературоведения.

Ключевые слова: диссертационный совет Д 850.007.12, литература народов стран зарубежья, научная школа, защищенные диссертации, проблемы современного зарубежного литературоведения.

Для цитирования: Меркулова, М. Г., Герасимова, С. А. (2023). Исследование современных проблем литературоведения в рамках научных школ России (на материале защит диссертаций, МГПУ, 2016–2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 195–210. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.17>

Review article

UDC 378.24:82

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.17

**RESEARCH OF MODERN PROBLEMS
OF LITERARY CRITICISM WITHIN THE FRAMEWORK
OF SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA
(ON THE MATERIAL OF THESES DEFENSES, MCU, 2016–2022)**

**Maya G. Merkulova¹,
Svetlana A. Gerasimova²**

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ merkulovamaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

² gerasvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Abstract. The article regards dissertations and scientific publications presented to the dissertation council D 850.007.12 on the basis of the Moscow City University. The relevance of the research conducted is related to the renewal of theoretical knowledge, methodological principles and approaches to studying the literature of Western Europe, North and South America. It is shown that the topics, concepts, reliability of the conclusions of Doctoral and PhD theses defended in 2016–2022 comply with the scientific paradigms while taking into account the relevance of the issues under study for modern fundamental literary criticism.

Keywords: dissertation council D 850.007.12, literature of foreign countries, scientific school, defended dissertations, issues of modern foreign literature criticism.

For citation: Merkulova, M. G., Gerasimova, S. A. (2023). Research of modern problems of literary criticism within the framework of scientific schools of Russia (on the material of theses defenses, MCU, 2016–2022). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 195–210. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.17>

Московский городской педагогический университет — один из динамично развивающихся вузов Российской Федерации. Здесь многие годы отмечается повышенный интерес к исследованию процессов развития научно-теоретического знания, ведется активная исследовательская работа. В немалой степени этому способствуют научные школы, которые получили известность в научном сообществе в силу высокого уровня исследований, их оригинальности, научной репутации, научных традиций, преемственности поколений. Стремление к сохранению и приумножению интеллектуального потенциала в Институте иностранных языков МГПУ основано на научных разработках исследовательских коллективов кафедр прежде всего английской и романской филологии, обращающихся к проблемам литературоведения. На кафедрах германистики и лингводидактики и китайского языка происходит формирование научного сообщества ученых-литературоведов.

В период с 2016 по 2022 год в диссертационном совете Д 850.007.12 (председатель — проф. МГПУ М. Г. Меркулова) было защищено 25 диссертаций по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья», в том числе три докторские и 22 кандидатские. Особое внимание уделялось разработкам, выполненным в Институте иностранных языков МГПУ в рамках развивающейся научной школы «Проблемы

современного зарубежного литературоведения», работающей в двух основных направлениях: исследование теоретических и прикладных проблем зарубежной литературы (руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова) и американской литературы (координатор — д-р филол. наук, проф. К. М. Баранова).

Диссертационные исследования на соискание ученой степени доктора наук были посвящены изучению: философского аспекта ранней драматургии Г. Гауптмана как яркого явления литературно-философского синкретизма (А. П. Склизкова. *Философия мира и человека в ранней драматургии Г. Гауптмана*. 2019); образного поля «корабль», имеющего в основе мифопоэтический образ, рассматриваемый в качестве топоса западноевропейской культуры (И. С. Макарова. *Образное поле «корабль» в западноевропейской литературе*. 2020); эпической традиции англосаксов, переосмысленной для выражения христианских представлений о мире и воплотившейся в поэмах Кодекса Юниуса («Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана») в форме христианского эпоса (М. В. Яценко. *Древнеанглийский христианский эпос: проблемы жанра поэм Кодекса Юниуса*. 2022).

Ранняя драматургия Г. Гауптмана (1862–1946) относится к тому историческому периоду, когда с наибольшей полнотой осуществлялась практическая, творческая реализация прошлого культурного наследия. Актуальность работы **А. П. Склизковой**, выполненной в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена (РГПУ им. А. И. Герцена) (Санкт-Петербург), определяется возросшим исследовательским и читательским интересом к диалогу литературы и философии, плодотворность которого была наиболее ощутима в Германии на рубеже прошлого столетия. Теоретическое обоснование широкого контекста связи раннего творчества Г. Гауптмана и культурно-эстетической мысли микроэпохи модерна конца XIX – начала XX века позволяет представить философию и литературу как единое общекультурное целое, показать переосмысление принципов миропорядка, принципов личности, коррегирующей миропорядок эпохи (Склизкова, 2016). В работе речь идет о том, что прошлое, осознанное с точки зрения современности, становится близким и понятным в той мере, в какой современность на определенном витке своего развития способна постичь его. Новый подход к изучению образного (поэтическое слово) и понятийного (философское мышление) синкретизма дает возможность воспринять драмы Г. Гауптмана в их нерушимом единстве. Автором диссертации разработана философско-филологическая концепция, основанная на принципах герменевтического анализа, что предполагает размышления о философской концепции Г. Гауптмана, осознаваемой как мировоззрение писателя, которое представлено в его драматургии посредством образных средств. Диссертант отмечает, что онтологичность сознания Г. Гауптмана как писателя-модерниста проявляется в творческом акте познания мира и осмысления своего бытия в нем. Так, одна из ведущих проблем литературы на рубеже XIX–XX веков — выстраивание определенных отношений с миром повседневности, принятие и познание такого мира субъектом, осознающим необходимость освоения и контакта с этим миром, — оказывается одной из самых значительных в ранней драматургии Г. Гауптмана.

Теоретическая значимость докторского исследования **И. С. Макаровой** связана с введением в понятийную базу литературоведения таких терминов, как «генеративное образное поле» и «топос-ген», с возможностью использования результатов работы для характеристики образной системы западноевропейской культуры в контексте ее соотнесенности с мировым культурным наследием. Автор рассматривает образное

поле «корабль», имеющее в основе мифопоэтический образ как топос западноевропейской культуры. Компонентами ядра образного поля «корабль» становятся Ноев ковчег, Корабль дураков и Летучий голландец (Макарова, 2019), которые можно представить в контексте соотношения с тремя ключевыми этапами его развития на том или ином историческом отрезке: синкретизм, рефлексивный традиционализм, индивидуальное творчество, — отражающими основные стадии развития топоса-гена «корабль» в соответствии с теорией исторической поэтики. В качестве материала исследования автор использует фольклорные и литературные произведения, начиная от мифов народов мира, «Одиссеи» Гомера и «Корабля дураков» С. Бранта до «Корабля дураков» К.-Э. Портера, «Океана» А. Васкеса-Фигероа и «Шлюпки» Ш. Рогана. К числу анализируемых автором произведений искусства относятся следующие живописные полотна: «Корабль дураков» И. Босха, «Борьба за выживание» Э. Делакруа, «Гибель корабля “Лефорт”» И. К. Айвазовского; образцы художественной фотографии: «Красная роза» Э. Хааса, «Роза и дерево» А. Адамса, «Раннее утро на реке. Лондонский мост. 1» и «Раннее утро на реке. Лондонский мост. 2» Б. Брандта; опера «Летучий голландец» Р. Вагнера; а также кинематографические работы: «И корабль плывет» Ф. Феллини и «2001: Космическая одиссея» С. Кубрика.

Основной целью диссертационного исследования **М. В. Яценко** служит выявление жанровых характеристик христианского эпоса англосаксов, описание его структуры и специфики в сравнении с другими жанровыми формами этой традиции. К своеобразию христианского эпоса как жанра автор относит его культурно-исторические и теоретические аспекты; связь христианского эпоса с фигурой автора-авторитета; использование приемов построения повествования, их семантику; функционирование малых жанров или актуальных текстов в эпическом контексте; осмысление исторического прошлого в христианском эпосе; специфику композиционной организации текстов христианского эпоса (Яценко, 2020). Автором впервые описан христианский эпос как самостоятельный жанр поэзии англосаксов; проведен комплексный анализ древнеанглийских поэм на библейские темы с учетом разных традиций осмысления эпоса; изучен свод древнеанглийских библейских парафраз Кодекса Юниуса как целостного эпического повествования на разных уровнях текста — от организации сюжета и композиции до приемов построения текста и особенностей создания образов; выявлены и проанализированы принципы влияния разных аспектов христианской традиции (экзегезы, гимнографии, литургической практики) на жанровую природу христианского эпоса; выделены малые жанры, входящие в состав древнеанглийского христианского эпоса, установлены принципы описания их актуального воздействия на ситуацию; христианский эпос описан как особый способ осмысления исторического прошлого, проведено его сравнение с христианской историографией; в научный оборот на русском языке введены тексты поэм «Даниил» и «Христос и Сатана», предпринят их развернутый анализ.

Традициям научной школы «Проблемы современного зарубежного литературоведения» отвечают научные исследования аспирантов Института иностранных языков МГПУ. Ученики школы и их научные руководители обращаются к актуальным вопросам национальной идентичности, литературных жанров, творчеству зарубежных писателей и др. Остановимся на некоторых идейно-тематических аспектах защищенных диссертаций, отражающих реализацию основных направлений исследований.

Диссертационное исследование **А. П. Журавлевой** (*Переосмысление мифа о земле обетованной в творчестве Джеймса Фенимора Купера*, 2016, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова) представляет собой системное рассмотрение творчества известного американского писателя с точки зрения функционирования мифов, лежащих в основе американского национального самосознания. Автором работы предпринята попытка проследить художественное воплощение мифа первых колонистов об Америке как о земле обетованной в творчестве писателей-романтиков и его переосмысление в произведениях Д. Ф. Купера. В контексте темы исследования представляют интерес характеристики образа Нового Адама, функционировавшего в колониальной литературе Америки (Баранова, Афанасьева, 2014, с. 9), что позволяет А. П. Журавлевой провести сравнение с аналогичным образом в литературе романтизма, в частности в романах Д. Ф. Купера.

В диссертационной работе **Е. С. Ясько** (*Художественное осмысление проблемы зла в системе зрелого американского романтизма*, 2016, научный руководитель — д-р филол. наук, проф. К. М. Баранова) анализируются произведения американских романтиков Натаниеля Готорна, Эдгара Алана По и Германа Мелвилла. Творчество представителей этого направления американского романтизма отличает идейно-художественное единство в изображении рассматриваемого автором диссертации феномена. Выбранная для научного изыскания проблема — одна из важнейших для романтического восприятия писателями действительности, автор делает особый акцент на гуманистической составляющей художественного наследия американских писателей анализируемого в диссертации периода, характеризуя зрелый этап в истории американского романтизма как романтический гуманизм (Ясько, 2015). То, каким образом зло трактуется на разных этапах развития литературы США, не только отражает нравственные идеалы создаваемого общества, но и способствует формированию национального самосознания.

Диссертационная работа **О. Я. Федоренко** (*Архетипичность образов и мотивов в драматургии Т. Уильямса*, 2018, научный руководитель — д-р филол. наук, проф. К. М. Баранова) являет собой пример комплексного изучения творчества американского драматурга середины XX века Теннесси Уильямса в архетипической парадигме «образ» и «мотив». Принципиальная отличительная черта научного исследования состоит в отступлении от привычного для западных школ восприятия архетипов исключительно сквозь призму психоанализа с тесным отождествлением литературного архетипа и его аналога в области психологии (Федоренко, 2017). Автору диссертации удастся усовершенствовать методы исследования содержания и структуры архетипического компонента литературных образов и мотивов, в частности особенностей их функционирования в драматургическом тексте.

Научная новизна диссертационного исследования **О. И. Нефедовой** (*Этапы художественного осмысления мифологемы «Святой Грааль» в американской литературе XX–XXI веков*, 2019, научный руководитель — д-р филол. наук, проф. К. М. Баранова) заключается в предпринятой впервые попытке разносторонне изучить художественное наследие трех американских писателей XX–XXI веков посредством анализа этапов реализации мифологемы «Святой Грааль» в текстах американских романов «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда, «Зима тревоги нашей» Дж. Стейнбека и «Код да Винчи» Д. Брауна. Мифологические элементы и сюжеты оказываются важными

«персональными моделями» (В. А. Луков) для писателей США (Нефедова, 2018). Упомянутая мифологема изучается в качестве сложного эволюционирующего явления, обладающего многослойной структурой (архаичное (мифологическое) содержание и более современные смысловые наложения) и отражающего изменения в ценностных тенденциях американцев. Мифологема находится на пересечении взаимодействия мотива, архетипа и мифа, включая в себя вневременное содержание, мифологический материал и почву для создания новых смыслов.

Значительная часть защищенных исследований посвящена рассмотрению различных аспектов творчества английских писателей, романистов, драматургов, поэтов.

В исследовании **К. Г. Шишкина** (*Переписка как свидетельство литературных интенций Грэма Грина*, 2016, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. О. В. Тимашева) предпринята попытка обнаружить с помощью эпистолярия связь между рождающимся художественным замыслом и его творческой реализацией в произведениях английского писателя, поэта и журналиста. Переписка писателей, их эпистолярные диалоги всегда привлекают своей самобытностью, искренностью и уникальными фактами, необходимыми для познания эпохи. Работа вносит свою лепту в подтверждение теоретических идей о письмах как о предлитературе и автодокументальном повествовании. Определение авторской позиции в автобиографическом сочинении и романах, о которых известно, что они тесно связаны с биографией Г. Грина, выверяется с точки зрения самых первых его творческих набросков, а также писем, служащих свидетельством его интенций. Согласимся с мнением о том, что биография писателя, тесно переплетающаяся с теорией и историей литературы, важна для историко-литературной науки, поскольку объективно существующее единство художника и человека, личности и истории определяет методологическое содержание и структуру биографии писателя (Меркулова, Герасимова, 2022, с. 274).

Стратегии креативной рецепции мировой поэзии в произведениях английского писателя Дж. Фаулза «Аристос», «Женщина французского лейтенанта», «Башня из черного дерева» стали предметом рассмотрения в исследовании **М. С. Дроздовой** (*Рецепция поэзии в творчестве Дж. Фаулза 60–70-х годов XX века*, 2016, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова). Актуальность данной работы обусловлена эффективностью использования метода рецептивной эстетики при исследовании постмодернистских текстов, приобретающего все большую популярность в отечественном литературоведении благодаря взаимосвязи психологии и литературы. Результатом исследования является общий вывод о значении категории рецепции в современном отечественном литературоведении при анализе постмодернистского текста (Дроздова, 2016).

Объектом исследования **О. В. Шишкиной** (*Пространственно-аудиальный код английского романа-антиутопии*, 2019, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова) выступают классические английские романы-антиутопии «Повелитель мух» У. Голдинга, «1984» Дж. Оруэлла, «Дивный новый мир» О. Хаксли. Автор формулирует проблемы онтологической значимости пространственного и аудиального кодов и их взаимодействия в антиутопии и выделяет как жанрово-образующий термин «пространственно-аудиальный код». В романе Дж. Оруэлла «1984» изучена семантизация центрального конфликта пространственно-аудиальным кодом, проанализировано аудиальное наполнение пространства, выявлены функции

звукообразов колокольного звона и боя часов, установлен их изоморфизм в сюжетной и смысловой структуре текста. В романе О. Хаксли «Дивный новый мир» исследованы синтагматические отношения пространств и установлено несовпадение между эксплицитной и имплицитной моделями оппозиции «ад – рай», а также неклассический характер оппозиции «антиутопическое пространство — альтернативное пространство». В романе У. Голдинга «Повелитель мух» определен статус острова как топоперсонажа и исследовано формирование образа острова пространственно-аудиальным кодом, проанализированы оппозиция «свет – тьма», семантическая структура топоса берега и поэтика финального эпизода, а также установлена пространственно-аудиальная актуализация концептов «слово», «молчание», «смерть», «жизнь» (Шишкина, 2018).

Английская «новая драма» как модификация жанра драмы на рубеже XIX–XX веков служит объектом диссертационного исследования **М. А. Григорьевой** (*Драматургия Генри Артура Джонса в становлении английской «новой драмы» конца XIX – начала XX века*, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова). Актуальность исследования связана с неугасающим интересом литературоведов к формированию новых жанров, определению их границ, вопросам выражения национальной самоидентичности. Научная новизна работы состоит в применении системного подхода к изучению драматургии Г. А. Джонса в контексте становления английской «новой драмы» конца XIX – начала XX века, переводе на русский язык и включении в научный оборот пятнадцати пьес драматурга. Диссертант отмечает, что «новая драма» как жанр драмы имеет определенные отличительные черты в национальных литературах: интеллектуальное наполнение пьес, взаимопроникновение трагического и комического, жанровую диффузию, наличие символов и подтекста, переход от внешнего конфликта к внутреннему (Григорьева, 2019).

Большая значимость и острота вопроса, затронутого в диссертации **С. В. Любеевой** (*Проблема поколений в творчестве К. Исигуро*, 2022, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова), подтверждается постоянным обращением к нему в мировой литературе. Несмотря на то что вручение в 2017 году К. Исигуро Нобелевской премии по литературе вызывает значительный интерес к творчеству писателя в современной отечественной и зарубежной англистике, осмысление проблемы поколений в его произведениях остается на периферии исследовательского внимания и требует детального рассмотрения. Научная новизна диссертации заключается в том, что в отечественном литературоведении впервые предпринята попытка всестороннего анализа внутр поколенческих и межпоколенческих проблем пяти поколений (от G. I. — величайшего (1901–1924) до Z — цифрового (2000 — по наст. вр.)) на материале творчества К. Исигуро. Подробно анализируя все на момент написания работы произведения автора (в том числе его ранние рассказы), диссертант систематизирует универсальные и специфические внутр поколенческие и межпоколенческие проблемы (Любеева, 2021).

Исследованию возвышенного прекрасного и земного жизненного посвящена диссертация **О. И. Кирдяевой** (*Эстетические мифологемы романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»*, 2022, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. Г. Меркулова). Эстетизм как культ красоты и преобладания прекрасного над действительностью, как комплекс идей о преобразовании жизни посредством искусства становится для О. Уайльда программой творчества в плане создания литературных произведений.

Ярким примером художественного воплощения авторской концепции эстетизма служит единственный роман писателя «Портрет Дориана Грея» (Кирдяева, 2022). Проблемность анализируемых романистом с точки зрения эстетизма явлений: феномена красоты, соотношения внешней красоты и внутренней, этики и искусства, взаимосвязи жизни, красоты и искусства, роли искусства и его влияния на человека, а также необходимости выявления в произведениях писателя значимых мифологем, отражающих сквозь призму авторского видения его собственную индивидуальность и лицо эпохи, — определяют актуальность диссертации О. И. Кирдяевой. Новизна работы состоит в выявлении ряда центральных мифологем исследуемого романа (сад, портрет и творец) и их соотносительности с эстетической концепцией автора. Диссертант выдвигает идею триады, которую образуют искомые мифологемы: локус (место появления, сад) — создатель (творец) — предмет творения (портрет), каждая из которых построена в романе О. Уайльда на бинарной оппозиции «искусство – жизнь» (возвышенное, прекрасное и приземленное, жизненное), также лежащей в основе эстетической теории автора.

Интересными представляются исследования, посвященные французской литературе (2020–2022 годы, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. О. В. Тимашева). **А. В. Карпова** в диссертации *Формы презентации фантастического во французском романе XX века (на примере романов Ж. Грака и Р. Баржавеля, 2020)* обращается к двум наименее изученным направлениям французской фантастической литературы: так называемому магическому реализму и фэнтези. Актуальность научного изыскания обусловлена распространением фантастики, ставшей одним из самых значимых социокультурных феноменов современности. Автор выявляет существенную особенность репрезентации фантастического: дихотомию реального и сверхреального (сверхъестественного), нашедшую свое отражение в поэтике магического реализма. В работе рассматриваются произведения классика современной литературы, известного французского писателя Ж. Грака и одного из крупнейших представителей французской научной фантастики XX века, популярного сегодня Р. Баржавеля. Ж. Грак принадлежит к числу самобытных французских писателей, чье творчество отражает характерные для второй половины XX века художественные искания и открытия (Тимашева, Карпова, 2020). В диссертации А. В. Карповой впервые в отечественном литературоведении романы французского писателя Жюльена Грака рассмотрены с позиций магического реализма. Роман Р. Баржавеля «Чародей», определяемый как историческое фэнтези, также впервые становится материалом научного исследования в отечественном литературоведении и переводится автором диссертации на русский язык.

Целью диссертационной работы **М. В. Тищенко** (*Эссеистика во Франции конца XIX – начала XXI вв. (Шарль Пегу, Жан-Поль Сартр, Мишель Уэльбек), 2022*) является анализ общественно значимого потенциала эссеистики (ангажированной, публицистической, философско-моралистической, художественной, дневниковой или мемуарной), в которой выступают известные писатели Франции конца XIX – начала XXI века: Шарль Пегу, Жан-Поль Сартр, Мишель Уэльбек. Диссертант стремится продемонстрировать роль эссеистики в формировании мировоззренческой позиции человека, к которому всегда обращены рассуждения автора; обозначить художественные приемы и лингвистические средства выразительности эссеистики (Тищенко, 2020). Эссеистическое творчество Пегу, Сартра и Уэльбека исследуется им с историко-политической точки зрения (непрерывность обращения во Франции к вольной форме); в свете истории и теории литературы (проблемы жанра); эстетики

(литературный герой и святой — у Пеги; отказ от литературы в пользу нагого слова — у Сартра; дискурс благополучного мира Уэльбека); лингвистики и риторики (стилевые приемы и грамматика текста эссеистического трактата). Диссертант делает общий вывод о том, что эссе популярных писателей Франции — Шарля Пеги, Жан-Поль Сартра и Мишеля Уэльбека, — вышедших к широкой аудитории с промежутком в полвека, отличаются похожей силой воздействия на французского и даже мирового читателя.

Тема войны — одна из вечных в литературе. Будучи онтологичной, она по воле автора, и даже независимо от него, запечатлевает духовные константы бытия — отчужденность и причастность; греховность и праведность; сферу инстинктов, связанных с душевно-телесными устремлениями, а также специфическую эстетическую реальность, т. е. художественную модель войны и мира, по-своему преломляющую действительность (Морозов, 2018). Актуальность диссертации **И. В. Морозова** (*Тема Второй мировой войны в творчестве Ж.-П. Сартра*, 2022) определяется непреходящим интересом к романам писателя благодаря его приближению к важной для России и Европы военно-исторической проблематике. Научная новизна диссертационного исследования заключается в произведенной попытке с новой, историко-философской и одновременно психологической, опирающейся на проблемы сознания точки зрения проанализировать известные произведения Ж.-П. Сартра о войне: трилогию «Дороги свободы» («Возраст зрелости»; «Отсрочка»; «Смерть в душе», 1945–1949); а также пьесы: «Мухи» (1943); «Мертвые без погребения» (1946); «Затворники Альтоны» (1959). Диссертант отмечает, что романы Ж.-П. Сартра, воплощающие его философию, продолжают быть интересными для нового читателя за счет наглядного представления философии «о бытии и ничто». Бегство от «ничто», т. е. пробуждение сознания, появление структуры индивидуального сознания много значат для достижения свободы, независимого выбора. Истина в философии Ж.-П. Сартра конкретна и подтверждается реальными событиями в жизни человека, попавшего на войну. Прозрение этой истины сопровождается трансформацией настоящего мира в одном, отдельно взятом сознании.

Диссертационный совет ведет плодотворный научный диалог с представителями других научных школ Москвы (Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)), а также Санкт-Петербурга, Красноярска, Ростова-на-Дону, Крыма.

В диссертационной работе **Ю. В. Красовицкой** (*«Der Neue Mensch» в немецкой экспрессионистской драме*, 2018, РГГУ, научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. С. Павлова) на широком материале немецкоязычной драматургии представлен комплексный анализ экспрессионистской идеи обновления и образа нового человека в аспекте оказывавших влияние на его формирование трех ведущих факторов: христианских, ницшеанских и социалистических воззрений (Красовицкая, 2012). Предпринята попытка подробного рассмотрения этого образа и выделения его ключевых характеристик на основе детального изучения экспрессионистских драматических произведений со свойственной для них внутренней устремленностью к изменению и преобразению мира, прорыву в новые сферы жизни, абсолютным нравственным ценностям.

Во второй половине XX века в литературе трансформируется одна из основных жанровых форм романа — роман воспитания, приобретающий событийную интенсивность, связанную с новыми отношениями писателя и читателя: экономией читательского

времени и шокирующими реалиями, наличием развлекательного элемента. В исследовании **Н. С. Шалимовой** (*«Жанровая динамика англоязычного романа воспитания второй половины XX века»*, 2018, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, научный руководитель — канд. филол. наук, доц. С. Г. Липнягова), рассматривающей романы «Над пропастью во ржи» (Дж. Д. Сэлинджер, 1951), «Повелитель мух» (У. Голдинг, 1954), «Осиная фабрика» (И. Бэнкс, 1984), «Заводной апельсин» (Э. Берджесс, 1962), «Хорошо быть тихоней» (Ст. Чбоски, 1999), «Детство Иисуса» (Дж. Кутзее, 2013), «Щегол» (Д. Тартт, 2013), представлена поэтическая реконструкция некоторых архетипических моделей взаимодействия личности и общества, попытки экзистенциального осмысления человеком своего места в мире (Шалимова, 2014). Диссертант приходит к выводу о том, что появление новой жанровой модификации — обряда посвящения как одного из древнейших архаических обрядов, с которым связана сюжетная схема обновленного романа воспитания, — обусловлено освоением новой концепции времени, ослаблением социально-исторического контекста, пониманием сакрального в XX веке, а также мифичностью сознания.

Целью исследования **В. С. Любеева** (*Шпионский роман-экиен в американской литературе середины XX – начала XXI веков*, 2018, Крымский университет культуры, искусств и туризма, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. В. Норец) является жанровая природа и функционирование американского шпионского романа-экиена и его место в мировом литературно-культурологическом процессе (Любеев, Норец, 2017). Детальному анализу в работе подвергается механизм формирования жанровой модификации, выстроенный по модели клеточного деления. При этом автор работы выделяет ее в качестве самостоятельного субжанра. Анализ поэтики таких произведений позволят диссертанту выявить элементы героического эпоса как базового идентификатора исследуемого жанра.

Сложность понимания специфики художественной прозы Ч. Паланика отмечена многими литературоведами и критиками. Однако в отечественном литературоведении проза писателя еще не получила должного всестороннего освещения. Актуальность работы **Р. А. Семченко** (*Специфика художественного метода Ч. Паланика*, 2020, Крымский федеральный университет им. В. В. Вернадского, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. М. В. Норец) обусловлена интересом ученых к рассмотрению специфики художественной практики Ч. Паланика в корреляции с эстетическими принципами, приемами и средствами американской литературы первой половины XXI века. Исследование посвящено комплексному изучению художественного метода Ч. Паланика, становление которого неразрывно связано с биографическими, историческими и литературными реалиями в жизни писателя (Семченко, 2020). Модель художественной картины мира Ч. Паланика состоит из тематического комплекса актуальных общечеловеческих, социокультурных, философских, правовых проблем современности. Диссертант выделяет следующие ключевые составляющие прозы Ч. Паланика: минимализм; сарказм; иронию; черный юмор; единство высокой и низкой культуры, литературной традиции и новаторства; принцип открытого финала.

В современной культуре жанр рассказа продолжает оставаться популярным как у широкого читателя, так и в академических кругах. Исследование **М. С. Бережной** (*Образ «своей комнаты» в современном женском рассказе*, 2020, Южный федеральный университет, научный руководитель — д-р филол. наук, доц. О. А. Джумайло), посвященное **английскому женскому рассказу** 1960–2000 годов, обращено к нему

как к художественному феномену, интересному в плане реализации в нем устойчивого эмблематического образа «своей комнаты», восходящего к эссе В. Вулф. Автор диссертации также изучает связь этого образа с другими культурными метафорами пространственного типа («ангел дома», «разделение сфер», «сумасшедшая на чердаке»); разнообразные реляции образа «своей комнаты» с другими вариантами локусов (комнаты как пространства узничества; как пространства эскапизма; как аналога кабинета; как пространства трансфера и т. д.) и функции таких конфигураций в поэтике текста и его концепции (Berezhnaya, 2018). В работе впервые на материале современного английского женского рассказа проводится многоаспектный анализ образа «своей комнаты» как основы для концептуального осмысления и специфики репрезентации женского вопроса и женского опыта. Обращение к женскому рассказу как продуктивному жанру современной литературы в его эстетически значимых образцах, созданных Д. Лессинг, Ф. Уэлдон и Т. Хэдли — представительницами разных поколений писательниц, осмысляющих итоги решения женского вопроса в художественной форме, обуславливает актуальность диссертационного исследования для отечественной и зарубежной англистики. Обращаясь к вопросу о жанровом и тематическом своеобразии женского рассказа, диссертант вносит существенный вклад в актуальную научную дискуссию о феномене женской прозы.

Фигура Сэмюэла Беккета занимает особое место в истории развития современной европейской литературы. Разносторонний талант писателя позволил ему работать в нескольких жанрах. Попробовав свои силы в поэзии и критике, он перешел к написанию новелл и романов, однако оставался неизвестным широкому кругу читателей до тех пор, пока не принял решение обратиться к драматургии. Наличие общих мотивов в текстах, созданных в разное время, дает право говорить о концептуальном единстве всего творчества писателя, которому посвящены два исследования, защищенные в диссертационном совете в 2021 году соискателями Южного федерального университета И. Н. Чернышевым (*Феноменология движения в раннем творчестве С. Беккета*) и Ю. И. Семенченко (*Жанровый эксперимент в малой франкоязычной прозе С. Беккета*). Научным руководителем диссертаций является д-р филол. наук, доц. О. А. Джумайло.

И. Н. Чернышев в своей диссертационной работе анализирует образы, связанные с движением в рамках целостной системы текста Беккета, благодаря чему удается пролить свет на сложную художественную и философскую концепцию раннего творчества писателя, единство его художественной онтологии (Чернышев, 2020). Систематическое исследование включает в себя крупные прозаические произведения, созданные Беккетом в 1930-е годы. Диссертант успешно использует комплексную методологию с опорой на феноменологический подход, который не применялся при анализе раннего творчества писателя. Образы, связанные с движением, дают возможность продемонстрировать наблюдаемое на протяжении всего творческого пути Беккета единство авторской философско-экзистенциальной концепции героя, находящегося в постоянно возобновляемых, но тщетных поисках своего истинного положения в мире.

Размытость жанровых очертаний поэтики малой формы вкупе с ее экспериментальным характером, а также углубление философско-эстетической и лингвофилософской рефлексии во многом определяют специфику художественного мира малой формы Беккета. Дуалистический характер бытия человека и различного рода противоречия — онтологические, эпистемологические, экзистенциальные — выступают

ведущими темами Беккета на протяжении всего его творческого пути, но именно в рамках малой франкоязычной прозы автора они выкристаллизовываются в их радикальном воплощении. Диссертант **Ю. И. Семенченко** изучает франкоязычную малую прозу зрелого (1940–1950) и позднего (1960–1970) периодов творчества С. Беккета как специфическое явление, характеризующее новый мировоззренческий и формально-эстетический модус в творческой эволюции автора и отображающее преодоление литературных традиций. Впервые целый ряд франкоязычных рассказов, созданных в период с середины 1940-х по 1970-е годы, рассматривается диссертантом с точки зрения анализа концептуальных и структурно-тематических стратегий, обозначающих радикализацию эксперимента в малой прозе, с опорой на принципы жанровой поэтики модернистского рассказа, что предполагает возможность связной интерпретации исследуемых текстов (Семенченко, 2021).

Творчество английского писателя Чарльза Диккенса (Charles Dickens, 1812–1870), получившее мировую известность в XIX веке, продолжает волновать читателей нашей эпохи, а его изучение остается актуальным. Эстетика фантастического впервые рассматривается как доминанта литературного стиля Ч. Диккенса в исследовании **М. И. Крупениной** (*Эстетика фантастического в романах воспитания Ч. Диккенса*, 1921, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, научный руководитель — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Е. В. Халтрин-Халтурина). В позднеромантический, а также в постромантический период, во времена правления королевы Виктории, английские поэты и писатели начали отдавать предпочтение фантазии (fancy) как иной способности ума, подпитывающей всевозможные иллюзии. Увлеченность викторианцев фантазией отражается в биографических текстах куда интенсивнее, чем в раннеромантическую эпоху проникают элементы фантастического, нереального, сказочного, паранормального (Крупенина, 2021). Не избежали такой судьбы и романы воспитания, созданные Диккенсом. Основным предметом исследования диссертанта является литературный стиль Ч. Диккенса, отмеченный интересом к эстетике фантастического, но в то же время воплощающийся в художественных текстах, предполагающих наличие документально-реалистического повествования.

Репрезентации ренессансной модели гуманизма в европейской драматургии последней трети XX века посвящена работа **М. С. Щукиной** (*Рецепция трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц датский» в пьесах европейских драматургов последней трети XX века*, 2022, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, научный руководитель — канд. филол. наук, доц. С. Г. Липнягова). В основе Ренессанса как культурно-исторического периода лежит особое понимание человека как подлинной меры вещей, как эталона совершенства мироустройства, что позволяет определить ренессансный гуманизм как гуманизм антропоцентричный (Липнягова, Щукина, 2019). Одним из репрезентативных произведений ренессансной эпохи является трагедия У. Шекспира «Гамлет, принц датский», традиционно воспринимаемая в качестве художественного воплощения кризиса ренессансного гуманизма и лежавшей в его основе концепции человека. Автор диссертации разрешает противоречие между общеевропейской культурной традицией осмысления образа Гамлета как ключевого героя трагедии, борющегося за справедливое и гуманное мироустройство, и новой рецепцией шекспировских образов, сложившейся в европейской драматургии последней трети XX века, открывая самостоятельную значимость второстепенных персонажей У. Шекспира, ставя под сомнение ренессансную модель гуманизма и соответствующий ей образ человека. Актуальность исследования определяется

проблематичностью современного положения гуманистических принципов в европейской культуре; нечеткостью, вариативностью понятия «гуманизм» в гуманитарных науках; интересом компаративистики к феномену диалога в литературе и культуре, а также пристальным вниманием современного литературоведения к прецедентным текстам, аккумулирующим сверхтекстовые образования.

Подводя итог, отметим многообразие подходов и методов к исследованию различных литературных жанров (романы, драмы, рассказы, эссе, поэтические произведения и др.) и определению степени литературоведческого вклада западноевропейских и североамериканских писателей в их создание и развитие. Такая вариативность позволяет расширить область филологических исследований, которую заполнили и продолжают заполнять последователи, ученики и аспиранты, развивая основополагающие идеи и постулаты теории научных школ Института иностранных языков МГПУ (Москва), ИМЛИ им. А. М. Горького РАН (Москва), Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Крымского федерального университета им. В. В. Вернадского (Симферополь), Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Красноярск). Все вышеперечисленные диссертации основываются на антропологическом подходе с учетом национальной специфики литературного материала.

Список источников

1. Склизкова, А. П. (2016). Метаморфоза примирения в драме Г. Гауптмана «Праздник примирения». *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*, 2(38), 166–173.
2. Макарова, И. С. (2019). Образное поле «корабль»: культурологический феномен западноевропейской литературы. *Полилингвальность и транскультурные практики*, 16(4), 528–537.
3. Яценко, М. В. (2020). Поэтика древнеанглийского христианского эпоса: приемы передачи аллегорических смыслов библейского сюжета в поэме «Исход». *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 24–1, 325–338.
4. Баранова, К. М., & Афанасьева, О. В. (2014). Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(15), 8–17.
5. Ясько, Е. С. (2015). Мотив преодоления зла в творчестве американских романтиков позднего периода. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*, 3, 343–348.
6. Федоренко, О. Я. (2017). Авторская техника воплощения мотивов «невинность» и «чистота» в пьесе Т. Уильямса «И вдруг минувшим летом». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–3(69), 42–45.
7. Нефедова, О. И. (2018). Взаимодействие света и тьмы в романе «Зима тревоги нашей» Дж. Стейнбека. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8–2(86), 247–251.
8. Меркулова, М. Г., & Герасимова, С. А. (2022). Литературные опыты энциклопедиста XVIII века: Жан-Франсуа Мармонтель. *Научный диалог*, 8(11), 273–293.
9. Дроздова, М. С. (2016). Философская категория рецепции на примере анализа повести Дж. Фаулза «Башня из черного дерева». *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*, 26(2), 71–75.
10. Шишкина, О. В. (2018). Жанрообразующая функция пространственно-аудиального кода в романе-антиутопии У. Голдинга «Повелитель мух». *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки*, 2, 129–133.
11. Григорьева, М. А. (2019). Ретроспекция в драме Генри Артура Джонса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(3), 442–445.

12. Любеева, С. В. (2021). Портрет поколения «The Silent» в романах К. Исигуро «Там, где в дымке холмы» и «Художник зыбкого мира». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 14(11), 3349–3352.
13. Кирдяева, О. И. (2022). О. Уайльд «Портрет Дориана Грея»: картина, портрет или ... ? *Litera*, 1, 114–122.
14. Тимашева, О. В., & Карпова, А. В. (2020). Грак и Вагнер: пути и мотивы схождения и расподоблений. *Новый филологический вестник*, 1(52), 288–298.
15. Тищенко, М. В. (2020). Философская проблематика и выразительность художественной речи в публицистике М. Уэльбека. *Современное педагогическое образование*, 10, 196–198.
16. Морозов, И. В. (2018). Художественное воплощение своеобразия идей экзистенциализма в драме Ж.-П. Сартра «Мухи». *Мир науки, культуры, образования*, 4(71), 496–498.
17. Красовицкая, Ю. В. (2012). Изменение библейского образа «нового человека» в драматургии экспрессионизма (на примере драм Георга Кайзера). *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*, 18(98), 193–201.
18. Шалимова, Н. С. (2014). Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 4(30), 265–268.
19. Любеев, В. С., & Норец, М. В. (2017). Жанровая идентификация шпионского романа Хелен Макиннес «Связь через Зальцбург». *Общественные науки*, 2–1, 270–278.
20. Семченко, Р. А. (2020). Творческий процесс Ч. Паланика: от абстрактного представления к материальному воплощению. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 13(1), 104–110.
21. Berezhnaya, M. S. (2018). New Placement of a Woman in Tessa Hadley's Short Stories. *The New Past*, 4, 200–207.
22. Чернышев, И. Н. (2020). Образы движения в концепции сюжета романа Сэмюэла Беккета «Мерфи». (1938). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 12(1), 120–126.
23. Семенченко, Ю. И. (2021). Жанровый эксперимент «Никчемных текстов» С. Беккета. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»*, 21(1), 85–89.
24. Крупенина, М. И. (2021). Портрет в роли «свидетеля» (на материале романов «Холодный дом» Ч. Диккенса и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 9(851), 214–227.
25. Липнягова, С. Г., & Щукина, М. С. (2019). Репрезентация ренессансной гуманистической концепции человека в пьесах «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда, «Убийство Гонзаго» Н. Йорданова, «Офелия» Т. Ахтман, «Гамлет в остром соусе» А. Николаи, «Фортинбрас спился» Я. Гловацкого. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(12), 100–103.

References

1. Sklizkova, A. P. (2016). Metamorphosis of reconciliation in G. Hauptmann's play «The reconciliation». *Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, 2(38), 166–173. (In Russ.).
2. Makarova, I. S. (2019). Image field of ship: a cultural phenomenon of western-european literature. *Multilinguality and transcultural practices*, 16(4), 528–537. (In Russ.).
3. Yatsenko, M. V. (2020). Poetics of the old English Christian epic: means of conveying the allegorical senses of the biblical plot in the poem «Exodus». *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 24–1, 325–338. (In Russ.).
4. Baranova, K. M., & Afanasyeva, O. V. (2014). The new Adam figure in American colonial literature of the XVII th century. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(15), 8–17. (In Russ.).

5. Yasko, E. S. (2015). The motif of overcoming evil in the works of later american romantics. *Bulletin of the Tver State University. Series «Philology»*, 3, 343–348. (In Russ.).
6. Fedorenko, O. Y. (2017). Autor's technique to implement the motives «Innocence» and «Purity» in the play by T. Williams «Suddenly, last summer». *Philological sciences questions of theory and practice*, 3–3(69), 42–45. (In Russ.).
7. Nefedova, O. I. (2018). Interrelation of light and darkness in J. Steinbeck's novel «The winter of our discontent». *Philological Sciences Questions of Theory and Practice*, 8–2(86), 247–251. (In Russ.).
8. Merkulova, M. G., & Gerasimova, S. A. (2022). Literary Experiences of Encyclopedist of 18th Century: Jean-Francois Marmontel. *Scientific Dialogue*, 8(11), 273–293. (In Russ.).
9. Drozdova, M. S. (2016). The philosophical category of reception as applied to analyzing the ebonytower by J. Fowles. *Bulletin of the Udmurt University. Series «History and Philology»*, 26(2), 71–75. (In Russ.).
10. Shishkina, O. V. (2018). The genreforining function of spatio-audial code in W. Golding's anti-utopia «Lord of the flies». *Bulletin of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological Sciences*, 2, 129–133. (In Russ.).
11. Grigor'eva, M. A. (2019). Retrospection in Henry Arthur Jones's drama. *Philological Sciences Questions of Theory and Practice*, 12(3), 442–445. (In Russ.).
12. Lyubeeva, S. V. (2021). «Silent generation» portrait in the novels by K. Ishiguro «A pale view of hills» and «An artist of the floating world». *Philological Sciences Questions of Theory and Practice*, 14(11), 3349–3352. (In Russ.).
13. Kirnyaeva, O. I. (2022). Oscar Wilde's «Picture of Dorian Gray»: painting, portrait or something else? *Litera*, 1, 114–122. (In Russ.).
14. Timacheva, O. V., & Karpova, A. V. (2020). Gracq and Wagner: means and motives of semblances and dissimulations. *New Philological Bulletin*, 1(52), 288–298. (In Russ.).
15. Tishchenko, M. V. (2020). Philosophical problems and expressiveness of artistic speech in M. Houellebecq's journalism. *Modern Teacher Education*, 10, 196–198. (In Russ.).
16. Morozov, I. V. (2018). Artistic embodiment of the specifics of existential features of Jean-Paul Sartre's philosophy in his play «The flies». *The World of Science, Culture, Education*, 4(71), 496–498. (In Russ.).
17. Krasovitskaya, Y. V. (2012). The change in the biblical image of «New man» in expressionist drama (Georg Kaiser's dramas). *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «History. Philology. Culturology. Oriental studies»*, 18(98), 193–201. (In Russ.).
18. Shalimova, N. S. (2014). Initiation novel as an invariant form of educational novel. *Bulletin of V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 4(30), 265–268. (In Russ.).
19. Lubeev, V. S., & Norets, M. V. (2017). Genre identification of Helen Mcinnis's spy novel «The Salzburg connection». *Social Sciences*, 2–1, 270–278. (In Russ.).
20. Semchenko, R. A. (2020). Ch. Palahniuk's creative process: from abstract representation to material implementation. *Philological Sciences Questions of Theory and Practice*, 13(1), 104–110. (In Russ.).
21. Berezhnaya, M. S. (2018). New Placement of a Woman in Tessa Hadley's Short Stories. *The New Past*, 4, 200–207.
22. Chernyshev, I. N. (2020). Images of motion in Samuel Beckett's novel «Murphy». (1938). *Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology*, 12(1), 120–126. (In Russ.).
23. Semenchenko, Y. I. (2021). Genre experiment of Samuel Beckett's nouvelles et textes pour rien. *News of the Saratov University. New series. Series «Philology. Journalism»*, 21(1), 85–89. (In Russ.).
24. Krupenina, M. I. (2021). Portrait as a «Witness» (based on the novels «Bleak house» by Ch. Dickens and «The picture of Dorian Gray» by O. Wilde). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 9(851), 214–227. (In Russ.).
25. Lipnyagova, S. G., & Shchukina, M. S. (2019). Representation of Renaissance humanism in the plays «Rosencrantz and Guildenstern are dead» by T. Stoppard, «The murder of Gonzago»

by N. Yordanov, «Ophelia» by T. Akhtman, «Amleto in salsa picante» by A. Nicolaj, «Fortinbras gets drunk» by J. Glowacki. *Philological Sciences Questions of Theory and Practice*, 12(12), 100–103. (In Russ.).

Информация об авторах

Майя Геннадиевна Меркулова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Светлана Анатольевна Герасимова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Maya G. Merkulova — Doctor of Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, MCU.

Svetlana A. Gerasimova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Language and Linguistics Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов:

М. Г. Меркулова — концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

С. А. Герасимова — написание исходного текста; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82-1: 82-193.3
DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... **(200–250 слов).**

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма **(3–15 слов / словосочетаний).**

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Original article

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia,
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme **(3–15 words).**

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), _____. <https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонил для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст

Текст текст текст текст

Заключение / Conclusion

В **Заключении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.

2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O.Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate Professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2023, № 2 (50)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 11.08.2023 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 13,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.